

ФГБОУВО «Ивановский государственный университет»
Шуйский филиал ИвГУ

МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта»
г.о. Шуя

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ
Чтения по региональной казуальной истории

Выпуск четырнадцатый

Шуя 2024

ББК 63.3 (2-2Ив)
У 32

*Научный редактор
доктор исторических наук Ю. А. Иванов*

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Шуйского филиала Ивановского государственного университета*

В сборнике представлены материалы XXIV (2022 г.) и XXV (2023 г.) Чтений по региональной казуальной истории «Уездная старина», проводимых Шуйским филиалом ИвГУ и музеем с 1999 г.

Авторов сборника – историков, литературоведов, краеведов и музейных работников объединяет не только «пространство-время» – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX – начале XX в., но и общие представления о значимости истории повседневности, «микроистории» для знания о нашем историческом прошлом.

Раздел сборника «Шуйская старина» посвящен повседневной истории Шуи и Шуйского уезда с древнейших времен до начала XX века. Следующий раздел «В уездном городе N» знакомит с уездной жизнью соседних губерний. Заключительный – «Записки провинциалов: век XX» – содержит свидетельства очевидцев о прошедшем XX веке.

Книга адресована широкому кругу читателей.

*В оформлении обложки использован фрагмент вырезки
Капитана Воробьева – уроженца деревни Тепляково Шуйского уезда*

ISBN 978-5-86229-489-7

© Шуйский филиал ИвГУ, 2024

© Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта, 2024

© Коллектив авторов, 2024

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

Б. Л. МАКАРЬЯНЦ
(г. Иваново)

ПОХВАЛА НА ИКОНУ ОДИГИТРИИ ШУЙСКУЮ: ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКА СЛОВЕСНОСТИ XVII ВЕКА¹

В Словаре книжников и книжности Древней Руси (2004) *Сказание и Похвала* в честь Богоматери Шуйской² упоминаются как самостоятельные части литературного цикла о Шуйском чуде³, созданного в последней трети XVII века. Интересно, что первым научным исследователем цикла стал немецкий филолог-славист Andreas Ebbinghaus. Составляя академический труд о русских богородичных Сказаниях⁴ (1990), он включил в него ряд исторических материалов о Шуйском чуде, в том числе старинные акты из собрания В.А. Борисова. Изыскания А. Ebbinghaus приводятся в упомянутой словарной статье, составленной Д.М. Буланиным. Дополняя немецкого коллегу, он исправил неточную датировку Сказания (с XVIII на XVII век) и впервые дал общую характеристику Похвалы как второй части цикла, отметив её высокие риторические качества. Статья специалиста с объективной оценкой вновь открытого памятника гимнографии послужила мотивом к публикации текста Похвалы в монографии Н.И. Никонова⁵ (2008), посвященной Шуйской иконе Богоматери, её истории и иконографии.

Особенности гимнографии Похвалы однозначно указывают на сложносоставной тип этого памятника, но лишь недавно удалось выявить его основные источники, иначе говоря – риторические образцы. Следует сказать, что описанная Д.М. Буланиным рукопись Похвалы, несмотря на свою уникальность, является списком. Притом список этот неполон, он обрывается на середине фразы, не имея логического завершения. И всё же, открывшийся принцип композиции памятника позволил задуматься о реставрации недостающего окончания Похвалы. В итоге при работе с одним из источников был найден искомый фрагмент, который если не буквально, то *функционально* способен возместить лакуну в имеющемся списке памятника. Суть наших рассуждений изложена ниже.

Структурно Похвала состоит из двух разделов. Её вступительная часть содержит исторический экскурс об эпидемии моровой язвы 1654-1655 годов в Московском государстве. Затем следует краткая история обретения образа Богоматери, положившего конец эпидемии в Шуге. Далее, словами «*Прославимъ Сію*» начинается собственно Похвала, торжественное песнословие, адресованное «*празднику начальствующей*» Божией Матери и Её новочтимому образу. Эта гимнографическая часть является основной и по своему объёму занимает три четверти от сохранившегося текста.

Вопрос об авторстве Похвалы оказался достаточно сложным. Сама риторика выдаёт образ мысли искусственного книжника и богослова, что говорит о *московском* происхождении памятника. Заметно, что в тексте многократно задействованы цитаты из Ветхого Завета, толкуемые как прообразы Приснодевы, но очень мало собственных стихир. Это связано с русской богословской традицией, которая ограничивала песнописца в самостоятельном творчестве. В данном случае гимнограф также обратился к признанным риторическим образцам. Похвала составлена из трёх святоотеческих гомилий⁶, известных по Четьям Минеям митрополита Макария. Среди них: Беседа на Сретение Кирилла Иерусалимского⁷; Слово на Рождество Богородицы Андрея Критского⁸ и Слово на Введение Богородицы во храм Тарасия Константинопольского⁹. Составитель проделал немалую редакционную работу. Архаичный текст древних переводов был облаговзвучен в соответствии с нормами реформированного церковно-славянского языка, а затем из перечисленных источников были выбраны наиболее выгодные фрагменты в соответствии с поставленной задачей. Все извлечения из хрестоматийных текстов сопоставлены грамматически правильно, логически целесообразно и читаются как единый самостоятельный текст.

Красноречие автора в некоторых случаях принимает форму диалога с изображением Младенца на чтимой иконе. При этом, соглашаясь с источником (Слово на Сретение Господне), автор употребляет особое имя: *Вѣтхий дѣнми*. Сделаем необходимое пояснение. Специалисты-искусствоведы наших дней справедливо относят к визуальным особенностям Шуйского сюжета необычную позицию Младенца и богослужебные облачения на обеих фигурах¹⁰. Но автор Похвалы в качестве доми-

нанты всей композиции видел *свиток*, вознесённый *десницей Господней*. Действительно, в богатой иконографии Богоматери с Младенцем этот жест Бога Сына не встречается нигде, кроме сюжета, именуемого Шуйским. В глазах христианина этот строгий жест грозного Судии заключает в себе весть о приближении Судного дня. Эта деталь, единственная в сюжете Одигитрии Шуйской, соответствует имени *Вѣтхаго дѣнми*, присущему образу Христа, *«сѣдѣща на судищи»*. Используя это имя, автор, с одной стороны, следует решению Большого Московского собора, принятому по этому спорному вопросу¹¹, а с другой, фактически даёт богословское толкование сюжета – явление достаточно редкое для XVII в. И такое учительное дерзновение многое говорит об особом статусе составителя Похвалы.

Искусное редактирование и монтаж источников в тексте Похвалы вполне соответствуют творческому методу «пѣснотканія», о котором писал инок Евфимий Чудовский, бывший современником событий и пользовавшийся особым доверием патриарха Иоакима. В частности, ему было доверено руководство последней справой богослужебных книг XVII в. Своё поучение учёный инок назвал: «О еже пѣсниткати»¹². Чешский филолог С. Матхаузерова (1976), отмечает, что Евфимий, говоря о песенном творчестве, «среди всех организующих принципов искусства слова выбирает тот принцип художества, который свойствен ткацкому ремеслу». В пример она приводит цитату из его работы: *«изрѣднїи и хїтрїи рукохудожници ткуть постáвы рáзными вїды со цвѣтами; или плетуть краеодѣжднополагáемые рѣсны златоупещрѣнные <...> и такоже словѣсь плетѣніе или ткáніе отъ творцѣвъ полага́ется иноглаго́лательне»*¹³.

Проводя аналогию с принципами Евфимия, можно сказать, что в структуре Похвалы представлены все объявленные особенности творческого процесса. *«Поставы»*¹⁴ из трёх святоотеческих гомилий искусно составлены *«с извитїемъ и преносїенїемъ речѣний изъ мѣста въ мѣсто»*. Образ *Вѣтхаго дѣнми* как непреложное честнословие Бога Сына троекратно закрепляется автором на словесном полотне. Скромные украшения в виде двух *силлаботонических вставок* дополняют словесную ритмику Похвалы. Одна из вставок образно описывает масштабы моровой язвы: *«якожь серпъ клáсы пожинаше, / тако человекѣки до Стрáшнаго Судá отсылáше»*. Притом эта метафора имеет

аналоги в тетрадах со стихотворными опытами Евфимия, описанных Л.И. Сазоновой (1990)¹⁵. В итоге трудно отказаться от мысли, что никто лучше верного сторонника творческого метода «пѣснотканія», каким показал себя учёный инок Евфимий, не смог бы столь наглядно показать все его достоинства.

Далее вновь обратимся к тексту Похвалы. Действительно, известный на данный момент список не имеет логического завершения, но развитие славословий указывает, что утрата текста невелика. Так, после многих ветхозаветных прообразов Богоматери речь переходит к новозаветным событиям: *«Тебѣ величаемъ, нѡвый Заветѣ, егѡ же Мессія Христѡсь написа: писменá бо законá Тобѡю упразднѣишася, благодáти же звáнiя крещеніе возсія: обрѣзанія сънь престá...»*. Здесь список заканчивается. Но в найденном источнике следует продолжение фразы: *«Духа же пришѣствіе сущимъ на землі остáвися»*¹⁶. То есть, переход мысли гимнографа к Крещению и Пятидесятнице как событиям новозаветным предполагает движение речи к завершению.

Притом цитирование источников в Похвале идёт в строгой очерѣдности. Завершая необходимое по смыслу извлечение из одной гомилии, гимнограф приступал к другой, не смешивая источники. Отсюда следует, что если новозаветная стихира (как и весь предшествующий фрагмент, со слов *«Ублажим Сію...»*) заимствована из Слова святителя Тарасия на Введение во храм, то и утраченное окончание гимна логично искать в том же источнике. Необходимым подобием обладает эпилог гомилии¹⁷, который выстроен из кратких славословий Богоматери как покровительницы новозаветной Церкви. В источнике этот блок выделен в отдельный параграф, и его пафос вполне отвечает задаче, стоявшей перед русским гимнографом.

Дополнительным аргументом назовѣм *синтаксический приём* из эпилога гомилии святителя Тарасия, имеющий очевидный аналог в Похвале. Так, концевые стихи эпилога: *Рáдуйся, обрáдованная, Госпѡдь съ Тобѡю*, – святитель развивает мыслью о величии Бога Сына – *Сый прѣждѣ Тебѣ, изъ Тебѣ, и съ нáми*. Аналогично, в начале гимнографической части Похвалы после стихов: *Рáдуйся, воистину Благодáтная, Госпѡдь съ Тобѡю*, – славословие тотчас обращается к образу Богомладенца – *Ему же Серафѣми вопіють непрестáннымъ гласомъ...* Но (!) притом переходит к цитированию фрагмента из другой

гомилии. То есть, эпилог из гомилии на Введение во храм, без сомнения, был в поле зрения гимнографа, и его догматический синтаксис однажды уже был востребован в Похвале.

Можно добавить, что Похвала является вторым *богослужебным* произведением¹⁸, имеющим отношение к Шуйскому чуду. Интонационно она приближена к акафистной форме гимнографии. Первым частным молитвословием по отношению к Шуйскому образу Богоматери является пространное Молебствие, помещённое в Сказании (1667). Цитата из этого Молебствия¹⁹ была использована протоиереем Николаем Миловским в Службе чудотворному образу Богоматери, нарицаемому Шуйским (1924).

Создание Похвалы ассоциируется с широким чествованием Шуйской Одигитрии в Москве, в Шуе и в Ярославле, совершённым в 1690 г. Это деяние, подготовленное патриархом Иоакимом, завершило канонизацию, начатую в Шуе по благословенной грамоте патриарха Иоасафа II (1667). Память о чествовании 1690 г. осталась в церковном календаре в день вторника Светлой недели, когда мы чествуем Смоленскую, Иверскую и Шуйскую иконы Одигитрии. Реставрация обсуждаемого памятника даёт возможность не только оценить его риторическое совершенство, но и попытаться вернуть его в практику душеполезного чтения.

¹ Данное сообщение продолжает тему нашей статьи «Похвала на икону Одигитрии Шуйскую: Особенности гимнографии» // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. XII. – Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, Полицентр, 2020. – С. 9-22.

² Буланин Д.М. Сказание о иконе Богоматери Шуйской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Дополнения. – СПб.: Наука, 2004. – С. 601–603.

³ Под объединяющим понятием *Шуйское чудо* подразумеваются локальные события в городе Шуя, связанные с обретением чудотворного образа Богоматери в 1655 году во время моровой язвы и его же последующим прославлением в 1667 году по благословенной грамоте патриарха Иоасафа II.

⁴ *Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenden, Berlin, 1990.

⁵ Никонов Н.И. Шуйская Смоленская икона Божией Матери. – СПб.: Ладан: Троицкая школа, 2008. – С. 196–205.

⁶ Гомилия – форма проповеди, отличающаяся искусными риторическими приёмами, но при этом адаптированная для широкого круга слушателей.

⁷ *Радуїся зъло дци Сїона...* – ГИМ. Синодальное собрание, 991. – Л. 27 об. –29 об.

⁸ *Аще мѣрима есть земля пядію...* – Великія Минеи Четіи. Сентябрь. Дни 1–13. – СПб: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1868. – Стб. 386–396.

⁹ *Свѣтлое и преславное настоящее торжество...* – Великія Минеи Четіи. Ноябрь. Тетрадь III-я. – М.: Синодальная типографія, 1914. – Стб. 3051–3065.

¹⁰ *Сидоренко Г.В.*: Пята Спасителя // Чудотворная икона в Византии и древней Руси: / редактор-составитель Лидов А.М. – М.: Мартис, 1996. – С. 323. *Тарасова Е.Н.* Богословие иконографического извода Богоматери «Одигитрии» Шуйской-Смоленской // Свѣтильникъ. – 2002. – № 6 (ноябрь–декабрь). – С. 41.

¹¹ *Вѣтхій дѣнми* – образ из Книги пророка Даниила. В деяниях Большого Московского собора (глава 43) трактуется не как образ Бога Отца, но как образ Бога Сына: «*Обáче áще и Даніілъ прорóкъ глаголетъ: ꙗко видѣхъ Вѣтхаго дѣнми съдѣяца на судици. И то не о Отцѣ разумѣется, но о Сынѣ, ѣже бѹдетъ во второе Егó пришѣствие судити всякого язѣка Стрáшнымъ судóмъ*». О иконописцѣхъ и Саваофѣ // Дѣянїя московскихъ соборовъ 1666 и 1667 годов. 2-е изд. – М.: Изд. Братства св. Петра митрополита, 1893. – Л. 23об.

¹² ГИМ. Синодальное собрание, № 396. – Л. 68–73 и Л. 113–118.

¹³ *Матхаузерова С.* «Слагати» или «ткати»? (Спор о поэзии в XVII в.) // Культурное наследие Древней Руси. – М.: Наука, 1976. – С. 197–198.

¹⁴ *Постав* – старинная русская мера длины тканей (сукна), от 30 до 60 локтей.

¹⁵ Например: «*Смерть послѣдняго часа всегда ожидáетъ / ꙗко траву, человекá вскорѣ постыкáетъ*»; или: «*Смерть никогó не щадитъ, вся съчѣт косою / ѣже падаютъ, ꙗко листвїе съ росóю*». *Сазонова Л.И.* Евфимий Чудовский – новое имя в русской поэзии XVII в. // ТОДРЛ. – Л.: Наука, 1990. – Т. 44. – С. 320.

¹⁶ *Свѣтлое и преславное настоящее торжество...* – Великія Минеи Четіи. Ноябрь. Тетрадь III-я. – М.: Синодальная типографія. 1914. – Стб. 3063. В источнике данное изречение завершает параграф IX и возвещается от лица пророка Захарии.

¹⁷ Параграф XV. На греческом: Curs. Compl. Patrologiae, edit. Migne – Том ХСVIII, стб. 1497, 1500. Рубрикацию (деление на параграфы) сохраняет и русский перевод, представленный в ноябрьской Минеи митрополита Макария.

¹⁸ Если рукописи конца XVII в. содержат Молебствие или Похвалу, то в поздних рукописях последней четверти XVIII в. литургическую программу дополняет уставная служба в честь Смоленского образа Богоматери. Она появляется в рукописных сборниках в связке со Сказанием о Шуйском образе Богоматери вскоре после Павловского чуда (1771), бывшего от новочтимого списка Богоматери Шуйской.

¹⁹ Празднование Пресвятей Владычице нашей Богородице в честь чудотворных Ея иконы, нарицаемыхъ «Шуйския», сост. прот. Николай Миловский. Минея. Ноябрь. Часть 1. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 1980. Третья стихира на литии: «*Тебѣ вси роди человечестїи / хвальныя дары приносятъ, Владычице...*»

ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ШУИ В ПИСЦОВЫХ КНИГАХ XVII ВЕКА

Передача соборного чина рядовому Воскресенскому храму является знаковым событием в истории Шуи и потому привлекала внимание всех её бытописателей. Не вызывает сомнений, что возвышение Воскресенского храма связано с прославлением чудотворной иконы Божией Матери, именуемой Шуйской Смоленской, которое состоялось 28 июля 1667 г. Но точная дата освящения Воскресенской церкви как соборной остаётся белым пятном в истории города. Мнения краеведов по этому вопросу разделились. Сторонники 1667 г. полагают, что этот акт благословил патриарх Иоасаф II (Новоторжец), прославивший Шуйский образ Богоматери. Сторонники 1690 г. относят это событие ко времени патриаршества Иоакима (Савёлова).

Первоначально соборный чин в Шуе имел храм Покрова Божией Матери, расположенный внутри крепости. Описание Шуи, составленное в конце Смутного времени, фиксирует плачевное состояние соборного места после очередного разорения города отрядами мятежников: *«В городской осыпи бывала ружная соборная церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, да был предел во имя Усекновения Честныя Главы Иоанна Предтечи древян, да та церковь згорела да разоренья как город згорел»*. Но вскоре соборная церковь была отстроена на своём прежнем месте, что нашло отражение в описаниях Шуи 1623 и 1629 гг. Покровский собор сохранял свой статус длительное время и духовно окормлял, в основном, городскую знать. Изменение чина ружного собора (т.е. состоящего на государственном жаловании) могло произойти только решением первых лиц государства.

Чтобы прояснить вопрос о времени этого события мы воспользовались данными дозорных и писцовых книг XVII в. На протяжении столетия по указам, исходившим из Поместного (т.е. земельного) приказа, было составлено в общей сложности семь описаний Шуи. Все они, упоминая «церковное место», фиксируют чин Покровской и Воскресенской церквей, что позволяет проследить реформу их статуса. Исторически, Воскре-

сенская церковь имела выгодное местоположение. Она была поставлена на съезде к речной пристани. Первое сохранившееся упоминание о ней представлено в «Дозорной книге дворов и населения Шуи, дозорщика Галицкой чети *Никифора Неплюева* <...>», составленной 20 июня 1619 г., спустя полгода после заключения Деулинского перемирия (дек. 1618), положившего конец Смутному времени. Цитата: «*В Широкой улице храм Воскресение Христова деревян тёплый шатровый, да был храм Николы чудотворца*». Упоминание Николаевского престола в прошедшем времени связано с разорением Шуи в период Смуты. Николаевский престол отсутствует и в следующем описании Шуи «дозорщика *Северина Уварова*», составленном в феврале 1623 г. Краткая запись о посадской церкви упоминает лишь Воскресенский престол: «*Церковь тёплая во имя Воскресения Христова, строение мирских людей*».

Далее по хронологии следует наиболее подробная «Писцовая книга *Афанасия Векова*» 1629 года. Здесь название посадской церкви отражено так: «*Церковь Воскресенье Христова да в пределе Николы Чудотворца деревяна верх*». Как видим, в 1629 г. оба престола были объединены в одном строении.

Следующим описанием Шуи стала «Переписная книга стольника князя *Семена Клубкова-Мосальского*» 1646 года. Здесь акцент был сделан на личном землевладении жителей города, поэтому церковь на посаде удостоилась только краткого упоминания: «*Церковь Воскресения Господа нашего Иисуса Христа*». О Николаевском престоле Переписная книга 1646 г. умалчивает. Но шуйский историограф *Владимир Борисов* (1853) приводит синхронный документ от апреля 1652 г. Из текста челобитной архиепископу Серапиону Суздальскому и Торусскому узнаём, что оба престола по-прежнему сосуществовали в одном строении: «*въ церкви Воскресения Христова в верхней службе престол, да в исподней службе Николая Чудотворца престол*». Наличие верхнего и нижнего помещений свидетельствует о двухэтажной конструкции храма.

После 1646 и 1652 г. ретроспектива событий приблизила нас к трагической осени 1655 г., когда Шуя была поражена моровой язвой. Избавление от бедствия пришло по молитвам к образу Богородицы, нареченному Шуйско-Смоленским. Образ был написан местным мастером. Его имя – Герасим Тихонов сын Иконников. Оно известно по Сказанию, составленному в 1667 г.

И здесь будет уместно добавить, что три вышеупомянутые описи Шуи (1623, 1629 и 1646 гг.) называют среди посадских владений не только двор, но и состав семейства его отца, Тихона: *«Тихон Дмитриев сын иконник, посадский молодчий человек, <да в семействе у него> дети Стенка, Гераска, Сенка и племянник Якимка Кириллов»*. Средний сын, *«Гераска»*, и есть тот самый Герасим, который, став «гораздым мастером» (как его представляет Сказание) написал икону Божией Матери, избавившую жителей Шуи от моровой язвы. По книгам 1629 и 1646 гг., двор Тихона Иконникова располагался поблизости от Воскресенской церкви, в начале Ковровского тракта. По реконструкции застройки Шуи, выполненной Л.Д. Мазур (2006) в соответствии с межеванием первой половины XVII в., дистанция между Воскресенской церковью и двором Тихона Иконникова составляла 65 казённых сажень (140 м). В наши дни эта территория свободна от застройки и находится на Зелёной площади.

Образ, написанный Герасимом, первоначально стал местночтимым. Но через 12 лет шуйские события вывели почитание иконы на новую высоту. За короткое время, с апреля по октябрь 1666 г. в т.н. «роспись чудес» были собраны 103 истории исцеления от неизлечимых болезней. Творимые иконой чудеса послужили поводом для прибытия в Шую *патриаршей комиссии* под началом архиепископа Стефана Суздальского. Итогом её работы стало прославление образа Богородицы, состоявшееся 28 июля в день праздника Одигитрии Смоленской. Книга, составленная в ходе работы патриаршей комиссии, свидетельствует, что приехавшие в Шую: *«... Преосвященный Стефан архиепископ со архимандриты и игумны и протопопом ... пришли из соборные церкви Покрова Пречистой Богородицы в церковь Воскресения Христова со кресты и пели молебн...»*. Как видим, основная праздничная служба состоялась в «соборной церкви Покрова», и лишь затем духовные власти *«со кресты»* перешли в приходскую Воскресенскую церковь и соборно отслужили молебен перед чтимым образом Богородицы, совершая тем самым его уже *общецерковное* прославление.

Следом документ деловой серии от 4 августа 1667 г. впервые упоминает престол *«Пресвятая Богородицы»* как часть Воскресенского храма. По-видимому, освящение нового престола Суздальским архиереем состоялось тогда же, как продолжение канонизации *чудотворного* образа Богородицы. Логично

предположить, что новый престол во имя Богоматери был перепосвящён в нижнем храме, вместо Николаевского (с условием возобновления последнего в скором времени, в отдельно стоящем строении).

Составленная в декабре 1677 г. «Переписная книга Данилы Гурьева» свидетельствует, что по прошествии десяти лет от прославления Шуйского образа Богоматери, церковь всё ещё оставалась в достоинстве посадского храма: «На посаде ж церковь Воскресение Христова».

Таким образом, можно сделать первый вывод, что сторонники ранней даты были правы только отчасти. Престол во имя Пресвятой Богородицы, действительно, был освящён в этой церкви в 1667 году, но соборный статус Воскресенская церковь получила несколько позже.

Суздальская епархия в эти годы переживала не лучшие времена. В связи с деятельностью приверженцев старого обряда, архиепископ Стефан был удалён из Суздаля. И потому, несмотря на резонансное прославление иконы Богоматери в Шуе, руководство епархией было сильно затруднено. Кроме того, в апреле 1672 г. обширная Суздальская епархия была ощутимо уменьшена в пользу новообразованной Нижегородской епархии, что не могло не отразиться на епархиальной казне. А учреждение нового викариатства в Юрьеве Польском сдерживало церковное строительство в Шуе по сравнению с соседними городами. Ситуация изменилась при митрополите Иларионе, принявшем Суздальскую кафедру в декабре 1682 г. Он понимал необходимость возвышения престола, освящённого во имя Шуйского образа Богоматери. Но передача соборного чина предполагала расширение «церковного места», что зависело от Поместного приказа.

Уже в августе 1683 г. Артемоном Жадовским была составлена «Межевая книга посадской земли города Шуи». Вероятно, новое межевание на посаде, спустя всего шесть лет от предыдущего (1677), имело отношение к передаче соборного чина Воскресенской церкви. По-видимому, свободной земли на посаде выявить не удалось. Тогда, на склоне берега Тезы была спроектирована дополнительная терраса, где предполагалось заново разместить Николаевский престол. Но требовалось выждать некоторое время, чтобы подпорная стена из кирпича устоялась и укрепила склон берега.

Ещё одна, краткая опись Шуи была проведена через два года, в 1685 г., *Александром Теприцким*. Она была *составлена 20 мая* и вновь зафиксировала церковные места на посаде. И здесь, при упоминании Воскресенской церкви, нас ожидает важное открытие: *«В Шуе городе на посаде соборные церкви Пресвятые Богородицы Чудотворного ея образа Одегитрея и Николы Чудотворца... и те церкви огорожены»*. Перед нами первое официальное упоминание Воскресенской церкви в соборном чине. И главным здесь назван престол во имя «чудотворного образа Одигитрии». Для сравнения приведём цитату и о Покровском соборе: *«Церковь Покрова Пресвятые Богородицы что в городе в осыти, да круг кладбища старого собору восемьдесят четыре сажени с полусаженью огорожены»*. Эта запись констатирует переход Покровской церкви в рядовой чин.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что передача соборного чина в Шуе произошла в 1685 г. после расширения церковного места на посаде.

Но Писцовая книга 1685 г. ничего не говорит о *каменном устройстве* соборных церквей. Действительно, едва ли возможно за два года возвести два храма из кирпича, притом один из них на свежей земляной насыпи. Вероятно, упомянутые церкви были ещё деревянными, но придание соборного чина позволяло привлечь средства для скорого возведения уже каменных зданий. Т.е., *сторонники позднего срока* передачи соборного чина Воскресенской церкви (1690 г.) были также недалеко от истины.

В заключение процитируем опись Шуи, составленную воеводой *Яковом Сытиным* в 1709 г. Она, по сути, подводит итог реформы церквей в Шуе и сообщает о соборном ансамбле: *«да в Шуе на посаде Соборная и Апостольская церковь Пресвятая Владычицы Шуйския, да соборная церковь Великаго Чудотворца Николая, каменная»*. Как видим, здесь отмечено каменное строение церквей и приводится их новое наименование. Своим высоким титулом соборная церковь в Шуе обязана централизованному прославлению Шуйской Одигитрии, организованному патриархом Иоакимом и состоявшемуся в 1690 г. При этом деяния, сопровождавшие канонизацию, совершались не только в Шуе, но также в Ярославле, где был освящён тезоименитый храм в «Рубленном городе» (т.е. в Кремле). В Москве список новочтимой иконы с кратким титулом «Шуйская», был помещён в глав-

ном храме русского государства, в Успенском соборе Московского Кремля (согласно описи 1701 г.).

Таким образом, по совокупности документов XVII в. мы видим, что период приготовления соборного престола для чудотворной иконы Богоматери занял 30 лет с момента её явления осенью 1655 г.

Освящение нового престола во имя Божией Матери в Воскресенской церкви произошло через 12 лет, в 1667 г., в дни шуйского прославления чудотворной иконы, первоначально именуемой Одигитрией Смоленской.

Соборного чина эта церковь была удостоена при митрополите Суздальском Иларионе в 1685 г. и стала именоваться как «соборная церковь Пресвятые Богородицы Чудотворного ея образа Одигитрея».

Но завершение строительства каменной соборной церкви напрямую связано с московским прославлением образа Одигитрии, официально получившего при этом краткий титул «Шуйского». Соответственно, освящение первого каменного здания собора в Шуе следует отнести к 1690 г.

Е. С. БУТРИН
(г. Иваново)

ОБЫВАТЕЛЬСКИЕ КНИГИ Г. ШУИ И УЧЕТ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Обывательские книги – важнейший источник по истории российского города конца XVIII – первой половины XIX в. Фактически этот источник должен был фиксировать полный состав городского населения – от чиновников и дворян до проживавших в городе крестьян и «иногородцев». Согласно Жалованной грамоте городам, изданной 21 апреля 1785 г., регламентировалось внесение в книгу следующих сведений: имя, возраст, время проживания, состав семьи, недвижимость, промысел, городские службы и местопребывание в настоящее время¹. При должном ведении этого документа обывательские книги предоставляли исчерпывающие сведения о социально-экономической и демографической структуре городского населения. Однако знаком-

ство с делопроизводственной практикой органов городского самоуправления свидетельствует, что практически нигде обывательские книги не велись в соответствии с законодательными предписаниями.

Обывательская книга составлялась избираемыми каждые три года старостой и депутатами. По закону 1785 г. подразделялась она на шесть частей: в книгу вносились городовые обыватели (имеющие недвижимость); купцы; цеховые; иногородние купцы; именитые граждане; посадские. С 1835 г. по Уставу о состояниях нового «Свода законов Российской империи» правила составления обывательских книг были несколько изменены. Теперь в первую часть книги вносились потомственные дворяне, во вторую – купцы, в третью – цеховые, в четвертую – иногородние и иностранцы, в пятую – личные дворяне и почетные граждане, в шестую – мещане². Таким образом, обывательская книга окончательно приобретала «сословную» окраску. Главной проблемой исследования обывательских книг XVIII-XIX вв. обычно является сохранение их далеко не в полном комплекте. Формально, книга должна была обновляться в течение каждого трехлетия. И действительно, в некоторых городах такая практика существовала – в архиве Суздальской городской Думы отложился комплект из 11 обывательских книг с 1791 по 1859 гг. Можно предположить, что недостающие книги не дошли до нас просто в силу неполной сохранности самого архива. В то же время обывательские книги обычно не требовались в ходе текущего делопроизводства органов городского управления. Составлением их занимались особые должностные лица, не входившие в состав магистрата и Думы. Поэтому во многих городах они длительное время не велись, либо исполняли исключительно утилитарные задачи – прежде всего, регистрации городской недвижимости. Например, ревизия в Костромской губернии, проведенная по предписанию Министра внутренних дел от 16 февраля 1852 г., выяснила, что в некоторых городах обывательских книг вовсе нет, в других – они составлены в «давнее время», в третьих – ведутся без разделения на части, либо с неверным разделением³. Эта ситуация была типичной для большинства российских городов.

В связи с этим обратимся к архивному фонду Шуйской городской Думы, сохранившемуся практически с исчерпывающей полнотой: он включает 8075 дел за период 1785-1872 гг. Наибо-

лее ранняя обывательская книга в фонде Шуйской думы относится к 1794-1796 гг. Как установила М.С. Черкасова, обывательские старосты изначально переписывали семьи горожан, исходя из наличия недвижимости (факт владения ею был главным основанием для включения в книгу), после чего составляли алфавитный список, в который вносились все обыватели «в соответствии с капиталом и социальным положением»⁴. В связи с этим она предлагала выделять «алфавитные списки и собственно переписи городских обывателей». Сохранившаяся в архиве Шуйской думы обывательская книга 1794-1796 гг. относится к первому типу. Причем в этот список включены исключительно шуйские купцы и мещане. Сам он озаглавлен: «Книга обывательская города Шуи, учиненная по силе Городового положения и с поданного от частного градского старосты обывательского списка, продолжаемого им в сочинении в прошлых 1794, 1795 и 1796 годах, о всех находящихся в городе Шуе обывателях старожилых и вновь поселившихся»⁵. В самом алфавитном списке упоминаются два частных старосты, прежде служивших по три года «для сочинения градского обывательского списка»: Ф.В. Болотов и И.И. Балин. Также отмечены два депутата, бывшие «у сочинения обывательской книги» – И.А. Корнилов и С.С. Селиванов. Наконец, фигурируют в списке и два депутата, занимавшиеся оставлением обывательской книги в 1794-1796 гг. (А.Я. Кириллов и И.Д. Колотиллов)⁶. Следовательно, обывательская книга первоначально действительно составлялась депутатским собранием и обновлялась довольно аккуратно. Составлением книги занималось двое депутатов, а вот частный староста, судя по заглавию документа, только один.

Здесь нужно заметить, что шуйский алфавитный список обывателей 1794-1794 гг. сильно отличается от требований законодательства. Прежде всего, в нем отсутствует разделение на части. Причина изменения формуляра прозрачна – в Шуе (как и в подавляющем большинстве российских городов) отсутствовали цеховые, иногородние купцы и именитые граждане. А остальные категории (купцы и мещане) для удобства сводились в один алфавитный список. Что касается других городских обывателей (дворяне, чиновники, церковнослужители, солдаты, крестьяне), то они в книги не вносились вплоть до введения в действие нового Свода законов в 1835 г. Та часть книг, куда было необходимо вносить владельцев недвижимости (за особую плату

в пределах 100 руб.), даже в столичных городах практически не пополнялась. А в провинциальных обывательских книгах, как мы можем убедиться на примере Шуи, она и вовсе отсутствовала. Впервые сбор за запись в обывательскую книгу «по недвижимому имению» был введен указом Александра I от 7 апреля 1820 г. только в столице⁷.

В книгу 1794 г. вписаны полные сведения о семьях шуйских мещан. Причем у взрослых женщин обязательно указывалось происхождение – из купцов, мещан, крестьян, солдат или церковников («купеческая дочь» или «мещанская вдова»). Происходившие из других сословий жены весьма редки. Например, женой 55-летнего Данила Яковлевича Гнусина была подьяческая дочь Прасковья Васильевна, 65 лет. Другой шуянин, 25-летний Степан Филиппович Хлебников взял в жены «вольную девку» Анну Ивановну. А 52-летний Михаил Алексеевич Немиров Меньшой был женат даже на капитанской дочери Марии Васильевне, 31 года. Также аккуратно указывался возраст всех членов семьи, вплоть до нескольких недель. Например, у Петра Васильевича Гнусина было пятеро детей, в том числе сын Николай, 10 недель. Единичные исключения составляли некоторые взрослые женщины, возраст которых не указан (подобно упоминавшийся выше А.И. Хлебниковой). Относительно безымянной жены 37-летнего Михаила Ивановича Корнилова сделана лаконичная помета: «за распутной жизнью жены ево жительства со оною не имеет». Последние две графы обывательской книги посвящались промышленным занятиям и городским службам мещан. Причем промыслы далеко не всегда были узкоспециализированными. Например, 50-летний Иван Васильевич Артемьев «промысел имел прянишной и от рыбной ловли», 47-летний Михаил Семенович Архиповский – «калачный и от постою». Отец и сын, проживавшие в одном доме, могли иметь и разный промысел. Например, 75-летний Степан Васильевич Гнусин занимался рыболовством, а его сын, 45-летний Петр Степанович – торговал холщевым товаром. Наконец, «служебная» графа была заполнена сведениями об общественных должностях и службах, ранее исполняемых фигурантами. Эта обязанность коснулась почти всех взрослых мужчин города, причем многих – далеко не единожды. Например, 70-летний Иван Яковлевич Гусев успел по одному году прослужить: целовальником при конских сборах и в таможе, счетчиком у приема банковых денег, в кружечном

дворе и в уездном казначействе, ларечным в таможене и у соляной продажи, сборщиком в магистрате, а также выборным у приема вина (в Лухе). Отметка «в службах не бывал» была крайне редкой и касалась не более 5% взрослых мужчин. Отмечались в этой графе и должности сыновей хозяина – сын Гусева, 33-летний Иван Иванович, три года прослужил шуйским маклером.

Но наиболее информативной все же была четвертая графа, в которой описывалась недвижимость фигуранта. В ней подробно указывалось местоположение дома, характер строения (деревянное или каменное), точные размеры участка (до нескольких аршин). Далее давались сведения о происхождении земли (купленная, наследственная, отводная, или полученная в приданое) и наличии на нее письменных документов. Завершалось описание недвижимости сведениями о том, кем собственно она была возведена – самим фигурантом, его отцом или другим родственником. Например, 36-летний Василий Александрович Артемьев имел «дом в Широкой улице, идучи от собора к Троицкому монастырю на левой стороне деревянной». «Под тем домом и огородом земли впоперечнику в переднем 5 сажень и 2 аршина, в заднем конце 4 сажени с половиною, длиннику 23 сажени, тот дом и с землею наследственный». Как видим, в данном случае не отмечены документы на право владения – обычно в случае наследования имущества они не требовались. А вот земля, на которой располагался деревянный дом 52-летнего Александра Ивановича Гнусина в Широкой улице, имеет такую характеристику: «половина наследственная, а другая прикупная, на которую и купчую имеет, а дом строен им». Особенно внимательно проверялись документы на землю, отведенную шуянам органами самоуправления – магистратом или управой благочиния (учреждена в апреле 1782 г.). Обычно отводные документы на землю имелись, но были и исключения – как правило, связанные со сроком давности. Например, 50-летняя Наталья Ивановна Демина владела домом в Узкой улице, земля для которого была отведена ей еще магистратом «а владенного указа не имеет». Напротив, 52-летний Герасим Васильевич Игумнов имел «билет» магистрата на отведенную ему землю в 19 квартале города («длиннику 25, а поперечнику 20 сажень»).

Следующая сохранившаяся в архиве Шуйской думы обывательская книга относится к трехлетию с 1833 по 1835 гг. (да-

тировать ее позволяют сведения о городских службах фигурантов). Формуляр ее сильно отличается от обычного и представляет собой определенный «гибрид» обывательской книги и рекрутского списка. В первой графе этого документа указаны исключительно представители мужского населения, а во второй – их возраст по ревизии 1816 г. Третья и шестая графы содержит отметки об «убылых разными случаями» (умерших, поступивших в рекруты, записавшихся в другое мещанское общество). В четвертой и пятой указывается дата рождения и возраст вновь родившихся мещан. Седьмая графа содержит сведения о недвижимости и пути ее попадания к фигуранту, а восьмая – оценку недвижимого имущества. В следующем столбце вписан «промысел» и сведения о времени проживания лица (пример: «занимается рукодельем, причислен в 1827 г.»), в десятой графе – его сословие, в одиннадцатой – сведения о городских службах. Наконец, последняя графа должна была содержать данные о судимости («поступки главы семейства или членов его, замеченных в предосудительности»). Например, 32-летний Степан Максимович Блинов «судим был и наказан за кражу». Само название документа – «Книга, заведенная в Шуйской градской думе с описанием по алфавиту купцов и мещан и их состояния» – свидетельствует, что он являлся новшеством, ранее в думском делопроизводстве не применявшимся. Книга представляла собой некий свод данных, необходимых городской думе в повседневной работе.

Главные отличия ее от обычной обывательской книги состояли: 1) в отсутствии сведений о женской части населения; 2) внесении в список купцов, объявлявших в городе капитал, но непосредственно в нем не проживавших; 3) максимальном сокращении сведений о недвижимости. В некотором числе случаев отсутствуют даже данные о местоположении недвижимости, не говоря уж о наличии документов на право владения. Сведения о размерах недвижимости заменяются данными о сумме ее оценки. Так, купец Яков Максимович Киселев имел в городе «два дома деревянные и кожевенный завод» общей стоимостью в 4000 руб. В книгу 1833 г. вносились также данные о происхождении имущества – максимально краткие. Например, Филарет Егорович Болотов имел «в 17-м квартале дом деревянной, доставшейся после отца и по разделу с братьями» стоимостью в 600 руб. Иван Максимович Силин владел «в 8-м квартале домом

деревянным с флигелем, построенным им на купленной земле» (стоимость – 1100 руб.). Включались в книгу и общие сведения о недвижимости купцов, располагавшейся вне города. Например, против фамилии купца Лариона Ивановича Корноухова в этом документе отмечено: «в Шуйском уезде имеет дом деревянный с фабриками». «Служебная» графа, к сожалению, заполнена весьма краткими сведениями, явно не отражавшими полной картины городских служб фигуранта. Обычно в ней имеется запись об одной, максимум – двух службах, но во многих случаях она и вовсе пустует. Всего из перечисленных в книге 399 семей лишь представители половины (202 семьи) принимали участие в исполнении общественных повинностей. Зато, в отличие от книги 1794 г., изредка указываются даты службы. Например, 57-летний Иван Иванович Болотов с 1812 по 1815 гг. исполнял должность гласного в Думе, а еще три года прослужил рассыльщиком. Впрочем, относительно редких фигурантов имеются данные и о большем количестве служб. Например, 76-летний Василий Тихонович Гнидин успел по году прослужить присяжным свидетелем, сборщиком, выборным у соли, два года исполнял должность словесного судьи и шесть лет – думского гласного.

Сведения о службах и недвижимом имуществе в книгу 1833 г. явно попали прямым из обывательской книги. Но не оставляет впечатление, что в этой книге данные о городских службах мещан далеко не полны. Судя по всему, они вносились исключительно со слов фигурантов, прежние обывательские книги не использовались. Исходя из этого, можно думать, что велась она недостаточно регулярно. Согласно ведомости от августа 1817 г. о городских повинностях и денежных расходах, депутатское собрание в городе не избиралось⁸. Впрочем, в документ оно не попало возможно, по той причине, что его члены не получали денежного содержания. В самой же книге 1833 г. упоминаются два депутата, ранее трудившиеся над ее составлением – Ф.Л. Киселев и И.М. Посников⁹. Первый из них, Федор Леонтьевич Киселев скончался в 42-летнем возрасте в 1832 г. – следовательно, в 1833 г. использовалась обывательская книга, составленная несколькими годами ранее. Вторым источником этой книги были рекрутские списки, составление которых было инициировано новым рекрутским уставом, изданным в июне 1831 г. По нему из городского общества выбирались специальный ре-

крутный староста и рекрутный отдатчик, занимавшиеся распределением повинности среди членов общества. С этой целью при очередном наборе составлялся рекрутный список. В нем учитывалось все мужское население общества (по возможности, с точными датами рождения). При этом, как и в книге 1833 г., в рекрутских списках специально отмечались «прибылые и убылые» души.

Для определения годных к исполнению повинности лиц важно было учитывать обывателей, исполнявших городские службы, имевших тяжелые болезни и ранее оказывавшихся под судом. Отсюда – появление специальных книг учета городских служб, а также судимости купцов и мещан. Первый список с данными о судимости был направлен Шуйским магистратом в Думу 25 ноября 1832 г. Купцы и мещане фигурировали в этом списке отдельно в алфавитном порядке. «Купец Александр Васильев Бабурин. Оной Бабурин сужден был в 1819 г. по двум делам: 1-му за написание себя купцом; 2-му за держание без письменных видов крестьян Василья Семенова и 3-му в 1827 г. Ивана Семенова, которые решены. И оными определено: по 1-му учинить ему Бабурину в присутствии выговор, 2-му штрафовать в пользу казны 6-ю рублями, а последнему от суда освободить». Всего в этом списке значится 364 семейства¹⁰. Книга же 1833 г. могла выступать в роли списка городских служб, объединяя данные обывательской книги и нововведенных с 1832 г. рекрутских списков. Однако практика составления подобных документов продолжения, судя по всему, не имела.

В сентябре 1842 г. Министр юстиции ордером поручил губернским прокурорам доставить ему сведения, вносятся ли городские обыватели в обывательские книги и по какому порядку. Ответ был неутешительным – прокуроры сообщали, что существующие законы об обывательских книгах по некоторым губерниям вовсе не исполняются, а по другим – исполняются с отступлениями от действующего законодательства. Ситуация была доложена Сенату, который доверил заботу «о точном и неупустительном» ведении обывательских книг губернаторам. В связи с этим владимирский губернатор П.М. Донауров в марте 1843 г. обратил внимание городских органов управления на необходимость регулярного ведения обывательских книг согласно новому законодательству. «Если обывательские книги ведутся с отступлениями от узаконений», требовалось немед-

ленно завести новые «по точной силе сих узаконений, не допуская ни малейшего от них отступления»¹¹. С целью составления новой обывательской книги Шуйская дума 7 июня 1843 г. предложила горожанам выбрать новых депутатов и старост. Для этой миссии шуяне избрали в качестве старост купца Н.В. Меншикова и мещанина Е.И. Балина, а в депутаты – купцов Ф.И. Корнилова, М.А. Лядова и мещанина М.Я. Голятина¹². Этот эпизод свидетельствует о том, что практика выборов депутатского собрания к 1843 г. уже прекратилась – для составления обывательских книг были избраны новые старосты и депутаты. После отмеченного эпизода процедура переписи обывателей вновь возобновляется.

Насколько аккуратно велась обывательская книга, можно судить по неоконченному толстому фолианту, не имеющему датировки и сведений о составителях. Возраст упоминаемых в этом списке лиц позволяет датировать его 1850 г. – следовательно, это была уже третья обывательская книга, составленная по требованиям нового законодательства. Книга эта, в которой пронумеровано 575 листов, заверена думским гласным и секретарем¹³. Вот только из семи столбцов со сведениями и жителях города Шуи, оказались заполнены лишь три: имя и возраст хозяина, сведения о его семейном положении и данные о детях. Не включены в этот алфавитный список данные о недвижимости, месте пребывания фигуранта, а также о его промысле и городских службах. В первой графе не отмечены даже обычные данные о времени проживания лица (старожил или вновь причислившийся). Лишь относительно некоторых обозначен год вступления в мещанство: например, 46-летний Семен Федорович Балдин был «причислен в 1842 году», а 35-летний Осип Максимович Бирюков – в 1850 г. Система учета обывателей по этой книге также далека от законодательных требований. Речь в нем идет не о владельцах недвижимости в городе, а исключительно о шуйских купцах и мещанах, включенных в городское общество, связанных единым кругом налогов и повинностей. О домах дворян, чиновников, священнослужителей, солдат и крестьян, не включаемых в податные ведомости, в этом документе не упоминается. Таким образом, на основании этого списка трудно судить, насколько исполнялись законодательные требования по составлению книги депутатским собранием после 1843 г.

Возможно, серьезным толчком к возобновлению практики составления обывательских книг послужила реализация программы собирания статистических сведений о городе Шуя на исходе 1854 г. Ранее подобные данные собирались губернатором для отчета императору (такие циркуляры поступили в Шую 22 ноября 1842 г. и 22 декабря 1852 г.). Теперь в собирание сведений активно включился Владимирский губернский статистический комитет. Эта структура существовала с апреля 1835 г., но на полную мощность заработала лишь после реформы в июне 1854 г. В июле 1854 г. Шуйская дума получила из статистического комитета циркуляр о необходимости сбора статистических сведений для проверки предыдущих отчетов. В Шую проживали две активных членов комитета – известные краеведы В.А. Борисов и И.М. Лядов. Им необходимы были помощники из мещан, в качестве которых 22 ноября 1854 г. общественным приговором были избраны 4 чел. (П.П. Федосеев, Т.Ф. Морозов, П.М. Охлопков и А.Я. Овчинников). Они должны были к началу 1855 г. собрать сведения «о числе всех жителей шуйских и иногородних и владеемой ими земли в городе». По инструкции они обязывались в определенной части города «истребовать от каждого домовладельца, не пропуская ни одного», сведения о его «звании», составе семьи, а также полном числе постояльцев «разумея только тех, которые постоянно проживают в городе». Также требовались сведения о количестве земли у каждого обывателя — их необходимо было проверить «документом, или измерением»¹⁴. Представленная в декабре 1854 г. ведомость включала данные не только о частных владениях, но и об общественных постройках. Всего по ней в Шую проживало 2376 домовладельцев, 568 чел. прислуги и 1558 постояльцев. Таким образом, общая численность населения составляла 4502 чел. После ревизии итогов подсчетов комиссии городской Думой она выросла до 4613 чел.¹⁵ Причем большая часть земли в городе (89,1 дес. из 209,7 дес. – 42%) принадлежала небольшой прослойке богатейших купцов – почетных граждан (108 чел.).

Масштабное описание городской недвижимости в декабре 1854 г. могло подтолкнуть шуйян к составлению новой обывательской книги. Так или иначе, первая обывательская книга, сохранившаяся в архиве Думы, составленная по всем требованиям законодательства 1835 г., относится именно к следующему 1855 г. К сожалению, это не полная книга, а одна тетрадь из нее,

включающая описание кварталов с 27-го по 39-й. По сведениям на июнь 1855 г., депутатское собрание г. Шуи состояло из 5 чел.: головы, двух депутатов и двух частных старост¹⁶. Это подразделение несколько отличается от данных 1843 г., когда шуяне избрали для составления книги трех депутатов и двух старост. Зато оно близко соотносится с четырехчастным делением города, примененным во время описания декабря 1854 г.: каждый староста и депутат принимал на себя описание одной из четырех частей Шуи, общий контроль осуществлял градской голова. В 1855 г. в качестве старосты, занимавшегося описанием одной из частей города, выступил 55-летний купец Алексей Григорьевич Белугин. Его тетрадь составлена по алфавиту и включает все необходимые сведения¹⁷. Сравнительно с прежним формуляром добавилось точное указание на сословие фигуранта: ведь оно могло различаться даже у представителей одной семьи. Например, вместе с почетным гражданином С.А. Корниловым проживала его мать, подполковница Н.С. Зенович. На формуляр первой графы в обывательских книгах оказали определенное влияние рекрутские списки – некоторые записи завершались пометой о поступлении хозяина двора в ратники (например, в армии оказался 40-летний мещанин П.Д. Киселев).

Особенно подробное внимание А.Г. Белугин уделял городской недвижимости. Правда, в данном случае уже отсутствуют сведения о ее точных размерах, зато сохраняются обязательные указания на местоположение владения, его характер и подтверждающие этот факт документы. Например, сам Белугин имел «дом деревянный с надворным строением, жилою избою и каменную палаткою», принадлежавший его супруге Агафье Васильевне по купчей крепости от шуйского мещанина Е.И. Баллина, совершенной во Владимирской палате гражданского суда 26 мая 1842 г. Впрочем, указание на точные даты документов имеется далеко не всегда. Например, один из самых заметных граждан города, 56-летний Федор Иванович Корнилов, имел «каменный дом с надворным строением и прочими каменными для фабричных заведений корпусами», доставшийся ему по наследству от отца в 1821 г. Напротив него располагался участок пустопорожной земли, где Корнилов сам выстроил деревянный амбар «для складки хлеба». Владел Корнилов также водочным и пивоваренным заводом, основанным им на берегу Тезы «близ большого моста». Наконец, в 41-м квартале ему принадлежал

деревянный флигель, приобретенный по купчей крепости в уездном суде. Сведения о городских службах довольно подробны, но также касаются лишь немногих фигурантов. Зато в эту графу попадают данные о наградах. В частности, тот же Корнилов, дважды исполнявший должность бургомистра и 2,5 года прослуживший городским головой, имел «потомственную бронзовую на Анненской ленте медаль за 1812 год».

Первая полная обывательская книга Шуйской городской думы сохранилась за трехлетие 1860-1863 гг. Она составлена в четырех частях. Описание кварталов с 1-го по 14-й принял на себя депутат Иван Гаврилович Мошков, кварталы с 15-го по 26-й достались депутату Ивану Васильевичу Новикову, кварталы с 27-го по 39-й – старосте Николаю Николаевичу Боголюбскому, кварталы с 40-го по 40-й и заречные – старосте Ивану Степановичу Успенскому¹⁸. Каждый из них составлял собственную тетрадь с алфавитным списком жителей подведомственных кварталов. Тетради Мошкова и Успенского датированы 1862 г., Новикова – 1861 г., а тетрадь Боголюбовского даты не имеет (по возрасту фигурантов датируется 1862 г.). Принципы составления этих документов в целом сходны с отрывком обывательской книги 1855 г.: особенное внимание уделяется документам на владение недвижимостью, вплоть до указания номеров купчих. Так, 56-летняя губернская секретарша Прасковья Васильевна Альбицкая владела в 38-м квартале деревянным домом, который выстроила сама. Земля же под ним была наследственной – на нее имелся «отводной билет», выданный ее покойному супругу Козьме Андреевичу Альбицкому из Шуйской градской полиции 5 мая 1833 г. за № 441.

Акт на деревянный дом 55-летней подполковницы Надежны Степановны Зенович, принадлежавший ей по наследству после мужа, купца Александра Гаврилова Корнилова, так и не был «обозрен» старостой Н.Н. Боголюбовским за отлучкой хозяйки. Дотошный староста пытался проследить и историю владения землей предыдущего хозяина. Например, 55-летняя солдатка Анна Лаврентьевна Злобина выстроила деревянный флигель в 38-м квартале на земле, купленной 9 февраля 1861 г. у писца Петра Алексеевича Малинина. «Но земля Малинину не принадлежит ни по какому документу» – замечал Боголюбовский. Он явно стремился изучить все владетельные документы мещан, оставив даже пробелы для вставки номеров крепостных доку-

ментов. Остальные депутаты также внимательно относились к этому вопросу. Записав сведения, данные хозяином, в том случае, если они не подтверждались документами, они оставляли помету – «акта не выказано». Таким образом, обывательская книга постепенно начинает превращаться в реестр регистрации документов на городскую недвижимость.

Последняя обывательская книга, сохранившаяся в архиве городской Думы г. Шуи, датируется 1865 г. Первый документ именуется «Обывательская книга города Шуи за первую половину города». Она составлена старостой депутатского собрания, 40-летним Иваном Илларионовичем Голятиным и депутатом, 54-летним Семеном Николаевичем Ивановым. Документ представляет собой алфавитный список обывателей, проживавших в разных кварталах города¹⁹. Но если в 1862 г. шуйские кварталы были четко разбиты на четыре части, описанием каждой из которых занимался отдельный староста (или депутат), то «первая половина» Шуи, которую описывали Голятин и Иванов, представляла собой достаточно аморфное образование. В списке отмечены жители 24-х кварталов из 43-х на правом берегу Тезы, а также обитатели Солдатской слободы. В число описанных не попали кварталы с 1-го по 6-й, 9-й, 10-й, 16-й, с 18-го по 22-й, с 26-го по 28-й, 30-й и 32-й. Как видим, на сей раз участки переписи делились по иным территориальным критериям, чем три года назад. Эту книгу дополняет еще один список «обывателям города Шуи для составления книги» за 1865 г., выполненный депутатом 49-ти лет Алексеем Евграфовичем Лобановым²⁰. Список включает жителей лишь 9-ти кварталов, причем два из них (15-й и 17-й) пересекаются с описанием Голятина и Иванова. Но поскольку ни один фигурант их книги в списке Лобанова не дублируется, можно уверенно говорить о том, что участки для описания не пересекались, даже находясь на территории одного квартала. Судя по всему, увеличение численности населения Шуи в первые годы после крестьянской реформы 1861 г. стимулировало изменения в процедуре описания города старостами и депутатами. Город был разделен на две половины, каждую из которых описывали депутат со старостой. Но если работы И.И. Голятина и С.Н. Иванова оказались закончены, то от действий второй пары переписчиков осталась лишь тетрадь депутата А.Е. Лобанова. Причем он явно описывал не более трети всего участка, составлявшего вторую половину Шуи: староста должен был

описать еще 12 кварталов на правобережье и все Заречье, которое к 1860 г. разрослось до 11 кварталов²¹. Является ли книга Голятина и Иванова сводной из отдельных тетрадей каждого переписчика (подобных списку Лобанова), либо изначально составлялась совместно – остается только гадать. Ясно лишь, что более трети городского населения в алфавитные списки 1865 г. так и не попало (всего в них описан 31 квартал из 54-х).

В обывательские книги 1865 г. введена еще важная дополнительная графа с обозначением оценочной стоимости недвижимого имущества. Этот сбор впервые был введен в столице – Санкт-Петербурге – с января 1804 г. Комитетом по уравнению земских повинностей. Избранными депутатами производилась оценка стоимости принадлежавшей членам общества недвижимости, после чего каждый ее владелец был обязан уплатить полупроцентный сбор с оценочной суммы в казну города. По данным на 1817 г. в Шуе проживало 285 купцов и 431 мещанин. Им принадлежало 392 застроенных и пустых земельных участка, оценочная стоимость недвижимого имущества составляла 181 тыс. руб. Дума сообщала, что с купцов и мещан собирались деньги «в дополнение городских доходов на удовлетворение предметов городских повинностей». В 1814-1816 гг. с купцов на эти цели поступило 5354,87 руб., с мещан – 4364,2 руб. К раскладке этой «было принимаемо в основание не число душ, а состояние их, а потом и повинности, в предшествовавших годах существовавшие»²². Лучшим показателем «состояния» была как раз стоимость недвижимого имущества, для оценки которого шуяне ежегодно избирали двух депутатов.

Ранние переписи недвижимого имущества в Шуе не сохранились – первая из них относится к 1830 г. В этой ведомости переписана недвижимость на 460 номеров в 43-х кварталах, а также деревянные лавки на торговой площади (29 номеров) и 5 фабрик. Общая сумма полупроцентного сбора по этой ведомости составила 2943,72 коп.²³ Два года спустя число описанных участков сократилось до 416-ти, зато в ведомость попали еще 5 кузниц и 12 «пустопоржних мест». Общая сумма сбора сократилась более чем на 20% (до 2337,45 руб.)²⁴. В ведомости 1842 г. описано 476 земельных участков, 29 лавок и 6 фабрик. А вот размер «полупроцентного сбора» снизился более чем втрое – до 930,55 руб.²⁵ В опись 1849 г. попала уже не только городская недвижимость (474 номера), но и заречная (71 номер), а также 20

лавок. Оценочный сбор вырос почти в полтора раза, составив 1361,5 руб²⁶. Наконец, в ведомость 1855 г. попала городская недвижимость (521 номер), заречная (94 номера), Солдатская слобода (7 номеров), 3 питейных дома, 5 кузниц и 20 лавок. Оценочный сбор с нее вырос еще на 35% (1830,69 руб.)²⁷. Таким образом, система оценки обывательской недвижимости глубоко проникла в думское делопроизводство. Волне логичным представляется ее появление и в обывательских книгах. Как мы помним, в наиболее ранних книгах подробно описывались размеры участков, теперь была введена более информативная графа – с оценкой стоимости земли и строений.

Что касается других сведений в обывательской книге 1865 г., они не слишком отличались от формуляра книг 1855 и 1862 гг. Стоит лишь заметить, что при определении «промысла» обязательно раздельно указывались занятия всех членов семьи. Например, 73-летний купец Андрей Дмитриевич Глазунов был приказчиком, сыновья, 34-летний Федор и 25-летний Иван – раклитами. Занятие указывалось не только у мещан, но и чиновников – 29-летний губернский секретарь Илья Иванович Дроздов служил столоначальником в Шуйском городском магистрате. Напротив некоторых жителей стояла помета «промысла нет». Так, относительно 35-летнего Николая Ивановича Кокушкина особо отмечено, что промысла он лишился «по случаю болезни». Пометы об общественной службе по формуляру не слишком отличаются от данных книг 1833, 1855 и 1862 гг. – в некоторых случаях указывается дата службы, в других – отмечен лишь ее факт. Например, 49-летний Б.Ф. Котельников «в городских службах был зборщиком податей, депутатом квартирной комиссии и словесным судьей». 37-летний А.В. Колпашников в 1864 г. исполнял должность мещанского старосты. Форма «служебных» помет поздних в обывательских книгах прямо указывает, что сведения вносились в них непосредственно со слов фигурантов, не проверяясь документами. Всего в алфавитные списки 1865 г. попало 480 семей, и лишь представители менее трети из них (135) принимали участие в исполнении служебных обязанностей.

Относительно проверки «крепостных актов» на землю депутаты 1865 г. вели себя более мягко, чем предшественники. Хотя значительная часть записей и содержит сведения о точных названиях и датах земельных актов, регистрировавших права

обывателей, в некоторых случаях сведения о них были получены явно со слов, без предъявления документа. Например, сестры Матрена и Анисья Дмитриевны Осокины (61 и 62 лет) владели деревянным флигелем в 17 квартале города, доставшимся им по духовному завещанию после брата Григория. Сведения об их недвижимости завершаются следующей пометой: «Еще должна быть земля у р. Тезы под огородом, доставшаяся им после деда их Семена Осокина». Форма записи явно свидетельствует о том, что делалась она со слов сестер. Депутат А.Е. Лобанов не только не проверил их документы на владение, но даже не удосужился осмотреть сам огородный участок Осокиных. Более внимательно вели проверку земельных прав горожан И.И. Голятин и С.Н. Иванов – в их книге каждая запись завершается указанием на датированный «крепостной документ», или констатирует его отсутствие.

Подводя итоги обзора обывательских книг Шуйской городской думы конца XVIII – XIX вв., можно отметить их не слишком высокую сохранность (при значительной полноте архивного фонда Думы в целом). Этот факт можно объяснить тем, что документы подобного рода не требовались в повседневном делопроизводстве. Кроме того, составлением книг занималась служба, непосредственно в состав Думы не входившая. Кроме того, зафиксированные нами изменения в составе депутатского собрания и технологии описания города свидетельствуют о том, что традиция составления обывательских книг неоднократно прерывалась. На это прямо указывает эпизод с выборами нового состава депутатского собрания в октябре 1843 г. и оставшаяся неоконченной обывательская книга 1850 г. Необходимость практического применения данных обывательских книг в повседневной практике органов самоуправления обусловила появление документа 1833 г., представлявшего собой несколько сокращенный «гибрид» обывательской книги и рекрутского списка. В конечном итоге, к середине 1850-х гг. постепенно выкристаллизовывается значение обывательской книги как реестра юридических документов на право владения горожан своим недвижимым имуществом. Старосты и депутаты в 1855, 1862 и 1865 гг. уделяли сугубое внимание проверке «крепостных актов» горожан. В последнюю книгу проникают даже данные об оценке недвижимости, подчеркивающие ее особое значение в социальном статусе городского обывателя. При этом начиная с

1830-х гг., в книгах сокращается объем данных о городских службах фигурантов. Сведения о службах записываются исключительно со слов и никак не проверяются документами предшественников. Эта ситуация отражала, с одной стороны, действительное сокращение объема общественных служб ввиду значительного численного роста общины, а с другой – снижение внимания к этому важному показателю положения горожанина на «общественной лестнице».

¹ Российское законодательство X–XX вв. Т. 5 / Отв. ред. Е.И. Индова. – М.: Юридическая литература, 1987. – С. 68-129.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. Т. 9. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1857. – № 1661-1672. – С. 322-324.

³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 917. Оп. 1. Д. 1049. Л. 1–2.

⁴Черкасова М.С. Обывательские книги как источник для изучения купечества и торговли Вологды в конце XVIII – первой трети XIX в. // Торговля, купечество и таможенное дело России XVI–XIX вв.: сборник материалов II-й Международной научной конференции. – Курск: КГУ, 2009. – С. 166-167.

⁵ ГАИО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.-2.

⁶ Там же. Л. 8 об.-10, 24 об.-25, 27 об.-29, 46 об.-47.

⁷ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 37. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. – № 28220. – С. 145–146.

⁸ ГАИО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 296. Л. 25-28.

⁹ Там же. Д. 8015. Л. 53 об.-54, 97 об.-98.

¹⁰ Там же. Д. 900. Л. 1-17 об.

¹¹ Там же. Д. 1786. Л. 1-1 об.

¹² Там же. Л. 3-10 об.

¹³ Там же. Д. 8021. Л. 1-575 об.

¹⁴ Там же. Д. 3940. Л. 30-31, 33-34.

¹⁵ Там же. Л. 37-63 об., 83-84.

¹⁶ Там же. Д. 4151. Л. 29-32.

¹⁷ Там же. Д. 8020. Л. 1-33.

¹⁸ Там же. Д. 5254. Л. 1-69; Д. 5447. Л. 1-27; Д. 5448. Л. 1-51; Д. 8022. Л. 1-34.

¹⁹ Там же. Д. 6126. Л. 6 об.-121.

²⁰ Там же. Д. 6128. Л. 1-23.

²¹ Там же. Д. 5015. Л. 88-105.

²² Там же. Д. 296. Л. 2, 15-18.

²³ Там же. Д. 694. Л. 1-44 об.

²⁴ Там же. Д. 838. Л. 1-60 об.; Д. 839. Л. 1-69.

²⁵ Там же. Д. 1671. Л. 1-40 об.

²⁶ Там же. Д. 3188. Л. 1-57.

²⁷ Там же. Д. 4176 Л. 1-60.

ПОКУШЕНИЯ НА ПОМЕЩИКОВ В ШУЙСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Покушение на жизнь помещика со стороны крепостных крестьян в России конца XVIII-XIX вв. – явление достаточно распространенное. Исследователь крепостного права Б.Ю. Тарасов замечает, что покушения на помещиков, грабежи и поджоги усадеб «были так часты, что создавали ощущение неухающей партизанской войны». Особенно распространенными подобные события стали со времени правления Екатерины II – по данным гр. Н.И. Панина, только в Московской губернии с 1764 по 1769 гг. от рук крестьян погибло 30 дворян¹. К сожалению, полной статистикой, учитывающей все случаи покушения крестьян на жизнь своих господ в течение крепостной эпохи, мы не располагаем. Данные официальных органов по этому поводу сильно разнятся: по данным Министерства Внутренних дел с 1836 по 1854 гг. от рук крестьян погибло 144 помещика (а еще 75 поверглись покушению)². По данным III Отделения за меньший период (с 1838 по 1851 гг.) было совершено 227 убийств и 102 покушения на жизнь помещиков – в общей сложности на треть больше³.

В среднем в последние два десятилетия царствования Николая I совершалось 4 покушения и 7 убийств помещиков в год. Это время озаменовано подъемом крестьянского движения, которое послужило одним из побудительных мотивов в подготовке реформы 1861 г. Острота противостояния между крепостными и господами в прежнюю эпоху была несколько ниже. В составленной советскими историками на основании делопроизводства центральных учреждений в Хронике крестьянского движения учтено 207 покушений на помещиков и управляющих за 1826-1849 гг. и всего 50 – за 1796-1825 гг. Однако многие громкие дела конца XVIII – первой четверти XIX вв. в эту Хронику не попали, так что на деле разрыв, озаменованный вступлением на престол Николая I, должен быть несколько ниже.

В этой связи интересным представляется местный срез противостояния помещиков и крестьян в конце XVIII – первой половине XIX вв. на материале архива Шуйского уездного суда.

В этом архивном фонде сохранилось 4906 дел за 1779-1868 гг., характеризующих повседневную жизнь уезда на протяжении почти целого столетия – между судебными реформами Екатерины II и Александра II. Более трети из этого огромного массива составляют уголовные дела, отложившиеся в делопроизводстве уездного суда. Естественно, далеко не все дела, оказавшиеся в судебном производстве, сохранились в архиве – в этом можно убедиться при знакомстве с журналами заседаний суда. Но практически все значительные разбирательства, порождавшие обширную переписку – а иначе при покушении на жизнь помещика быть и не могло – остались в архиве в качестве отдельных томов.

Всего в архиве Шуйского уездного суда за изучаемый период имеется семь дел о покушениях крепостных крестьян на убийство помещиков. Три из них закончились смертью господ, в одном случае виновница оказалась поймана «на горячем», а еще в трех случаях «злоумышленные намерения» со стороны крестьян доказать не удалось. В целом процент подобных дел оказывается довольно высок – особенно учитывая, что речь идет о небольшом уезде одной из нечерноземных губерний, где основным видом повинностей была не барщина, а оброк. Первое из рассматриваемых нами дел случилось еще в «благословенные» екатерининские времена. Жертвой покушения стал коллежский асессор Александр Никанорович Кашинцев – владелец одной из крупнейших вотчин уезда (в нее входило село Юрчаково и полтора десятка деревень)⁴. Кашинцев был отпрыском старинного дворянского рода и весьма заметным представителем местного общества. Но главное – он имел родных братьев Андрея и Сергея, которые не могли оставить смерть безнаказанной. Помещик вел весьма активную и веселую жизнь. Непосредственно перед убийством, последовавшим в ночь на 4 февраля 1792 г., он вернулся в свой господский дом в сц. Чижове из Шуи уже навеселе, за ужином принял еще шесть рюмок водки и «весьма хмельной» устроился спать в четвертом часу ночи. Утром дворовые обнаружили, что господин «не имеет никакого дыхания». Уездный лекарь не слишком озаботился исследованием причин смерти помещика – по его свидетельству, Кашинцев «давно был одержим разными припадками», в ходе очередной хмельной прогулки сильно простудился и скончался от инфаркта.

Тело уже давно было предано земле, когда в вотчину явился «душевно оскорбленный» смертью ближайшего родственника брат покойного, Андрей Никанорович, а вскоре и еще один брат – Сергей. В декабре 1792 г. в с. Юрчакове они устроили собственный розыск, подозревая в причастности к смерти брата всех дворовых, оказавшихся в ту злополучную ночь в чижовском доме покойного. В средствах Кашинцевы особенно не стеснялись. Результат не замедлил себя ждать – в убийстве признались сразу семь дворовых людей. Подстрекателем к нему они назвали вотчинного бурмистра и старосту. Братья немедленно подали соответствующее заявление в уездный суд. Однако на официальном следствии их версия стала постепенно разваливаться – трое обвиняемых якобы дали признательные показания исключительно «от словесного пристрастия» Кашинцевых, еще трое – и вовсе отрицали факт допроса в Юрчакове. Староста А.М. Шахов также заявил, что об убийстве ничего не знает. Дрогнули лишь два человека, на словах которых в итоге и оказалось построено обвинение – ближайший слуга Кашинцева К.К. Ершов, ночевавший у печки в его спальне, а также вотчинный бурмистр Алексей Филиппов. Со слов Ершова, убийство произошло таким образом: в спальню явилось четверо дворовых во главе с поваром Н.С. Колчиным. Они захватили подушку и тулуп Ершова со стула в угловом покое перед спальней. С помощью их они и удушили Кашинцева, который во время убийства «только проохал». Сам же Ершов, «испужавшись», скрылся в другом покое.

Бурмистр Алексей Филиппов также признался, что ночью к нему явился Колчин, который заявил, что они с товарищами «дело свое сделали, барина удушили». Он велел предупредить старосту Шахова и ближнего слугу Ершова, чтобы они «о баринской смерти народу погодили сказывать часа з два». При этом никаких подробностей о ходе заговора бурмистр не поведал – ему якобы лишь было известно, что Кашинцева собираются «уходить дворовые люди». Сам он в заговоре участия не принимал, но и властям о готовящемся покушении не сообщил, решив действовать по ситуации. О причине «злости» на барина со стороны дворовых поведал Ершов. Она была проста до банальности – Кашинцев был строг к ним «и их иногда наказывал безвинно». К исходу января 1793 г. Ершов обнаружил, что вся доказательная база строится исключительно на его показаниях – и на оче-

редном допросе также отказался от них. Он заявлял, что признаться был вынужден «от побоев по голове» со стороны Андрея Кашинцева. Однако следствие уже было раскручено – хотя никаких улик против участников покушения, кроме их собственных слов, не имелось, машина дворянского правосудия не могла освободить от ответственности столь явных подозреваемых. Словам Ершова о побоях суд не поверил, поскольку при осмотре подозреваемых никаких «боевых знаков» на них обнаружено не было. Признание, сделанное господам «без всякого наказания», суд объяснял довольно экстравагантно – дворовые якобы полагали, что Кашинцевы не отдадут для наказания «такое довольно количество людей». Однако они просчитались, в силу чего на следствии им пришлось отказаться от сделанного господам признания. В результате все предполагаемые участники покушения были приговорены к наказанию кнутом и ссылке на «вечную работу» в Иркутск. Четверо получили по 100 ударов кнутом, трое (главные заговорщики и Ершов) – по 120 ударов, а представители вотчинного начальства (бурмистр и староста) – сразу по 150 ударов. Экзекуция проводилась на месте преступления – в сц. Чижове, в назидание другим крестьянам Кашинцевых. Все ли остались живы после столь жестокого наказания – история умалчивает...

Два других убийства помещиков, зафиксированные Шуйским уездным судом, пришлись уже на николаевскую эпоху. Они сильно отличаются от разобранного выше, зато имеют близкое сходство друг с другом. Если Кашинцев пострадал от своих дворовых людей, то в 1836 и 1839 гг. убийства совершали крестьяне. Их жертвы, в отличие от Андрея Никаноровича, не принадлежали к старым шуйским родам и относились скорее, к мелкопоместному дворянству. И главной причиной убийства были отнюдь не телесные наказания, а попытка помещиков ввести «правильное хозяйство» с барщиной, и главное – поселиться в деревне. Первый из наших фигурантов, Дмитрий Иванович Баташев погиб на дороге между деревнями Семенцово и Ораново вечером 9 мая 1839 г.⁵ Он был не «природным» помещиком – происходил из московских мещан, учился в университете, некоторое время служил чиновником (был уволен из Комиссии Московского комиссариатского депо в ноябре 1829 г.). А в январе 1835 г. 27-летний Баташев обвенчался в церкви Василия Кесарийского в Тверской Ямской слободе с вдовой майоршей Алек-

сандрой Семеновной Каряжиной. Супруга была заметно старше жениха, зато имела небольшое поместье в Шуйском уезде, куда новобрачные и отправились устраивать новую жизнь осенью 1838 г. У новоявленного помещика были грандиозные планы – он хотел возвести в д. Ораново барский дом «со всем обзаведением», а весной 1839 г. завел запашку, отделив для нее у крестьян пашню и сенокос. Пашня была невелика – всего 15 дес. (на 16,5 тягол), при этом от оброка крестьяне были освобождены. Все они называли такую запашку «весьма малозначительной». Единодушны были крестьяне и в оценках помещика, который пытался исполнять роль «просвещенного господина» – никого не наказывал, к своим «подданным» был «весьма добр», а будущему убийце, Василию Петрову, одному из самых несостоятельных крестьян, даже приобрел лошадь.

Подобное поведение могло быть обусловлено не только происхождением и воспитанием новоявленного дворянина, но и его состоянием. Баташевы были весьма небогатыми помещиками – им принадлежало всего два десятка семейств в соседних деревнях Ораново и Холодилово. Когда хозяйка имения, Александра Семеновна, со своим экипажем отправилась во Владимир, у ее мужа не осталось даже лошади. После того, как к нему явился бурмистр соседней деревни, крестьяне которой приобрели у Баташевых пустошь Попово, с просьбой, чтобы продавец точно указал ему границы пустоши, самому покупателю пришлось специально нанимать у орановского крестьянина лошадь для поездки на место. Именно на обратной дороге после этого визита и случилось убийство. Баташева на самом безлюдном участке пути подстерегли четверо крестьян во главе со старостой Кузьмой Макаровым. Один из них взял лошадь под уздцы, двое стащили Баташева с дрожек, попутно несколько раз ударив по голове. Жертву уложили лицом вниз, после чего староста накинул кушак «мертвой петлей» на шею помещика, а Василий Петров наступил ногой ему на голову. Вскоре жертва затихла. Баташева оттащили в лес (не слишком далеко) и произвели некоторые манипуляции во избежание мести со стороны убитого. На шею ему накинули две петли – ремень для одной был срезан со шлеи лошади помещика, а веревка для другой – взята с мешка, который он вез с собой. На тело также уложили два древесных ствола – сухое бревно и еловую вершину – «для того, чтоб он не ожил». После этого убийцы провели специальный ритуал –

измазали пальцы в крови, вытекшей изо рта помещика, и «причастились» ему, «чтобы не бояться привидения». Судя по всему, о заговоре против помещика знало большинство его крестьян. Один из убийц, Лазарь Алексеев обмолвился, что в курсе предстоящего были все тягольные крестьяне, тогда как нетягольные (их было всего четверо) – не знали об этом. Это и неудивительно, ведь главной причиной ненависти к помещику было введение барщины. Планы его устранения во всеуслышание обсуждались старостой с группой заговорщиков именно на общих полевых работах. Одни предостерегали от этого, другие отмалчивались. Староста сулил Василию Петрову за помещика серьезное вознаграждение – засеять яровым хлебом его участок, купить корову и поставить новую избу. В случае поимки он обещал ему от общества собрать при отправке в Сибирь «в награду» 200 руб. Петров даже достал ружье и пытался подстеречь помещика на безлюдном участке дороги, когда он ездил в гости, но в этом не преуспел.

Незнание некоторых крестьян о заговоре в итоге сослужило плохую службу убийцам. Помещика хоронили 14 мая 1839 г., и на заупокойной службе один из крестьян, Панкрат Никитин, стал горячо просить Господа «открыть виновного» в ужасном преступлении. Лазарь Алексеев не нашел ничего лучшего, как спросить – к чему такое рвение? Это и навело Никитина на определенные мысли – он немедленно отправился к отцу Лазаря, Алексею Осипову, «объявив подозрение» на его сына. Осипов (относившийся к числу «нетяглых» крестьян) вскричал, что и сына не пожалеет. Они немедленно направились к предполагаемому виновнику, который проявил истинный фатализм – немедленно признался в убийстве и назвал подельников. Однако староста Кузьма Макаров, услышав разговор Никитина и Осипова, успел предупредить товарищей. Сбежали двое – сам Макаров и Василий Петров. Третий (Алексей Тарасов) – подчинился судьбе и честно рассказал о происшедшем. Впрочем, долго скрываться беглецам не удалось – Петров явился домой уже вечером 15 мая, а 3 июня в доме свояка в д. Грозиловой был задержан и Макаров. Он оказался единственным, кто пытался изворачиваться. На месте преступления он якобы оказался совершенно случайно и уклониться от участия в нем не сумел: «Делать было нечего, у страха глаза велики – и я за ноги попридержал». Впрочем, это уже не имело никакого значения. Виновные были приговорены к

наказанию в 50 ударов кнутом и ссылке «в каторжную работу». Отец, сдавший властям собственного сына, был специально отмечен в донесении «начальнику губернии».

Еще одно убийство случилось тремя годами ранее совсем недалеко от Шуи – в д. Таракановой, где проживал штаб-ротмистр Александр Петрович Рыкунов⁶. Как и Баташев, он переехал на новое место жительства недавно – за три года до своей гибели. Тараканово – деревня небольшая: на тот момент в ней проживало немногим более 50 «душ», около четверти мужчин постоянно трудилось на шуйских фабриках. При таком небольшом населении почти все жители приходились друг другу родственниками. Прежнее имение Рыкунова находилось в Рuzском уезде, отсюда он привез на новое место и дворовых людей – кучера Александра Самойлова и семейную пару из слуги и кухарки (Григорий Емельянов и Агафья Филиппова). Переехав на новое место, господин занял два крайних дома в деревне – в одном помещались его дворовые люди, а в другом – он сам. Хозяин первого работал в Шуе на фабрике (его супруга проживала вместе с дворовыми), а семья из второго была выселена в «заднюю избу». На второй год своего пребывания в деревне, барин завел и запашку (оброк он при этом не снял). Пахали землю крестьяне, а собирали хлеб наемные рабочие. Впрочем, не отказывался Рыкунов и от других способов эксплуатации – крестьяне были обязаны ткать на него миткаль, пряжу для которого он приобретал в Шуе. Староста упоминал, что за миткаль помещик платил ткачам «наравне с прочими фабрикантами», но в этом имеются некоторые сомнения. Во всяком случае, милостивым господином Рыкунова назвать точно нельзя. Он неоднократно сек крестьян розгами за разные провинности – непослушание, оброчные недоимки и «неисправную работу миткалей». Развлекался он вполне в духе времени – почти каждый день ходил на охоту в собственный лес, где травил собаками зайцев. Ружья у него тоже имелись, но стрелял помещик редко – во время следствия оба ружья были проверены и установлено, что они не использовались достаточно давно. Поскольку проживал 45-летний Рыкунов без семьи, то завел себе наложницу. На первый раз его выбор пал на 19-летнюю крестьянку Василису Антонову. Ее муж Никифор Савельев трудился на фабрике в Шуе, а помещик в июле 1835 г. забрал его супругу к себе в дом. Даже когда Савельев на праздники возвращался домой, жена его ночевала с Рыкуновым.

Вдоволь натешившись, помещик в марте 1836 г. отпустил ее домой, а себе для утех приобрел 17-летнюю девку Матрену Яковлеву (она прислуживала ему и в момент убийства).

Случилось оно в 2 часа ночи 28 октября 1836 г. Трагедии в этот день ничто не предвещало – днем Рыкунов был на охоте, вечером парился в бане, а затем сел у окна в горнице, приказал подать самовар и начал взвешивать принесенный крестьянами миткаль. В этот момент прогремел выстрел – свеча потухла, а помещик скатился со скамьи. Кухарка зажгла свечу, подняла Рыкунова и уложила на подушки. Помещик получил две огнестрельные раны в предплечье – весь тулуп, подложенный ему под спину, пропитался кровью. В деревне немедленно начался переполох – кучер побежал по избам крестьян, сообщая о трагедии. Вскоре в доме умирающего господина собрались почти все жители, включая женщин и детей. За священником в с. Дроздово отправился сначала кучер Рыкунова, а затем и двое крестьян на телеге (полагая, что верхом батюшка не поедет). Священник, однако, оказался покладистым – отправился верхом и вскоре был у постели умирающего. Выпроводив толпившийся в горнице народ, он поинтересовался, на кого пострадавший «имеет подозрение» в покушении. Тот ответил, что виновного не знает – «господь с ним», исповедался, причастился, составил «вольное завещание» на дворовых и через два часа скончался.

Под подозрением оказались почти все крестьяне села. Они подробно допрашивались, в случае даже небольших разноречий им давались немедленные очные ставки. Малейшие нестыковки становились предметом серьезного разбирательства, хотя хорошо известно, что особенности памяти зачастую не позволяют свидетелям воспроизвести окружающую обстановку и свои действия с фотографической точностью. Главными подозреваемыми оказались Никифор Савельев и Ефим Григорьев. Первый, как было хорошо известно односельчанам, три года назад имел ружье и весьма удачно охотился – стрелял зайцев и тетеревов. Кроме того, он мог затаить обиду на помещика за свою жену. А буквально за четыре дня до убийства Рыкунов приказал высечь его розгами за «недостаток куклы бумаги». Григорьев также был страстным любителем охоты. Он дважды пытался приобрести ружье, в том числе весной прошлого года. Впрочем, сам он утверждал, что ни разу из оружия не стрелял, а в последний раз вернул прежнему его хозяину уже три недели спустя, так и не

использовав. Но главным образом подозрение на него навлекли характерные «боевые знаки» – синяк под левым глазом, опухоль на виске и щеке, а также небольшая ссадина на среднем пальце левой руки.

Эти повреждения чиновники полагали последствиями отдачи от ружейного выстрела. Правда, оставалось неясным, как настолько неудачливый стрелок мог одним выстрелом поразить не самую простую цель. Сам Григорьев утверждал, что упал на «костер дров», причем в глаз ему угодил кол. Это произошло, когда он бежал запрягать лошадь, чтобы ехать за священником. На месте был произведен следственный эксперимент – точно по шагам высчитывалось движение Григорьева к телеге, подробно расспрашивались оба присутствовавших свидетеля, оценивался размер разваленной им поленницы «тонких березовых плах». Занятие это было совершенно бессмысленным, поскольку один из свидетелей прямо заявил, что когда Григорьев оказался в избе помещика (уже после выстрела, но прежде, чем бежать за лошадьми), никаких «боевых знаков» на лице у него не было. Еще более скрупулезно анализировались показания Никифора Савельева. И здесь было чему удивиться – выстрела он якобы не слышал (хотя до его избы было всего 28 саж., а звук оказался слышен даже в самом дальнем доме деревни). Но более всего поражает поведение Савельева после убийства помещика. Сначала он с женой и братом, как и все остальные крестьяне, побежал смотреть на умирающего барина. Проведя в его избе не более получаса и не дождавшись священника, Савельев отправился к крестьянину Дмитрию Ефимову, где помог ему «навить основу». Затем он вновь направился в «барский дом», посмотрел на священника, после чего вернулся домой, где спокойно сел ужинать. К нему прибежал Осип Иванов, исполнявший в отсутствие старшего брата обязанности старосты, и просил отправиться за сотским (сам Савельев исполнял обязанности десятского). Однако Никифор хладнокровно ответил, что ужинает, поэтому никуда не пойдет. Закончив прием пищи, он отправился «наряживать караулы» к телу барина.

Столь странное поведение во время всеобщего смятения, по мнению следствия, прямо уличало Савельева в причастности к убийству. И он действительно является наиболее вероятным его виновником. Об этом свидетельствует его поведение на процессе – в отличие от Григорьева, неоднократно дополнявшего и

исправлявшего показания, Савельев стоял на своем, не признавая даже очевидные факты. Всем было известно, что он является хорошим стрелком – Савельев отрицал, что даже имел ружье. Целый ряд свидетелей показали, что его высекли почти перед самым убийством (включая обоих лиц, которые непосредственно орудовали розгами) – Савельев этого факта так и не признал. Что касается пребывания жены в наложницах у Рыкунова – крестьянин этот факт не отрицал, но утверждал, что обиды за это на господина не имеет. Прямых улик у суда не оказалось. Согласно перекрестным показаниям свидетелей, все крестьяне во время выстрела сидели по домам и ткали. Орудия убийства обнаружить также не удалось. Были опрошены все имевшие ружья крестьяне в окрестных деревнях (таковых оказалось всего 14 чел.). Никто из них не признался, что давал оружие жителям Тараконова. В поисках слухов об «общем заговоре» было опрошено 85 крестьян соседних деревень, но все они показали, что «ропота и жалоб» от рыкуновских крестьян никогда не слышали.

Оказавшись перед необходимостью выбрать виновного, уездный суд решил не напрягаться. Виновными были назначены сразу оба главных подозреваемых, тем более, что Ефим Григорьев приходился зятем Никифору Савельеву. Оба они были приговорены к наказанию кнутом и ссылке в каторгу. Еще четверо фигурантов дела возбудили подозрения «хотя не в учинении преступления, но в знании об оном». Это двое спутников Савельева, отправившихся «навивать основу» непосредственно из дома умирающего помещика, а также староста Василий Иванов и его брат Осип. Первый «провинился» в том, что во время преступления уехал на мельницу, а второй – в том, что не принял строгих мер к немедленному обыску селения, чем «упустил следы к открытию участников». Какие меры мог принять растерянный брат старосты в этот момент – остается неясным. Тем не менее, все четверо были приговорены к наказанию плетями и оставлены на подозрении.

К убийствам Баташева и Рыкунова примыкает несостоявшееся покушение на владельца с. Тюрюкова с деревнями Ф.А. Понизовского⁷. О нем несостоявшейся жертве сообщил его кучер Степан Сергеев, встретив помещика в сумерки на дороге из Воронцова в Тюрюкова 15 августа 1815 г. Участниками «заговора» против Понизовского Сергеев называл шестерых крестьян из разных деревень. Причина их недовольства господином совпа-

дала с той, что мы наблюдали в делах Баташева и Рыкунова: Понизовский жил в Тюрюкове и имел «господскую запашку земли», отчего крестьянам было «жить тяжело». Для убийства они попытались нанять дворового слесаря Понизовского, Федора Андреева. Его дважды поили вином в домах заговорщиков (в Тюрюкове и Церковном), для исполнения «заказа» слесарь получил от них ружье, топор и полушубок. После убийства крестьяне обещали выплатить ему 250 руб., а на первое время он получил «два четвертака серебряные». Однако доказать свои слова Андреев ничем не мог – предполагаемые заговорщики отвечали, что топор и полушубок им просто украдены, а ружье он получил для починки. Поскольку слесарь-доносчик ранее оказывался под судом за побег, суд решил «полной веры ему не давать». Показания крестьян, что Андреев поклепал их по злобе, поскольку ему отказывали в займе денег и вина, выглядели более правдоподобно.

К убийству Кашинцева, совершенному его дворовыми людьми, примыкают три покушения на убийство, жертвами которых оказались женщины-помещицы. Наиболее ярким было дело о покушении на Софью Николаевну Пестель – вдову брата знаменитого декабриста Бориса Ивановича (1894-1848), успешного послужить владимирским вице-губернатором. Престарелая помещица, которая без помощи передвигаться уже не могла, проживала с многочисленной дворней в сд. Лихушино⁸. Она едва не погибла утром 20 июня 1855 г. – на спящую набросилась 18-летняя Анна Матвеева, которая была взята в дворовые из крестьян пять лет назад. За все эти годы она лишь однажды была наказан розгами. Незадолго (недели за три) до покушения Анна, поднимая барыню со стула и водя по комнате, так сильно сжала руки старухе, что та приняла это за «щипки». Поскольку «из собственных рук» наказать дерзкую служанку Пестель не могла, она поручила это дело дворецкому. Тот сначала ограничился надиранием ушей и оплеухой, но на следующий день все же «отсыпал» пять розог Матвеевой. Служанка затаила злобу и вскоре попыталась расправиться с хозяйкой. Она заранее открыла внутренний шпингалет на балконном окне и подготовила лестницу. «Нутряной замок» в спальню хозяйки оказался не заперт.

Встав около 3 часов утра, служанка забралась на балкон, оставила там башмаки и бесшумно пробралась в спальню. По-

дойдя к спящей, она накинула ей на лицо подготовленный миткалевый платок, зажала им рот и нос, а коленями прыгнула на грудь. Несмотря на старческую немощь, Пестель оказала бешеное сопротивление. Ей не удалось дотянуться до веревки от колокольчика, висевшей над кроватью, но негромко вскрикнуть она все же сумела. Услышав этот сдавленный звук, в спальню вбежала полуодетая служанка Анисья Зотова, спавшая в коридоре за стенкой. Она схватила Матвееву за волосы, пытаясь стащить с госпожи. Та рвалась и царапалась, но старая служанка сумела скрутить ее и вывести в девичью, где сдала дворовому Александру Иванову. Надо сказать, что 43-летняя Зотова служила Пестель с 13 лет, как и большинство других лихушинских дворовых. Все они показали, что помещица «обращается с ними всегда совсем благосклонно, никого напрасно словом не обижает, бить не может по слабости здоровья, да и характера весьма доброго». Матвеева действительно была наказана всего однажды пятью легкими ударами лозы, но и это оказалось нестерпимым для ее «грубой и дерзновенной» натуры. В результате она была приговорена к наказанию розгами и ссылке в Закавказье.

Как видим, в данном случае причиной покушения оказался достаточно мелкий казус – единственное наказание, отпущенное «доброй» помещицей молодой служанке, едва не стоило ей жизни. В двух других случаях вину служанок, якобы имевших намерение отравить госпожу, и вовсе доказать не удалось. Проживавшая в Шуе коллежская регистраторша Еликонида Петровна Васильева 13 апреля 1809 г. «усмотрела» у своей дворовой девки Матрены Яковлевой завернутый в тряпку корень и донесла, что это вещество «какое ни есть вредное и положено скрытно непременно с дурным намерением, клонящимся к покушению на жизнь мою».⁹ Принесла его ей якобы неизвестная «распутного состояния», близко общавшаяся с Яковлевой. Неизвестная оказалась двоюродной сестрой мужа Матрены, которая пришла навестить родственника из с. Бибирева. Ковровский лекарь Г.А. Клиngen признал вещество безобидной травой (корень песочной осоки и сушеный чай), от которой «вреда человеческой жизни быть не может». Но Васильева была уверена, что Яковлева хотела ее отравить. Она даже отказалась принять ее обратно, поскольку та «живучи в доме моем оказывала мне многократно грубости и непослушания», да еще и отличалась «весьма распутным поведением». В данном случае судебное дело явилось

плодом не реального покушения, а его опасения со стороны помещицы.

Похожая ситуация произошла 30 октября 1844 г. с коллежской секретаршей Анной Григорьевной Вахрушевой, проживавшей в Шуе в собственном доме¹⁰. В обед после «обыкновенно отдохновения» она почувствовала «необыкновенный смрадный и удушливый запах в своих покоях». На ее вопрос о происхождении этого запаха 12-летняя служанка Серафима Алексева призналась, что «смрад произошел от влития в трубу крепкой водки». В ходе следствия выяснилось, что прежде проживавшая у Вахрушевой в служанках девка Анна Иванова получила от некоего набойщика (им оказался писцовский крестьянин Михаил Дмитриевич Пастин) завернутое в бумагу белое вещество и небольшой пузырек с неизвестной желтоватой жидкостью. Тот велел растереть вещество в порошок и добавить в кушанье помещице, а жидкость в два приема вылить в печную трубу. За это они получили от него золотой полуимпериял. Вещество досталось Ивановой, а жидкость в печку должна была влить Алексева. Однако исполнить задуманное не получилось – Иванова спустя две недели была уволена (всего она отработала у помещицы семь недель), поскольку Вахрушева нашла новую служанку. Уходя со службы, вещество она выкинула, а вот Алексева решила испытать на деле, зачем нужна та жидкость, которую дал им набойщик. В один прекрасный день она влила небольшое количество вещества в печную трубу в горнице Вахрушевой. В покушении на убийство дворянка подозревала служанку Афирию Иванову, которая работала у нее еще до Анны. Отношения с ней у госпожи не сложились. Вахрушева настолько опасалась ее, что не позволяла готовить еду, топить печь и доить корову, исполняя все это сама. Служанка занималась лишь уборкой в кухне и около дома. Видя это недоверие и слыша постоянные жалобы на предшественницу, которая якобы хотела уморить хозяйку и «все над ней колдовала», Иванова почла за благо спустя две недели от службы отказаться. Вину подозреваемых в данном случае доказать не удалось – отравы у них обнаружено не было, а влитая в печь жидкость никакого вреда Вахрушевой не принесла. Пастин, который якобы и предоставил служанкам отравляющие вещества, от знакомства с ними открестился. Зато Вахрушеву обстоятельства дела явно укрепили в подозрениях отно-

сительно желая каждой последующей служанки извести ее со свету.

Как видим, разобранные нами дела о покушениях на помещиков в Шуйском уезде конца XVIII – первой половины XIX вв. четко распадаются на две группы. К первой относятся дела Баташева, Рыкунова и Понизовского – здесь покушения были организованы крестьянским миром. Крестьяне обычно не мстили помещикам за конкретные жестокости. Они были недовольны изменением хозяйственного строя – появлением барщины и господского дома в селе, да вообще приездом в него дворянина. Для исполнения убийства мог избираться один человек, но к «заговору» обычно стремились привлечь всю вотчину (тем более, что исполнителю требовалось немалое вознаграждение). Вследствие этого выяснить детали подобных «мирских решений» было достаточно трудно. В связи с этим дворянский суд в подобных случаях фактически исходил из «презумпции вины» всей общины, избирая для наказания наиболее подходящих фигурантов. Покушения на жизнь помещика со стороны дворовых, в свою очередь, связаны с тесными личными отношениями обеих сторон. Поводом для покушения могла послужить даже мелкая обида (как в случае с Пестель). В некоторых случаях помещики настолько боялись «дерзких» слуг, что предпринимали даже превентивные меры, сдавая их в суд по весьма туманному подозрению в «умышлении на жизнь» господина (дело Васильевой). А еще одна фигурантка нашего рассказа, А.Г. Вахрушева настолько боялась отравления, что ни одна служанка не работала у нее более нескольких недель. Впрочем, единственным доказанным убийством помещика дворовыми является самый ранний эпизод – дело А.Н. Кашинцева. Причем если главные виновники этого происшествия были выяснены, то до истинных причин, на наш взгляд, суду докопаться так и не удалось. Участие в этом убийстве сразу нескольких человек, а главное – причастность к нему вотчинного бурмистра – явно указывают на «мирской» заговор, исполнителями которого были избраны дворовые. Следствие не могло об этом не подозревать, но длительный розыск в вотчине мог нанести сильный ущерб наследникам убитого, которые собственно и «доискались» вины дворовых путем «домашнего следствия». Поэтому сдав суду непосредственных виновников, они решили не развивать дело до общевотчинного обыска.

¹ *Тарасов Б.Ю.* Россия крепостная. История народного рабства. – М.: Вече, 2011. – С. 269-271.

² *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. СПб.: Тип.т-ва «Обществ. Польза», 1888. – С. 583.

³ *Плех О.А.* Жадность барина сгубила... Особенности национального правосудия в XIX веке на примере убийства зарвавшегося помещика // Родина. – 2023. – № 2. – С. 126-129.

⁴ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 291. Оп. 1. Д. 425. Л. 1-158.

⁵ Там же. Д. 2428. Л. 1-131.

⁶ Там же. Д. 2923. Л. 1-250.

⁷ Там же. Д. 1337. Л. 1-54.

⁸ Там же. Д. 3733. Л. 1-71.

⁹ Там же. Д. 1124. Л. 1-31.

¹⁰ Там же. Д. 2865. Л. 1-102.

Е. Г. ПЕТРОВА
(г. Москва)

ШУЙСКИЙ КУПЕЦ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ПОСЫЛИН И ЕГО ПОТОМКИ

Купеческий род Посылиных занимал видное место в истории Шуи и Шуйского уезда, оставил по себе добрую память. Первое основанное ими ткацко-набивное хлопчатобумажное производство известно с 1780-х гг. Тогда Посылины значились крестьянами села Горицы Шуйского уезда. На рубеже XVIII-XIX вв. один из наиболее успешных представителей рода – **Иоанн Максимович Посылин** (1750-1813), скопив необходимый капитал, перешел в купеческое сословие и переселился со своей семьей в Шую. С 1790-х гг. по 1808 г. он числится московским купцом 2-й гильдии, с 1809 г. – шуйским 2-й гильдии купцом; успешно ведет торговлю текстильным товаром¹. В последний год жизни – в 1813 г. он становится Городским головой г. Шуи (впоследствии его потомки также избирались на эту должность). У И.М. Посылина и его жены Анны Афанасьевны было три сына – Степан, Алексей и Никанор и две дочери – Татьяна и Марья. Автор этих строк приходится прапрапраправнучкой Алексею Ивановичу Посылину, а потому более подробно речь здесь пойдет именно об этой ветви рода.

Алексей Иванович Посылин (1776-1851) не только продолжил вместе с братьями семейное текстильное дело (в 1815-1820 гг. они открыли в Шуе ткацкое и ситценабивное производство, в 1825 г. объявили капитал по 1-й гильдии купечества), но особенно преуспел в торговле с Персией (Ираном). Именно А.И. Посылин сумел основать фактории в Реште, Гилане и Тебризе, поставляя свои изделия на персидский рынок. Шах Ирана наградил его Орденом «Льва и Солнца». В России ткани Посылиных также смогли завоевать доверие потребителей за свое отменное качество при доступных для широких слоев населения ценах. В описании первой выставки российских мануфактурных изделий 1829 г. отмечалось: «... особенно же одобряются ситцы Шуйских купцов братьев Посылиных, сколько за прочность красок и доброту, а не менее того за умеренную их цену, потому что потребители сего изделия суть не богатый класс народа». Посылины представили на этой выставке «ситцу разных цветов и узоров – 25 кусков»³. Их отметили памятной медалью «За трудолюбие и искусство». Через год братья получили право изображать на своих изделиях двуглавого орла – герб России, что было высшей наградой для промышленного предприятия.

За успехи в развитии мануфактурного производства и торговли А.И. Посылин в 1833 г. был удостоен звания коммерции советника, награжден золотой медалью для ношения на шее на Владимирской ленте. Кроме того, он стал кавалером орденов «Св. Станислава» 4 степени и «Св. Анны» 3 степени. В 1834 г. причислен с семьей к сословию потомственных почетных граждан. В 1838 г. А.И. Посылин вместе с племянником Михаилом (сыном умершего старшего брата Степана) основал одну из первых в Шуйском уезде бумагопрядильную фабрику (на 11 тыс. веретен), использовавшую паровую машину (к несчастью, через год эта фабрика сгорела от пожара). В 1840-х гг. они заводят также первую в уезде пирротину (ситценабивную машину). В 1836-1839 гг. А.И. Посылин был Городским головой Шуи, прославился своей благотворительной деятельностью.

Единственный сын А.И. Посылина от его первого брака с дочерью старообрядца Александрой Александровной Игумновой – **Александр Алексеевич Посылин** (1815-1854) прожил всего 39 лет, лишь на 3 года пережив отца. Он также был потомственным почетным гражданином и купцом 1-й гильдии, унаследовал от отца две ситцевые и миткалевую фабрику в г. Шуе.

Дальше семейное производство перешло к его сыну от первого брака с ярославской купеческой дочерью Ератиадой Александровной Пастуховой – потомственному почетному гражданину, почетному гражданину города Шуи **Алексей Александровичу Посылину** (1837-1884). Он был известным предпринимателем и общественным деятелем, шуйским и московским купцом 1-й гильдии. В 1856 г. на его миткалеводкацкой фабрике вырабатывалось товара на 125 тыс. руб., на ситценабивной – на 205 тыс. руб.

В 1870-1871 гг. Алексей Александрович избирался городским головой г. Шуи, за свои заслуги на этой должности награжден золотой медалью. Кроме того, он был старостой Крестовоздвиженской церкви, членом училищного совета, членом попечительного совета Шуйской женской гимназии, почетным попечителем сельского Харитоновского училища, первым директором Шуйского общественного банка, созданного по его инициативе в 1867 г., председателем Шуйского общества Красного Креста, членом всевозможных благотворительных обществ.

После внезапной кончины А.А. Посылина (он умер в возрасте 47 лет от разрыва сердца) во Владимирских епархиальных ведомостях была опубликована большая статья его памяти. В ней отмечалось: «...И на всех означенных поприщах общественной службы он оставил по себе самую благодарную, неизгладимую память, как труженик-христианин, проникнутый сознанием святости долга и присяги, и как добрый человек, не жалевший на общественные нужды своих средств. <...> Не было в Шуе ни одного доброго предприятия, ни одного благотворительного или другого общественного учреждения, которое бы устраивалось без его сердечного участия»⁴. Он щедро жертвовал на различные благотворительные нужды: на строительство гимназий, училищ, ночлежного приюта, богадельни; вложил 10 тыс. рублей на устройство в Шуе водопровода. «Не было ни одного общественного учреждения, требовавшего частных пожертвований, где бы он не стоял первым, самым крупным пожертвователем», – говорилось в некрологе.

У Алексея Александровича Посылина было двое детей – Софья (1861-1925) и Николай (1866-1888). После смерти отца все семейные предприятия перешли к младшему брату – Николаю Алексеевичу, к сожалению, очень рано ушедшему из жизни: в возрасте неполных 22 лет он скончался от воспаления легких.

За год до кончины – в июле 1887 г. Н.А. Посылин успел жениться на дочери члена Одесского окружного суда, статского советника Николая Алексеевича Нейдика – Евгении Николаевне. У них родилась дочь Зинаида. Умер Н.А. Посылин в Москве; тело было перевезено в Шую и погребено на семейном кладбище при Крестовоздвиженской церкви рядом с могилами отца и матери. К сожалению, этот некрополь не сохранился. На месте могил Посылиных в советское время построили трансформаторную будку, которая стоит там до сих пор.

Незадолго до смерти Николай успел продать обе ситцевые фабрики, так что Софье Алексеевне досталась только бумаготкацкая (миткалевая) фабрика, а также двухэтажный родовой дом с флигелем в Шуе и около 950 десятин земли в Шуйском уезде⁵. Все эти имения в качестве приданого перешли к ее мужу – потомственному почетному гражданину Николаю Алексеевичу Сорокину (1858-1931). В 1915 г. все шуйские строения были проданы, поскольку семья Софьи и Николая Сорокиных постоянно жила в Москве.

Н.А. Сорокин происходил из старинного купеческого рода города Ярославля; его предки вели торговлю и предпринимательство еще со 2-й половины XVIII в. Ярославские купцы Сорокины были владельцами белильного и сурикового завода, а позднее – нескольких свинцово-белильных и кожевенных предприятий, потомственными почетными гражданами, прославившимися в Ярославле своей благотворительной деятельностью. Прадед Николая Алексеевича – Филипп Семенович Сорокин с 1 января 1808 г. по январь 1812 г. был городским головой Ярославля. Во время его пребывания на этом посту проводились большие работы по строительству и благоустройству города. Отец Николая Алексеевича – Алексей Иванович Сорокин унаследовал часть семейного производства свинцовых белил, разделив его со своим дядей, Николаем Филипповичем. У А.И. Сорокина был собственный белильный завод. Кроме того, он и его сыновья основали в Ярославле производство шпата. Н.А. Сорокин был его старшим сыном, но белильным бизнесом заниматься не стал, а семейные предприятия перешли к его младшему брату – Леониду Алексеевичу.

Перебравшись в Москву, Н.А. Сорокин вошел в состав правления одного из крупнейших в России страховых обществ – «Якорь». У Николая и Софьи Сорокиных было пятеро детей:

Борис, Анатолий, Алексей, Владимир и Тамара. Все они получили хорошее образование. Мальчики окончили Московский Императорский лицей в память Цесаревича Николая – привилегированное закрытое учебное заведение, в котором обучались дети из дворянских семей. Чаще его называли Катковским лицеем, в честь основателя – Михаила Никифоровича Каткова, известного публициста, литературного критика, редактора газеты «Московские ведомости». Учиться в лицее было престижно; после завершения восьмилетнего обучения в гимназических классах лицеисты могли продолжить образование на трехгодичных университетских курсах при Императорском Московском университете. Борис и Алексей выбрали юридический факультет, Владимир – историко-филологический. Все трое получили по окончании учебы дипломы 1-й степени. К сожалению, судьба Бориса сложилась трагически: он умер в 1912 г. от сыпного тифа в возрасте 24 лет. Всем остальным членам семьи довелось пережить революцию и все лишения, обрушившиеся на них в после-революционные годы.

Средний сын Сорокиных – Алексей Николаевич (1891-1929) в 1918 г. женился на Наталии Васильевне Кузнецовой (1895-1982) – правнучке известного московского текстильного фабриканта, основателя и владельца Товарищества суконной мануфактуры «Йокиш» – Василия Ивановича Йокиша. Правда, к тому времени предприятие прадеда было национализировано. Молодые супруги жили вместе с родителями Алексея в Москве, в доме № 15 по Никольскому (ныне – Плотникову) переулку близ Арбата. В 1921 г. у них родилась дочь – Марина Алексеевна Сорокина. Это – моя мама.

¹ *Вотлин Е., Баделин В., Зимин Д.* Деловые люди. Текстильные предприниматели Российской Империи XVIII-XX века. Ивановский край. – Иваново: ИЭК, 2016. – С. 390-404.

² Описание первой публичной выставки российских мануфактурных изделий, бывшей в С.-Петербурге 1829 года. — СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1829. – С.146-147.

³ Роспись вещам, выставленным в Первую публичную выставку Российских изделий в С.-Петербурге 1829 года. — СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1829. – С. 31.

⁴ Памяти потомственного почетного гражданина, Шуйского 1-й гильдии купца-фабриканта Алексея Александровича Посылина // Владимирские епархиальные ведомости, – 1884. – 15 сентября. № 18. – С. 563-579.

⁵ *Вотлин Е.Г.* Посылины // Погоня за потомками. – Иваново: Издательство МИК, 2013. – С.400-410.

Е. Г. ПЕТРОВА
(г. Москва)

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ КУПЦОВ ПОСЫЛИНЫХ В МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ

Купеческий род Посылиных известен в Шуйском уезде Владимирской губернии с конца XVIII в. В XIX в. Посылины развивали текстильное производство в Шуе, несколько поколений этой семьи занимали видное общественное положение, вели активную благотворительную деятельность. Автор поставил перед собой задачу исследовать, какие материалы, относящиеся к истории этого древнего купеческого рода, имеются в музеях России. Выполнение этой достаточно сложной задачи стало возможным благодаря появлению в сети Интернет такого ценного ресурса как сайт ГОСКАТАЛОГ.РФ, который был создан при поддержке Министерства культуры РФ и постоянно пополняется. Был произведен поиск экспонатов по ключевому слову «Посылин» по всем разделам данного сайта. Поиск дал 154 результата, которые и были проанализированы в ходе дальнейшего исследования.

Оказалось, что большая часть найденных предметов, – это образцы кубового ситца ручной набивки, которые датируются 1884-1885 гг. Все эти лоскуты тканей происходят из одного источника – Манерной книги с образцами Фабрики Степана Михайловича Посылина в Шуе, которая хранится в Государственном бюджетном учреждении Ивановской области «Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д.Г. Бурылина» в городе Иваново. В этой книге, насчитывающей 54 образца тканей, представлено все разнообразие раппортов кубового ситца ручной набивки, выпускавшегося на тот период данным предприятием. На первый взгляд, рисунки всех этих лоскутов тканей похожи друг на друга и достаточно однотипны: они представляют собой повторяющийся на темном фоне узор из маленьких красных цветочков с зелеными листиками, между которыми вкраплены совсем мелкие голубые незабудки и причудливо изогнутые золотистые веточки. Но если приглядеться внимательно, то среди представленных образцов нет ни одного повторяющегося рисунка, все они разные, каждый из них чем-то отличается от других. Удивительно, насколько широка была

фантазия мастеров-набойщиков, позволившая им создавать такое многообразие всевозможных сочетаний, по сути, из одних и тех же традиционных элементов.

Другой круг экспонатов, также непосредственно связанных с продукцией хлопчатобумажного производства Посылиных, – это образцы ситцевых набивных платков. Посылинские платки славились наряду со знаменитой Трехгоркой. Главным образом, в музеях представлены платки всё той же Шуйской фабрики Товарищества мануфактуры Степана Посылина, но уже более позднего периода ее существования: самого конца XIX – начала XX вв. Например, они есть в Муниципальном бюджетном учреждении культуры «Городской музей» города Сарова, в «Литературно-мемориальном музее А.П. Гайдара города Арзамаса» (оба музея находятся в Нижегородской области); Государственном музее-заповеднике «Александровская слобода» (Владимирская область); Новоуральском историко-краеведческом музее (Свердловская область). В собрании Сергиево-Посадского Государственного историко-художественного музея-заповедника, который содержит наиболее полную в России коллекцию хлопчатобумажных платков конца XIX – начала XX вв., хранится 37 посылинских платков, выполненных ручным способом. В их числе имеются не только платки производства мануфактуры Степана Посылина, но и более редкие – фабрики Алексея Посылина. Платки Посылиных разнообразны по своей окраске, композиционным решениям и узорам, но неизменно отличаются высоким качеством.

Помимо продукции Посылиных, всегда вызывающей самый живой интерес, в музеях сохранились и некоторые другие материалы. Прежде всего, это различные фабричные документы. Так, в Государственном историческом музее в Москве хранятся ценные бумаги Товарищества мануфактуры Степана Посылина – Пай в тысячу рублей (образец 1909 г.) и Купонный лист (образец 1904 г.). В Государственном Владимиро-Суздальском музее-заповеднике есть рекламные листы Товарищества Степана Посылина. А в МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта» в Шуе имеется чертеж устройства электрического освещения на ткацкой и ситцевой фабриках этого Товарищества (1899).

Третий большой блок экспонатов – это многочисленные документы, относящиеся к общественной и благотворительной

деятельности Посылиных. В числе этих документов важное место занимают обращения потомственного почетного гражданина Алексея Александровича Посылина (1837-1884), бывшего городского головы Шуи и председателя Шуйского Комитета общества попечения о раненых и больных воинах в Совет Шуйской Киселевской больницы по делам этого Комитета. Сохранилась также переписка Конторы наследников А.А. Посылина и Правления Товарищества мануфактуры Степана Посылина с руководством этой больницы с просьбами принять на лечение фабричных рабочих и по вопросам его оплаты за счет Товарищества. В числе этих документов можно назвать следующие:

– Письмо потомственного почетного гражданина Алексея Александровича Посылина в Совет Шуйской Киселевской больницы с просьбой отдать внаем помещение нижнего этажа больницы для больных и раненых воинов (от 28 мая 1877 г.);

– Уведомление председателя Шуйского Местного Комитета общества попечения о раненых и больных воинах, потомственного почетного гражданина А.А. Посылина в Совет Шуйской Киселевской больницы об одолжении им личных денег (в размере 250 руб.) Совету больницы (от 13 января 1878 г.);

– Отношение Совета Шуйской Киселевской больницы в Контору наследников А.А. Посылина по вопросу оплаты за лечение рабочих (май 1885 года);

– Просьба Совета Шуйской Киселевской больницы в Контору наследников А.А. Посылина о направлении на излечение в Киселевскую больницу фабричных рабочих с тяжелыми заболеваниями (от 17 декабря 1885 г.);

– Письма с просьбами Правления Товарищества мануфактуры Степана Посылина в Шуйскую Киселевскую больницу о принятии на лечение фабричных рабочих за счет Товарищества (от 2 января 1885 г., 4 мая 1889 г., 22 ноября 1890 г., 25 января 1901 г., 20 июня 1901 г., 29 сентября 1902 г., 21 февраля 1903 г., 2 ноября 1910 г.);

– Просьба Совета Шуйской Киселевской больницы в контору фабрики Товарищества Мануфактуры С. Посылина в г. Шуя об оплате за лечение фабричных рабочих (от 27 апреля 1906 г.).

Все перечисленные документы хранятся в МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта» городского округа Шуя.

Еще одним важным блоком документов являются различные материалы семейного и генеалогического характера. К таким экспонатам может быть отнесен хранящийся в Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля в Москве рукописный лист с генеалогическим древом, объединяющим семейства Посылиных, Дурново и Эфрон. Данный документ наглядно показывает родственную связь между этими известными семьями. Дочь Никанора Ивановича Посылина – Елизавета Никаноровна стала супругой Петра Аполлоновича Дурново, а их дочь – Елизавета Петровна Дурново вышла замуж за Якова Эфрона. Соответственно, Сергей Яковлевич Эфрон – муж Марины Цветаевой, приходился Елизавете Посылиной внуком.

Сохранились в музеях извещения и объявления о важных семейных событиях. К документам такого рода могут быть отнесены:

– Просьба Посылиных Николая Алексеевича и Софьи Алексеевны пожаловать на сороковой день поминовения родителя Алексея Александровича Посылина – 10 сентября 1884 г.;

– Просьба Посылиной Евгении Николаевны и Сорокиной Софьи Алексеевны пожаловать на годичный день поминовения мужа и брата Николая Алексеевича Посылина – 27 июня 1889 г.;

– Извещение Посылиной Марии Александровны о смерти супруга Степана Михайловича Посылина, последовавшей 21 декабря 1890 г.;

– Просьба Посылиной Марии Александровны с детьми пожаловать на сороковой день поминовения супруга и родителя Степана Михайловича Посылина – 29 января 1891 г. (Музей Константина Бальмонта);

– Приглашения к обеденному столу и на балы в день бракосочетания (Владимиро-Суздальский музей-заповедник).

Сохранилась также переписка членов семьи Посылиных личного характера. На Госкаталоге представлено 20 писем.

Интересный документ – Счет от Кремнева Федора Васильевича с сыном Поповой Евдокии Ивановне на сумму 45 руб. за работы по оформлению фамильного склепа Посылиных (от 23 мая 1911 г.). Фамильный склеп находился на Троицком кладбище г. Шуи. К сожалению, он был утрачен в советские годы, так же как и некрополь семьи Посылиных у алтаря Крестовоздви-

женской церкви, на месте которого построили трансформаторную будку, стоящую там до сих пор.

Наконец, очень важным блоком информации являются фотографические и графические материалы. Сохранилось лишь небольшое число фотографий разных представителей рода Посылиных (6 единиц хранения), а также исторических видов города Шуи с их домами и фабриками. Все фотографии сосредоточены, главным образом, в «Литературно-краеведческом музее Константина Бальмонта» в Шуе. Одна фотография: Е.П. Дурново с родителями Е.Н. Дурново (ур. Посылиной) и П.А. Дурново хранится в Доме-музее Марины Цветаевой в Москве.

Подытоживая, можно сказать, что в разных музеях России сохранилось довольно значительное количество экспонатов, относящихся к истории Шуйского и Московского купеческого рода Посылиных. Основная часть материалов представлена в «Литературно-краеведческом музее Константина Бальмонта» в Шуе – городе, с которым связана главная предпринимательская, общественная и благотворительная деятельность этой семьи.

Н. В. ЦИКУЛИНА
(г. Кохма)

ЕСТЬ И СИТЕЦ, И МУСЛИН...

Текстильная промышленность России в конце XIX в. переживала период стремительного подъема. Бурно росли хлопкопрядильная, хлопкоткацкая, красильная, ситценабивная промышленность. К началу XX в. хлопчатобумажное ситценабивное производство становится ведущим в текстильной промышленности России. В начале XX в. отечественные фабричные ткани прочно входят в быт всех слоев общества. В одежде и в убранстве помещений начинают преобладать вещи и изделия фабричного производства. Наиболее ходовыми сортами крестьянского ассортимента были ситцы, сатины, саржи, сарпинки, бязи, камки, плисы, а также недорогие декоративные кретоны. Особенной славой пользовались сарафанные кубовые ситцы – красивые, темных тонов, прочно окрашенные ткани с некрупным, но четким, обычно растительным рисунком. Наибо-

лее распространен был ситец с цветочным узором по глубокому синему полю, от которого эти ткани и получили свое название – кубовых. Кроме мотивов, взятых из ручной набойки, часто встречающимся узором сарафанных ситцев были так называемые «букеты». Они представляли собой отечественную переработку западноевропейских образцов с мелким цветочным рисунком, именовавшихся в производстве «мильфлерами». Свое происхождение этот узор вел от французских тканей «рококо». Разнообразные мелкие рисунки «мильфлеров» очень хорошо «привились» на сарафанных ситцах. Исполненные в полную силу цвета на темно-синих, иногда черных или темно-коричневых фонах, они получили совершенно новое звучание. Детальная, но лишенная жесткости и сухости разработка рисунка, простота и четкость контуров, яркие чистые тона, составлявшие благородную темную гамму, были характерны для русских тканей рассматриваемого типа. Однако ориентировались и на иностранные ситцы, чаще всего «белопольные», иногда с неярким, несколько расплывчатым рисунком. Рисунок его – простой мелкий растительный или цветочный, а чаще всего геометрический узор. По белому полю разбрасывались мелкие цветочки, букетики, травинки, листики или просто прямоугольники, квадратики, ромбики, звездочки, горошки, точки и другие простейшие орнаменты. Мотивы узора «белоземельного» ситца, как и рубашечной «сетки», были взяты из ручной набойки и издавна пользовались большой любовью в деревне. За быструю раскупаемость «белоземельный» ситец назывался «Царь-манера».

Одним из примеров использования такой техники были плательные ситцы и сатины с узором, именуемым на производстве «пико». Он представлял собой сложный узор из мельчайших точек, скомпонованных в виде растительных или отвлеченных форм типа разного рода звездочек и т.д.

Удачно и прочно вошел в ассортимент ситцев узор, называемый в производстве «огурец», выпускавшийся для Средней Азии и для экспорта в страны Востока.

Со временем изменился и характер выпускаемой продукции. Если раньше упор делается на дешевые хлопчатобумажные ткани, выпускаемые в огромных количествах, теперь старались выпускать дорогие сорта, требующие высококачественного сырья, сложной художественной отделки, приближавшиеся к шелковым и шерстяным тканям.

Мы попытаемся проанализировать развитие производства Т-ва Ясюнинских через ткани, выпускавшиеся здесь.

В фондах музея есть Манерная книга с образцами тканей конца XIX в. и работа краеведа 20-х гг. XX в. А.И. Блохина «Рисунки тканей Т-ва Ясюнинских 1917 г.». Из Музея революционной, боевой и трудовой славы Кохомского ХБК было передано несколько образцов тканей нач. XX в. Еще один источник – Прейскуранты тканей Т-ва М-р Ясюнинских – 1911-1912 гг. и 1912-1913 гг. (https://vk.com/wall-66294911_2584).

В «Манерной книге» представлены образцы тканей конца XIX в. Образцы тканей – ситец с растительно-цветочным орнаментом 2-3 цветные.

В 1896 г. «на бумагопрядильной фабрике в пряжу перерабатывается хлопок американский, египетский и среднеазиатский американских семян 1-го сорта. Миткаль, бумазья и прочие суровые ткани, вырабатываемые на бумаготкацкой фабрике, почти все поступают на собственную ситценабивную фабрику и только в малом количестве продаются для Москвы, Бухары и Персии. Ситец, бумазья и прочие печатные и крашенные ткани имеют сбыт в Москве, Харькове, на Нижегородской и всех приволжских ярмарках, откуда расходятся преимущественно в приволжские города, Сибирь, Кавказ, Область Войска Донского и Юго-западный край...»

За время своего существования предприятие экспонировало свои произведения на 5 выставках, удостоившись следующих наград: малой серебряной медали на С.-Петербургской мануфактурной выставке (1849 г.), серебряной медали на С.-Петербургской Всероссийской мануфактурной выставке (1870 г.), серебряной медали на Всемирной выставке в Париже (1889 г.), медали на Всемирной выставке в Чикаго (1893 г.) и большой золотой медали на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде (1896 г.) (Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов: 1905 г.)

Продукция, направленная на «Колумбову выставку» в Чикаго в 1893 г.: пряжа, миткаль, бумазья, ситцы по миткалю и узорчатым тканям.

Если мы заглянем в Прейскуранты 1911 и 1912 гг., то в «Московском амбаре» мы найдем до 60 разных видов тканей. От «алачи» до «элиты». И это не просто «ситец», «бумазья», «са-

тин», а ткани с замысловатыми названиями, которые не встречаются или редко встречаются в наши дни. Например, «кретон» – хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения (нить утка несколько тоньше нити основы), из предварительно окрашенной пряжи, с текстильным орнаментом в виде клетки или полос. В XIX в. использовался очень широко для одежды менее обеспеченных людей, а также в качестве обивки мебели. «Нанбук» – гладкокрашенная хлопчатобумажная ткань, сатинового переплетения, более тяжелая и жесткая, чем обычные сатины, используется для пошива рабочих халатов, в качестве подкладок.

Мы встречаем ткани «туаль модерн» и «туальфин». Туаль – тонкая натуральная шёлковая ткань с полотняным плетением и блеском, используемая на подкладке дорогой одежды, для пошива блузок и белья.

Есть в списке «фуляр» и «фуляр фасонный». Фуляр – лёгкая шелковая ткань, очень мягкая, одноцветная или с орнаментом. Употреблялась для платков, косынок, пошива платья, изготовляли абажуры и занавески.

Упоминается «шерстянка» – хлопчатобумажная ткань, имеющая вид шерстяной. «Александрин» – обычно полосатая ткань из смеси льна и хлопка, которая шла на одежду для более состоятельных кругов российского общества.

«Симили» – мерсеризованная хлопчатобумажная ткань.

Мерсеризация хлопка включает в себя три этапа. Первый – сама мерсеризация, обработка хлопка раствором щёлочи, сегодня автоматический процесс позволяет получить ткань наивысшего качества. Второй этап – отбеливание и окрашивание. Далее следует газоопалка мерсеризованной нити – обжигание, которое снижает ворсистость нити. Простыми словами, мерсеризованный хлопок – это улучшенная модификация обычного. Возможно, вы не раз замечали, что одна хлопковая нить отличается интересным, приятным глазу блеском, а другая – более матовая и имеет небольшой ворс. В первом случае в ваших руках мерсеризованный хлопок. Мерсеризованный хлопок более гладкий, блестящий и прочный. Он лучше держит форму, но при этом мягкости хлопка без обработки у него нет. На полотне из такого хлопка эффектно смотрятся рельефные узоры, которые подчеркивают блеск полотна.

«Ривьера». Это название можно встретить и сегодня. «Ривьера» – очень прочная и хорошо растяжимая ткань, обладает

повышенной износостойкостью. Полотно имеет глубокий, насыщенный цвет. Очень часто используют данную костюмную ткань для пошива платьев, школьной формы, а также женских костюмов и юбок.

Можно заметить, что среди названий тканей мы легко угадываем названия городов: Трувиль, Стамбул, Бристоль, Урси, Дамьетта, Гранвиль.

Заинтересовало нас и название «муслин двухпудный». Тогда как муслин – тончайшая ткань из хлопка, льна или шелка с полотняным переплетением.

Наибольшей популярностью среди традиционной «восточной» продукции XIX в. пользовались так называемые «кашемировые» ткани. Их узоры были давно известны в России и воспроизводились на русских тканях с конца XVIII в. В быту этот мотив назывался «огурцами» или «бобами». Он отличался необычайно четкой графичностью, каждая мельчайшая орнаментальная деталь была тщательно прорисована. Крупные формы («огурцы») имели несколько разноцветных обводок по контуру, внутри которого располагался узор из растительных и цветочных элементов, сплетавшихся в сложный декоративный орнамент. Спокойная расцветка, состоявшая из множества гармонично подобранных тонов, воспринималась издали как однотонная. Эти ткани, простые, на первый взгляд, требовали в производстве высокого мастерства гравирования и большого, по числу входящих в узор цветов (иногда более 10), количества валов. Были «огурцы» и на тканях купцов Ясюнинских.

Среди образцов тканей, выпускавшихся Ясюнинскими, мы выделим несколько:

Образец под № 2 – Бязь бельевая, одновальная, цветочный орнамент, выполнена в черном цвете.

Образец ткани № 3 – «Газ-Рейэ», белоземельная, набивная, многовальная, цветочный орнамент, с изображением восточного «огурца».

Образец № 4 – Ткань «Ривьера», белоземельная, набивная, многовальная, с цветочным орнаментом, мильфлер.

Образец № 6 – Ткань «Крепонет», белоземельная, каймовая, многовальная, с геометрическим и цветочным орнаментом.

№ 12 – «Оксфорд», № 14 – «Пике».

Образец № 15 – Ткань поплин, белоземельная, плательная, многовальная, цветочная полоса типа вышивки.

Еще один образец ткани со сложным, многоцветным рисунком – образец № 16 – Ткань фланель, грунтовая, плательная, многовальная, цветочного характера.

Однажды в музей пришло письмо из Подмосковья от А.А. Калинкина. Он нашел в сундуке бабушки отрез ткани красного цвета, предположительно, сатина, с клеймом фабрики Т-ва М-р Ясюнинских. Он решил узнать, что это была за фабрика, и прислал лоскут ткани в Кохму. Бабушки в живых уже не было, и узнать историю появления у нее ткани было уже невозможно.

Анатолий Иванович Блохин в конце 1920-х гг. выполнил интересную работу «Рисунки для набивки товара Ситценабивной фабрики «Т-ва М-р В.Е. и А. Ясюнинских в с. Кохме». Виды тканей 1917 г. он располагает в порядке повышения сложности рисунка – от 1-вальных до 7-вальных, в основном, цветочные и геометрические узоры.

Таким образом, мы видим большое разнообразие видов тканей и рисунков на производстве Т-ва М-р В.Е. и А. Ясюнинских в с. Кохме) – достойное представление кохомской продукции на мировом рынке.

Е. С. СТАВРОВСКИЙ
(г. Шуя)

ТРАГЕДИЯ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА – УЧЕНИКА ШУЙСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ

Учиться в гимназии в XIX – начале XX вв. было непросто. Жёсткая (нередко жестокая) дисциплина, сложные учебные предметы создавали для юных учеников серьезные трудности, иногда непреодолимые. Особо тяжёлыми были первые год-два, когда отсеивались лентяи, озорники и просто неприжившиеся подростки.

Писатель Ефим Вихрев (1901-1935) в автобиографических очерках («Первые уроки») так описал свои первые впечатления от учебы в Шуйской гимназии:

«В гимназии с первых же дней понял я, что такое ненависть, и полюбил злобу.

Синие сюртуки, золотые звездочки на бархате петлиц, бронзовые орлы на пуговицах, мраморные сорочки и воротнич-

ки – преподаватели, классные наставники, надзиратели, – всё было направлено против меня. Мне ставили незаслуженные единицы, и я, боясь отца, научился сам делать его подпись в балльнике. <...> И тогда жизнь представлялась мне жуткой и шаткой случайностью. <...> И я стал цепляться слабенькими руками за жизнь...»¹. («Классный наставник» в советское время стал классным руководителем, а «балльник» – школьным дневником).

Обычно в гимназию поступали в 10 лет. Хотя срок обучения в гимназии составлял восемь лет, мало кто её оканчивал в 18-летнем возрасте, т.к. «второгодничество» было обычным явлением. Поэтому неудивительно, что нередко молодые люди выпускались из гимназий в 20-21 год, могли и в 22.

Учебный день начинался с общей молитвы (молебна) в зале за четверть часа до первого урока. Занятия длились четыре-пять часов, много задавали на дом.

Главными предметами в гимназии считались «древние языки» (латинский и греческий), а также математика. В учебный курс классической гимназии также входили: Закон Божий, русский язык с церковно-славянским и словесностью, история, чиstopисание, рисование и «новые языки» (немецкий и французский)². Для сложных уроков латинского и греческого языков обычно отводились первые два часа, когда ученики были еще «со свежей головой».

Учебные программы периодически изменялись, появлялись новые предметы, например, природоведение, естествоведение, законоведение. Были и совсем странные на слух, такие как «философская пропедевтика» (можно перевести как введение в философию), «математическая география» (что-то вроде астрономии). Для желающих были даже уроки танцев.

В конце учебного года гимназисты держали устные и письменные испытания (переводные экзамены). В дореволюционной гимназии считалось нормальным, если на «второй год» осталось 30 % учеников (около трети класса!). Переводные экзамены были стрессом для многих, иногда дело доходило даже до самоубийства.

В воскресенье, 31 мая 1898 года в городском саду Шуи застрелился гимназист Гирша Коган. Его самоубийство, как вспоминал профессор В.В. Голубков (выпускник Шуйской гимназии 1898 г.), «вызывало волнение шуйских евреев». В смерти Когана

винили учителя С.И. Шевнина за двойку по греческому языку на переводном экзамене. После этого Шевнин на месяц уехал из Шуи, пока всё не успокоилось. По словам Голубкова, «основной причиной самоубийства было сознание неудавшейся жизни: он, незаурядный, способный человек, должен еще 3 года оставаться школьником...»³.

На первый взгляд может показаться, что Коган учился плохо. Но, на самом деле, учился он хорошо (кроме математики, по которой у него была «тройка»). Эти подробности известны из дела, заведенного в Шуйском полицейском управлении. Полицией были опрошены знавшие Когана люди. Выяснилось, что он часто жаловался на бедность. После случившегося в кармане Когана была найдена записка для Мити Бальмонта, его одноклассника. По словам В.Н. Бальмонт, матери Дмитрия, Гирша Коган был человеком порядочным, впечатлительным, жил в постоянной нужде. Его знакомый гимназист также сказал о нём «как хорошем, но бедном человеке». В то же время Коган был скрытным, никто не подозревал о его роковом решении даже за день до трагедии. За день до самоубийства он с Дмитрием Бальмонтом катался на лодке по Тезе⁴.

В мае 1903 г. в Московском учебном округе разбиралось дело «о несчастном случае с учеником 6-го класса Шуйской гимназии Соколовым (самоубийство)»⁵.

В феврале 1911 г. на ученической квартире выстрелил себе в висок семиклассник Шуйской гимназии Николай Миненков (остался жив). По мнению педагогов и врача, «причина несчастья кроется в оторванности его от семьи. Мать, братья и сестры относились к Миненкову равнодушно, человеческого достоинства в нем не уважали». В Шуге у него родных не было⁶.

Конечно, стрелялись молодые люди не только из-за учебных проблем, но из-за любви тоже. В 1898 г. «гимназист Шорыгин застрелился из-за Кати Данилевич» (из дневника шуйской гимназистки А.Н. Сперанской (Зааловой))⁷.

В конце обучения гимназистов ожидали главные экзамены – «испытания зрелости». Так в XIX – начале XX вв. официально называли выпускные экзамены за курс классической гимназии на получение аттестата зрелости. Аттестат давал право на зачисление на любой факультет любого университета того учебного округа, в гимназии которого получен аттестат, без вступительных экзаменов. Поэтому для продолжения образования гимнази-

сты из Шуи направлялись, как правило, в Московский университет.

Чтобы поступить в университет, кроме аттестата требовалась отличная оценка по поведению. Для этого нужно было соблюдать утверждённые министром народного просвещения правила поведения, в том числе вне стен гимназии. На улицу, в библиотеку, другие общественные места гимназисты должны были ходить в форме и с гимназическим билетом. «Ношение длинных волос, усов и бороды, а равно излишних украшений, например, колец, перстней и проч. – воспрещается». Ученики должны быть вежливы как по отношению к преподавателям, так и к своим товарищам⁸. Но на улице бывает всякое. Например, долгое время в Шуе существовали враждебные отношения между гимназистами и учениками уездного училища. Как вспоминал профессор В.В. Голубков, «обычно дразнили гимназистов из-за формы «синяя говядина, купоросные щи». Это было непонятно, но обидно»⁹.

За нарушения правил поведения полагались взыскания, список которых был чётко прописан. Серьёзные проступки записывались в кондуит (штрафной журнал). Существовали следующие виды наказаний: выговоры, удаление из класса, стояние в классе вместо сидения, оставление после уроков на один час, дополнительные задания на дом, заключение в карцер на время не более суток «с содержанием на чёрном хлебе и на воде» (не только в учебные дни, но и в воскресные и праздничные) и др.

И в Шуйской мужской гимназии был карцер – комната под лестницей первого этажа при входе в здание гимназии. Ученик выпускного класса Кузнецов был наказан сидением в карцере на два часа за посещение одного из шуйских трактиров.

Крайней мерой было исключение из гимназии. Чаще всего выгоняли из-за неудовлетворительных оценок, но иногда и из-за серьёзных проступков. В декабре 1883 г. уволен 17-тилетний ученик 5-го класса мужской гимназии в Шуе С. Петров «за то, что позволил себе явиться на уроки с явными признаками нетрезвости». Он был принят в Коломенскую гимназию, но в сентябре 1884 г. был исключен как участник «противоправительственного кружка» в Шуе.

Ученик А. Антонов был исключен из Шуйской гимназии, когда он «заквасил все чернильницы в классе мукой с дрожжами, так что на утро из чернильниц вылезла лиловая опара»¹⁰.

Конечно, во все времена встречаются среди учеников «чужаки» и психически неустойчивые люди. Подавляющее большинство юношей выдержали испытания дисциплиной и трудностями в учебе, и в дальнейшем с успехом учились в высших и других учебных заведениях.

¹ *Вихрев Е.Ф.* Родники / Сост. и примеч. А. Вихрева. – М.: Советская Россия, 1984. – С. 67-70.

² *Ставровский Е.* История Шуйской мужской гимназии. – Шуя: «ПолиЦентр», 2023. – С. 23.

³ Архив городского округа Шуя (АГОШ). Ф. 331. Оп.1. Д. 20. Л. 37.

⁴ *Зимин Д.* Шуйский уезд. Ч.1. – Иваново, тип. ОГБОУ СПО «Ивановский энергocolледж», 2013. – С.71-72.

⁵ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 459. Оп. 3. Д. 5454.

⁶ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6002. Л. 12-13.

⁷ АГОШ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 5. Л. 8об.

⁸ Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения (Утверждены Министром Народного Просвещения 4 мая 1874 г.)

⁹ АГОШ. Ф. 331. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

¹⁰ *Невский А.А.* Из прошлых лет (Страницы воспоминаний) // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Выпуск 5-й. – Шуя: Полиграфия Центр, 2005. – С. 232. (Публикация Н.Н. Коротковой)

Д. М. ЧЕРНИХОВСКИЙ
(г. Санкт-Петербург)

ШУЙСКИЕ ПОСТРОЙКИ ЕПАРХИАЛЬНОГО АРХИТЕКТОРА НИКОЛАЯ КОРИЦКОГО

В исторических очерках и описаниях церковных построек, которыми богат наш край, к сожалению, практически не встречаются сведения об архитекторах. Установление авторов проектов церквей становится возможным лишь к концу XIX в., когда проекты обсуждаются и согласовываются профессиональными строительными сообществами (строительными комитетами, совещательными присутствиями техников). За строительство и ремонт церковных зданий в ряде губерний Российской империи с 1860-х гг. стали отвечать епархиальные архитекторы. Архитектор Николай Дмитриевич Корицкий (1854–1915) прослужил в должности владимирского епархиального архитектора около

тридцати лет, за которые спроектировал, построил и перестроил значительное количество церковных построек на территории бывшей Владимирской губернии (в настоящее время постройки архитектора сохранились во Владимирской, Ивановской и Нижегородской областях).

Николай Дмитриевич сын дворянина, потомственный архитектор¹, выпускник Императорской Академии художеств. На протяжении своей карьеры во Владимирской губернии архитектор совмещал службу в должности младшего инженера строительного отделения губернского Правления (1880–1904) с должностью епархиального архитектора (1882–1910). Формулярный список Н.Д. Корицкого с перечнем заслуг, званий и наград довольно внушителен². Краткие сведения об архитекторе приводятся в Юбилейном справочнике Императорской Академии художеств³ и ряде справочно-биографических изданий. Несмотря на то, что зодчий практически всю свою творческую жизнь непрерывно и продуктивно работал на строительных должностях, его вклад в формирование местных архитектурных традиций практически не изучен и не оценен, а перечень построек мало известен даже специалистам (в авторитетном академическом издании «Свод памятников архитектуры и монументального искусства России»⁴ по Ивановской и Владимирской областям фамилия архитектора вовсе не упоминается).

Многолетняя служба Николая Дмитриевича в строительном отделении в должности епархиального архитектора подразумевала не только ремонт, перестройки, проектирование и строительство зданий, но и повседневную разностороннюю работу, связанную с проведением инженерных расчетов и уточнением смет, определением актуальной стоимости работ и строительных материалов, решением вопросов расширения и технологического оснащения местных фабрик, проектированием систем отопления и вентиляции. Также Н.Д. Корицкий регулярно участвовал в заседаниях совещательного присутствия техников, выполнял различные экспертизы, осуществлял наблюдение за строительством. В 1898 г. архитектор указывал, что к тому моменту им было построено 14 церквей⁵. В 1906 г. Н.Д. Корицкий уже отмечал, что во Владимирской епархии им было построено более 50 церквей, перестроено и капитально отремонтировано не менее 100⁶. Указанный порядок цифр подтверждается даже поверхностным знакомством с архивными документами. В фонде

40 (Владимирское губернское правление) государственного архива Владимирской области и фонде 1293 (Техническо-строительный комитет МВД) Российского государственного исторического архива имеются десятки проектов Н.Д. Корицкого по строительству, расширению и перестройке церквей и часовен в разных местах Владимирской губернии. Фамилия архитектора регулярно упоминается в протоколах заседаний строительного отделения в качестве члена присутствия, эксперта, инженера-строителя, архитектора.

Среди наиболее известных работ архитектора – крупные соборные храмы в г. Юрьев-Польском и с. Лезневе (Ивановская область), церкви в г. Камешкове, селах Польцо и Чулково (Нижегородская область), постройки во Владимире и Коврове.

К постройкам архитектора Н.Д. Корицкого в Шуе относятся в основном небольшие церковные здания, не играющие заметной роли в городской архитектурной среде. Их ценность заключается в том, что они представляют характерные для нашей местности образцы архитектуры периода эклектики, относимые к памятникам «русского» и кирпичного стилей.

На восточной окраине Шуи рядом с холерным кладбищем по проекту Н. Корицкого была построена Петропавловская церковь с колокольней. Проект церкви был рассмотрен и утвержден совещательным присутствием техников строительного отделения владимирского губернского правления 14 июня 1891 г.⁷ В пояснительной записке Н. Корицкий указал, что «работы будут производиться под моим наблюдением»⁸. Утвержденный проект церкви сохранился⁹, но он существенно отличается от построенного храма формой кровли (восьмигранной изогнутой вместо четырехскатной), декоративным оформлением (нишами в пилястрах вместо двойных полуколонок, треугольными сандриками вместо килевидных, щипцовым завершением боковых стен, декоративными поясками и зубчиками вдоль карниза и т.д.), протяженностью трапезной, формой алтаря. Можно предположить, что для согласования архитектор использовал более простой в техническом отношении проект, а при строительстве позволил себе от него отклониться. Строительство церкви завершено в 1893 г. (храм освящен 28 ноября 1893 г.¹⁰), колокольня построена в 1896 г. Церковь была закрыта в 1938 г. и использовалась под хозяйственные цели. Колокольня разрушена. Здание

возвращено Русской Православной Церкви в 2002 г. Здание церкви восстановлено (без колокольни).

Большая часть построек бывшего шуйского духовного училища, располагавшегося до 1918 г. в домах 40 и 40/1 по Миллионной улице (сейчас – ул. Советская), возведена по проектам Н.Д. Корицкого. Архитектор последовательно спроектировал здания училищной церкви Александра Невского¹¹, общежития воспитанников училища¹² и колокольни¹³. Церковь Александра Невского была закрыта в 1923 г., здание возвращено верующим в 1999 г.¹⁴ и восстановлено (колокольня утрачена).

На территории шуйского кремля по проекту Н. Корицкого в 1887 г. была построена небольшая колокольня при Никольской тюремной церкви¹⁵. Церковь закрыта в 1918 г.¹⁶, верхние ярусы колокольни разрушены. В настоящее время здание церкви относится к психиатрической больнице.

На площади в Заречной части Шуи в конце 1870-х гг. было основано подворье Николо-Шартомского монастыря. Построенная на монастырском подворье часовня была освящена 21 февраля 1880 г. Уже 21 июня 1881 г. часовня была обращена в церковь и освящена во имя Святого пророка Илии. Внешний вид Ильинской церкви-часовни отражен в книге шуйского священника-краеведа Евлампия Правдина: «Церковь каменная тёплая, крытая железом, выкрашенным ярью [ярь – зеленая краска. – Ч.Д.]. Стены её не оштукатурены и не выбелены. Купол на ней выкрашен голубой краской, с накладными вызолоченными звёздами. Над южными дверями, на стене живописное изображение Пророка Божия Илии, возносящегося на огненной колеснице на небо. Окна в храме в один свет... К западной стене храма примыкает деревянная колокольня»¹⁷.

Совещательным Присутствием техников владимирского губернского правления 12 июля 1888 г. были рассмотрены и утверждены подготовленные епархиальным архитектором Н.Д. Корицким проекты распространения церкви и постройки при ней колокольни¹⁸. В протоколе заседания Присутствия техников отмечено: «проектом предположено распространить очень небольшую церковь во имя Св. Пророка Илии в г. Шуе длиною 3 саж. 4 вершка, шириною 4 сажени (кроме алтаря) пристройкою на запад шириною 14 аршин, длиною до колокольни 4 сажени, с устройством колокольни которую поместить внутри церкви, сделавши с боков небольшие проходы, для помещения моля-

щихся»¹⁹. В пояснительной записке к проектам были изложены технические подробности с расчётом запаса прочности сводов. В церкви проектировалось устройство кирпичных сводов, опирающихся на двутавровые железные балки. Балки укладывались вдоль стен, под них для прочности подкладывались рельсы. Относительно колокольни Н. Корицкий отмечал, что «колокольня проектирована без изменений и тех же размеров как уже построенные по тому же образцу в Степанькове Меленковского уезда и селе Губцеве Меленковского уезда и селе Пестяках Гороховецкого уезда и в погосте Преображенском Вязниковского уезда»²⁰. Строительство Ильинской церкви с колокольней на средства шуйского купца Петра Павловича Кокушкина проводилось в 1889-1892 гг. Освящение церкви было проведено игуменом Николо-Шартомского монастыря 28 марта 1892 г.²¹.

В 1902 г. также по проекту епархиального архитектора Н. Корицкого был спроектирован комплекс построек монастырского подворья. В состав построек кроме здания самой Ильинской церкви вошли двухэтажный жилой дом для духовенства, часовня и надворные постройки (погреб, баня, сарай). Комплекс был окружен каменной оградой с воротами²². С западной части церкви был сделан притвор с нарядно оформленным главным входом. В 1910-х гг. церковь была оштукатурена²³. Ильинская церковь была закрыта в 1924 г., колокольня и купола были уничтожены. Здание церкви возвращено верующим в 2009 г. и восстановлено в 2010-х гг.

Для Никольской церкви с. Взорнова архитектор Н. Корицкий в 1890 г. разработал проект на распространение приделов²⁴. Церковь закрыта в 1939 г. и полностью уничтожена в 1950-е гг.²⁵

В Успенском единоверческом приходе с. Дунилова Н. Корицкий в 1891 г. проектировал и осуществлял ремонт обоих храмов. В Успенской церкви проектировал распространение папертей с устройством входного крыльца с западного входа и стен между столбами первого яруса колокольни²⁶. В Покровской – замену ветхого деревянного потолка каменными сводами на рельсах²⁷. Архитектор указал, что постройка сводов будет производиться под его наблюдением.

На территории бывшей Владимирской губернии сохранилось значительное количество церковных построек, близких по внешним признакам и времени строительства к работам Н. Корицкого²⁸. Можно уверенно предположить, что со временем бу-

дет сформирован перечень построек архитектора, а искусствоведы и историки архитектуры будут уделять должное внимание его биографии и творческому наследию.

¹ Отец Н.Д. Корицкого – Дмитрий Андреевич Корицкий (1822 – 1886), выпускник строительного училища в Санкт-Петербурге. С 1844 г. служил архитектурским помощником в чертежной правления 4-го округа путей сообщения, с 1846 г. – архитектором во 2-м отделении того же округа. С 1858 по 1862 гг. служил владимирским губернским архитектором. С 1862 по 1866 служил московским губернским архитектором. С 1866 г. – московский губернский инженер (Барановский Г.В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров. 1842 – 1892.С.-Пб., 1893, с. 165).

² РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 797, Оп. 76. 1Ютд., 1 Стол. Д. 116а. Л. 1–14.

³ *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764-1914. Ч. 2: Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, [1914-1915]. – С. 344.

⁴ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область: [В 3 ч.]. Под ред. Е. Г. Щёболевой. – М.: Наука, 1998; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область : [Ч. 1]. Под ред. Вл. В. Седова. – М.: Наука, 2004.

⁵ *Тимофеева Т.П.* К истории здания государственного банка в г. Владимире // Старая столица: краеведческий альманах. Вып. 8. – Владимир: Транзит-ИКС, 2014. – С.27-36.

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 76. 1Ютд. 1Стол. Д. 116а. Л. 2.

⁷ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18359. Л. 210-211 об.

⁸ Там же. Л. 210.

⁹ ГАВО. Ф. 401. Оп. 1. Д. 18385. Л. 3-4.

¹⁰ *Ставровский Е.С.* Храмы города Шуи: краткая история и списки священнослужителей. – Шуя: Полиграфия Центр, 2004. – С. 14.

¹¹ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18052. Л. 225, 225 об.

¹² ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18376. Л. 1-5; ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18359. Л. 207-209 об. В нишах над главным входом общежития предполагалось разместить надпись «Духовное училище».

¹³ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18717. Л. 1, 3.

¹⁴ *Ставровский Е.С.* Указ. соч. С. 18.

¹⁵ РГИА. Ф.1293. Оп. 166. Д. 88. Л. 1.

¹⁶ *Ставровский Е.С.* Указ. соч. С. 16.

¹⁷ *Правдин Е.* Описание города Шуи и Шуйских церквей с приложением Сказания о чудесах от чудотворной иконы Шуйской-Смоленской иконы Божией Матери в русском переводе. – Шуя: И. Турушин, 1884. – С. 179 – 180.

¹⁸ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18206. Л. 241, 242, 242 об, 243.

¹⁹ По факту, скорее всего, речь шла о строительстве абсолютно нового здания, а не о «распространении» существующего. Размеры четверика Ильинской церкви превышают указанные Н. Корицким размеры более раннего здания примерно на 5 м в длину и на 7 м в ширину. Следовательно, от более раннего

здания церкви-часовни, возведенного в 1880 г. после перестройки 1890-х гг. могли сохраниться только фрагменты стен.

²⁰ Там же. С.243. Из перечисленных Н. Корицким колоколен (вероятно, он же сам и проектировал) до настоящего времени сохранились три. Они расположены на территории Владимирской области: с. Степаньково Меленковского района, с. Губцево Гусь-Хрустального района и с. Воиново Вязниковского района.

²¹ *Ставровская Е.В.* Тетрадь по геометрии, или «Разные известия» из истории Ильинской церкви г. Шуя // Провинциальный анекдот. Вып. 7. – Шуя: Поли-Центр, 2010. – С. 23-25.

²² ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 19859. Л. 1-3. (Дело по отношению Владимирской духовной консистории о рассмотрении проектов: 1. постройки при Ильинском в городе Шуе за рекой Тезой храма главного входа и жилого дома для священнослужителей). Сведения обнаружены и предоставлены ковровским архитектором и краеведом О.Л. Купряхиной.

²³ *Никонов В.Ф.* Каталог Собрания фотографий «Город Шуя» (рукоп.). Комментарий к снимку № 771. – Шуя: Муниципальное учреждение культуры «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта» городского округа Шуя, 1968.

²⁴ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18316. Л. 3-4. Сведения обнаружены и предоставлены С.С. Семягиным.

²⁵ *Ставровский Е.С.* Указ. соч. С. 21.

²⁶ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18359.Л. 299-300.

²⁷ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1, Д. 18359.Л. 171-173 об.

²⁸ К таким постройкам можно отнести Вознесенскую кладбищенскую церковь в Шуе и колокольню в с. Афанасьевском. Их сходство с постройками Н.Д. Корицкого подтверждает архитектор и краевед О.Л. Купряхина, занимающаяся изучением биографии и построек Н. Корицкого.

О. Н. МОХОНОВА
(г. Шуя)

БРАТЬЯ ЗВЕЗДИНЫ: ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ

Начало истории о родстве Поспеховых – Куроедовых с известной семьей Звездиных положила фраза из книги О.И. Захаровой «Иереи Шуйского уезда...»¹ о том, что сестра Николая Алексеевича Поспехова Татьяна Алексеевна была женой Николая Константиновича Звезда. Поспеховы довольно близкая родня Куроедовым: Н.А. Поспехов и С.П. Куроедов были женаты на родных сестрах Георгиевских и тесно общались.

Первое, что мне хотелось узнать – является ли Николай Константинович Звездин родственником известному шуйскому врачу Александру Константиновичу Звездину. И конечно,

узнать насколько это возможно о судьбе семьи Николая Константиновича и Татьяны Алексеевны Звездиных.

Биографы А.К. Звездина указывают, что он был сыном священника Шуйского уезда. Но это не так. В книге О.И. Захаровой «Иереи Шуйского уезда...» я не нашла ни одного священника с такой фамилией. Я обратилась к справочнику Н. Малицкого «Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии»², где собраны фамилии выпускников ВДС более чем за столетие. Оказалось, что всего шесть семинаристов ВДС носили фамилию Звездин: два Лукича – Николай и Константин и четыре Константиновича – Александр, Николай, Михаил и Василий. И все эти люди – члены одной семьи. Первые двое – представители старшего поколения, четверо остальных – младшего. Последние и есть братья Звездины, дети Константина Лукича Звездина, священника села Кожино Гороховецкого уезда. Именно это село является их малой родиной.

Александр Константинович Звездин (1859-1920) с 4 курса ВДС перешел в университет (Московский?) учиться на врача. Впрочем, биография его хорошо известна в городе, в котором он прожил всю жизнь, в Шуре Владимирской губернии. Начинал врачом Духовного училища и гимназии, а стал главным городским доктором, заведующим Киселевской городской больницей, действительным статским советником, зятем городского головы. Был награжден двумя Станиславами и Анной 3 ст. Вклад его в шуйское здравоохранение был такой, что, спустя более ста лет, о нем с благодарностью вспоминают земляки. Среди его потомков сын Николай Александрович Звездин (1897-1966) – известный шуйский врач и краевед, участник 1-ой мировой войны³.

Николай Константинович (1866- после 1915), с которого начались мои поиски, закончил ВДС (1890), но о нем чуть позже.

Михаил Константинович (1870-1937) стал священником, как отец. Закончил ВДС в 1898 г. Служил в храме Михайло-Архангельского погоста Гороховецкого уезда. Посмотрев на годы жизни батюшки, можно понять его судьбу. Отец Михаил в 60-летнем возрасте, прослужив тридцать с лишним лет в сельском храме вдаль от больших и малых городов, был объявлен «врагом народа» и для «исправления» сослан в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). Реабилитирован в 1993 г. по ходатайству внучатого племянника Обидина Д.А., внука сестры

Агрипины Константиновны⁴. Кстати, женой о. Михаила была сестра священника Введенского храма с. Введенье Николая Дмитриевича Казанского Мария Дмитриевна Звездина-Казанская. А женой Николая Дмитриевича была Глафира Васильевна Широкогорова⁵.

О четвертом сыне Константина Лукича Василии Константиновиче мало, что известно. О человеке, сведения о котором мне удалось разыскать в интернете, можно говорить как о предполагаемом сыне Константина Лукича. Дело в том, что это родство никак – документально или свидетельски – не подтверждено. Я основываюсь лишь на нескольких фактических совпадениях: 1) отчество, 2) возраст, 3) место жительства и 4) профессия. Василий Константинович Звездин (1875-76 – ?) делал попытку учиться в ВДС в 1898 г., но выбрал медицину, поступил в Юрьевский университет на медицинский факультет⁶, стал врачом. В начале XX в. эта профессия была далеко не самой простой и безопасной, впрочем, как и всегда. Понятно, что в жизни Василия Константиновича не могла не появиться военная страница. В качестве врача он был мобилизован в Первую мировую войну и служил не в госпиталях, а на фронте в окопах. Был ранен и отправлен на лечение в г. Владимир, на малую родину⁷. Ранение, скорее всего, было тяжелым, и продолжить службу он уже не смог. Так и остался во Владимире служить врачом в разных городских больницах⁸. Сведений о его дальнейшей жизни я не нашла.

И, наконец, Николай Константинович Звездин (1866 – после 1915).

После окончания семинарии в 1890 г. Николай священником не стал, т.к. еще был не женат. Стал работать учителем Захаровского народного училища. Училище это располагалось в д. Захаровка, что в нескольких верстах от с. Красное Шуйского уезда⁹. В Никольском храме с. Красное служил батюшка Алексей Поспехов, у которого в то время была на выданье дочь Татьяна. Молодые люди понравились друг другу, и в 1897 г. сыграли свадьбу.

В 1902 г. жизнь Николая Константиновича кардинально поменялась: он не только принял сан священника, но и уехал из своих родных мест в далекий Сибирский край – город Иркутск¹⁰. Здесь он был назначен священником церкви 5-го Иркутского

резервного полка, т.е. встал на очень сложный и ответственный путь военного священника.

Не сложно предположить, кто повлиял на выбор этого пути – его шурин Поспехов Николай Алексеевич, который уже некоторое время состоял священником 158-го пехотного Кутаисского полка.

Через два года началась русско-японская война. Оба Николая приняли в этой войне свое боевое крещение. И оба выдержали его с честью. Итогом для Николая Константиновича Звезда стали два ордена Св. Анны 3 ст. с мечами (31.08.1904) и 2 ст. с мечами (25.04.1905)¹¹ за то, что «совершал пастырские обязанности под выстрелами неприятеля, помогал раненым; на перевязочном пункте своими беседами поддерживал дух и веру отряда»¹². Также он получил самую высокую воинскую награду священника – Золотой наперсный крест на Георгиевской ленте (21.04.1905). Такие награды даются только в тех случаях, если батюшка был вместе с солдатами на огневом рубеже¹³.

К началу Первой мировой войны Иркутский полк был расформирован и вошел в состав 41-го Сибирского стрелкового полка в городе Ново-Николаевске (теперь Новосибирск). Здесь о. Николай служил в полковом храме в честь Св. Николая Чудотворца (располагался на современной ул. Тополёвой на углу с Воинской улицей, снесен в 1989 г.) до 1915 г. В этом году полк был отправлен на фронт. 1915 год был очень тяжелым для русской армии. Полк сражался героически. По свидетельству новосибирских краеведов¹⁴ в 1915 г. священник Николай Константинович Звездин получил звание протоиерея и был награжден орденом Св. князя Владимира 4 степени.

К сожалению, после 1915 года о Николае Константиновиче нет никаких сведений. Как в дальнейшем сложилась его судьба, узнать не удалось. После революции его имени нет в списках священников Новосибирской митрополии. Я искала его даже среди обновленцев, но и среди них не нашла.

Возможно, он либо погиб, либо эмигрировал.

Судьба семьи тоже неизвестна.

Но мне удалось найти в списках репрессированных в 1930-е гг. Владимира Николаевича Звездина 1901 г.р., проживавшего в Новосибирске, окончившего в 1918 г. Сибирский кадетский корпус. Он был осужден на три года по ст.58 п.2-11 и отправлен в Сиблаг. Местом рождения Владимира Николаевича (внима-

ние!) значится г. Шуя Владимирской губернии¹⁵. Я думаю, что с большой долей вероятности можно считать его сыном Николая Константиновича Звездина.

Вот таким оказался результат моих поисков еще одного дальнего родственника Николая Константиновича Звездина и его известных и неизвестных братьев.

¹ Иереи Шуйского уезда Владимирской губернии (19в.-1918г.): Ист.-генеал. справочник / Автор-составитель О.И. Захарова. – Иваново: Иван. гос.унив., 2009. – С.299.

² Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии: 1750-1900 / составитель Н. Малицкий. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1902. – С.110.

³ *Иващенко П.Н.* История шуйской медицины. – Иваново: Ивановский издательский дом, 2020. – С.226 – 227.

⁴ *Туманова Ю.А.* Михайло-Архангельский погост: История и современность // Сборник краев. работ по итогам Булыгинских литер.-краевед. чтений. – Гороховец: МУК «Межпоселенческая библиотека», 2011. – С.36.

⁵ Иереи Шуйского уезда...С.223.

⁶ Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии... С.110.

⁷ forum.vgd.ru Немного о Первой мировой войне 1915. – С. 36.

⁸ Lubovbezucl.ru Вторая городская советская больница в г. Владимир.

⁹ Вестник военного духовенства. – №3. – 1902. 1 февраля.

¹⁰ Там же.

¹¹ www.orthedu.ru Образование и православие. Памяти героев русско-японской войны.

¹² sobog.ru Новосибирская церковь Николая Чудотворца 41-го Сибирского стрелкового полка.

¹³ romnirod.ru Список военных священников РПЦ, награжденных золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

¹⁴ sobog.ru Новосибирская церковь Николая Чудотворца 41-го Сибирского стрелкового полка.

¹⁵ ru.openlist.wiki Звездин В.Н., 1901.

Иеромонах ТИХОН (ЗАХАРОВ) **(г. Шуя)**

СВЯТЫНИ НА ВЕСАХ. ОПИСЬ ИЗЪЯТЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИЗ ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА

2022-й год проходит под знаком 100-летия печально известной кампании по изъятию церковных ценностей из храмов и, конечно, событий в Шуе, которые коренным образом повлияли на ход всей этой кампании, дали ей стремительно развиваю-

щесся и необратимое направление. Следует заметить, что в разных регионах России со всем вниманием отнеслись к этой дате. В центральной прессе выходили статьи, было снято несколько документальных фильмов, в разных епархиях организовывались научные конференции, музейные экспозиции. Хотелось обратить внимание, что было сделано немало добросовестных архивных исследований о ходе и результатах кампании в разных регионах нашей страны, появилось направление для дальнейшей работы. Среди общих выводов в подобных исследованиях было неоднократно замечено, что XX век в нашей историографии пока еще изучен очень слабо, фрагментарно.

«Шуйское дело» освещено достаточно подробно, многие архивные источники опубликованы, хроника событий в Шуге 1922 г. задокументирована буквально по дням и даже часам. Тем не менее, в начале 2022 г. в Шуйском городском архиве был обнаружен ряд интересных, неопубликованных ранее документов, относящихся к периоду кампании по изъятию ценностей. В частности, стало известно, что в 1922 г. центральные области и районы РСФСР прикреплялись в качестве организаторов сбора помощи для определенной голодающей области. Так, Ивановская губерния собирала средства для Марийской автономной области. Есть также общая ведомость изъятых ценностей из храмов в Шуге от 10 октября 1922 г.¹ Но особенно интересен документ «Акт о приемке ценностей» от 25 марта / 8 мая 1922 г., в котором приводится подробная опись изъятых ценностей из шуйских храмов, в том числе, и из Воскресенского собора².

За скупыми строчками описи стоит, по сути, огромный пласт событий и судеб. Можно сказать, что опись содержит описание того, ради чего люди и вышли на площадь 15 марта 1922 г. Именно в отношении к храмовому имуществу и именно тех предметов, использование которых было канонически ограничено только богослужением, и случилось знаменитое ныне противостояние в Шуге, а затем, – и во многих российских храмах.

Документ содержит 4 страницы убористого машинописного текста форматом немногим более стандартного А4. К сожалению, сохранность документа можно охарактеризовать почти неудовлетворительной: машинописный текст выцвел, и его прочтение потребовало достаточно продолжительного времени.

Документ соединяет два Акта о приемке ценностей. Первый составлен 25 марта 1922 г. и фиксирует принятие Государ-

ственным Хранилищем Ценностей (Гохраном) от Шуйской Уездной комиссии по учету и изъятию церковных ценностей в пользу голодающим. Этот Акт содержит 1 место из 15 пунктов, где описаны наиболее ценные предметы изъятых утвари с бриллиантами и другими ценными камнями. Второй Акт был составлен 8 мая 1922 г. Иваново-Вознесенской Губернской комиссией по изъятию церковных ценностей от членов Шуйской Уездной Подкомиссии. Этот Акт намного более пространственный, в нем всего 10 мест, каждое из которых, в свою очередь, выделено отдельным актом.

Такое деление описи наводит на мысль, что первый акт был составлен вскоре после «учебно-показательного» изъятия ценностей из Воскресенского собора, которое провел 21 марта приехавший в Шую начальник Московского гарнизона Н.И. Муралов. Во втором акте были описаны оставшиеся ценности собора и других шуйских храмов, учет которых проходил в рабочем режиме в течение полутора месяцев после первого изъятия.

К сожалению, акты составлены исключительно в форме ювелирной оценки, и никакого художественного описания предметов не содержат, в них приводится только вес предметов из драгметаллов и украшений. Иконы в описях не значатся.

Безусловно, центрального внимания заслуживает описание «ризы Смоленской Божьей Матери, унизированной из жемчуга», которая представлена в первом акте от 25 марта. Сначала в описи представлены чисто ювелирные изделия, в основном, броши с бриллиантами (всего 10), и можно предположить, что среди них были навесные приклады к окладу чтимой иконы. Описание ризы Шуйской-Смоленской иконы Божией Матери значится в акте пунктом 11 и отличается длинным перечнем украшений. Отмечается, что в окладе имеются три большие звезды из зеленых камней и бриллиантов, две маленькие звездочки в серебре и две звездочки в форме лепестков с бриллиантами и розами с десятью кастиками³. Далее описаны 5 кармезинников⁴ с подробным перечислением содержащихся в них драгоценных камней, например: «с одним кармезинником с синим камнем, осыпанным алмазами, с одним кармезинником с зеленым камнем, осыпанным греческими бриллиантами с двумя подвесками от серег с Бурмитскими зернами и розами» и т.д. Затем в описи – два каста с алмазами и две массивные броши с бриллиантами и розами.

В заключении первого акта говорится:

«В ризе Смоленской Божьей Матери чистого серебра оказалось 1 пуд 2 фунта 65 зол.⁵ [ок. 15,5 кг] Общий вес принято[го] жемчуга приблизительно четыреста золотников. Во всех бриллиантовых украшениях вес бриллиантов приблизительно 48,75 карата⁶ [ок. 10,38 г]. Алмазов и греческих бриллиантов оказалось приблизительно 8 каратов. Золота 10 золотников. Семь ценных камней. Одна пара подвесок. 15 [?] бурмитских зерен и два зерна отдельно. Цветных камней малоценных на сумму триста рублей по оценке 1914 года».

Подробное описание оклада чтимой Шуйской иконы встречаем в книге П.И. Гундобина 1860 г.⁷ Определенный интерес имеет сравнение этого описания с указанным актом. Как известно, у Шуйского образа было две ризы, обе были украшены жемчугом и драгоценными камнями. Первая, оцениваемая в 40 тыс. руб., была украшена «усердием разных доброхотных дателей», другая, оцененная в 2150 руб., была «сделана усердием купца В.М. Киселева»⁸. Очевидно, что приведенный пункт 11 первого акта описывает дорогую, «праздничную» ризу Шуйской иконы.

В описании Гундобина подробно перечисляются все драгоценные камни на «праздничной» ризе Богоматери: «На ней [иконе] риза жемчужная, украшенная разными дорогими камнями. Жемчугу крупного и мелкого в ризе 5 фунт. 36 зол. Камней бриллиантовых (кроме мелких осыпных) 794 камня. Весу в них 90 карат. Изумрудов крупных и средней величины 21, алмазов 75, яхонтов разного цвета 204, финисов и аметистов до 1000 камней. – Кроме этого к ризе приделано бриллиантовое ожерелье и две большие бриллиантовые звезды»⁹.

Достоверно сравнить украшения в этих двух описаниях не представляется возможным. В общем виде у Гундобина приведен количественный перечень камней, а в акте изъятия – их ювелирное исполнение. Единственно, можно отметить, что в первом описании насчитано бриллиантов в окладе на 90 карат, а в акте изъятия – почти вдвое меньше.

Другую, «повседневную» («киселевскую»), ризу Шуйской иконы Богоматери однозначно идентифицировать по описи трудно. В описании остальные ризы не связаны с иконами (за исключением одной, св. Николая) и представлены, по сути, как лом серебра. По всей вероятности, вторая, риза находится в пе-

речне последнего, 10-го акта (места). Она описана следующим образом: «1 жемчужная риза с тремя бриллиантовыми звездами в серебряной оправе с изумрудом посредине каждой звезды: 19 разсыпных коронок-кастиков с рубинами посредине, осыпанных розочками: 144 коронки с малоценными камнями, из которых 11 – плавленый рубин (2 камня и 1 коронка в углу ризы снизу отсутствуют). Всего 4 ф. 23 зол.» Другой строкой описан серебряно-позлащенный венец к этой ризе: «С кружком под короною в котором 2 ряда алмазов: лучи из уральского камня под цвет аметистов; цветы между лучами из настоящего жемчуга, буквы с бирюзой из страз. Всего 5 ф. 45 зол.» То есть всего «будничный» оклад Шуйской иконы с венцом весил около 4 кг.

Общий список в описи изъятых алтарных и храмовых предметов не может не удивлять. Несомненно, имущество храмов собиралось, прикладывалось многими поколениями благодетелей и прихожан.

Поражает, например, общее количество евхаристической утвари. Всего было посчитано 74 серебряных чаш (потиров) разного исполнения – 2 п. 23 ф. 07 зол. (42,2 кг); 68 серебряных дисков – 37 ф. 81 зол. (15,5 кг); 65 звездич серебряных – 17 ф. 12 зол. (7 кг); 54 лжиц серебряных 5 ф. 61 зол. (2,3 кг).

Следует также отметить 96 напрестольных крестов (акты № 3,4), общим весом 2 п. 26 ф. 04 зол. (43,3 кг); 47 кадил (акт № 1) – 1 п. 11 ф. 16 з. (20,9 кг); 44 дарохранильницы¹⁰ (акты № 3,4,5,6) – 7 п. 32 ф. 36 зол. (127,9 кг), причем две последние из них выделены в отдельные акты. Наиболее массивная дарохранильница (акт № 6) весила 68,3 кг и, видимо, представляла собой настоящее произведение искусства, она описана так: «1 дарохранильница серебряно-позлащенная с сетью и литыми фигурами 2 апостолов и Христа в облаках».

Ризы (или оклады) икон встречаются в разных актах, их общее количество более сотни. Только в акте № 9 посчитано 97 риз, которые разделены на большие и средние. По видимости, все иконы в шуйских храмах были лишены своих окладов.

Отдельно описаны детали обшивки с престола, которые, можно предположить, сдирали с главного престола в соборе. В исследовании Н.А. Кривовой это описано так: «Слесаря с молотками, зубилами и прочими инструментами принялись расковыривать и срубать серебро с престола»¹¹. Результат этой работы представлен в описи двумя строками: «Обшивка престола, со-

стоящая из 273 частей (акт № 1) – 2 п. 32 ф. 48 з. (46,1 кг); обшивка серебряная с престола из 134 частей (акт № 4) – 4 п. 30 ф. 95 зол. (78,2 кг)».

Весь список изъятых предметов утвари из разных актов можно вывести в сводную таблицу (отдельно выделен главный оклад Шуйской иконы):

№	Оклад Шуйской иконы Богородицы 1	Вес (ювелир.)	Вес
	(серебро)	1 пд. 2 ф. 65 зол.	17,5 кг
	(жемчуг)	400 зол.	1,7 кг
	(бриллиантов)	57 карат	12 г
	(золото)	10 зол.	42,7 г

№	Предметы изъятной утвари	Вес (ювелир.)	Вес (кг)
1	Священные сосуды и утварь престола	11 пд. 40 ф. 0 зол	196,6
2	Обшивка престола (серебр. и проч.)	7 пд. 23 ф. 47 зол.	124,3
3	Алтарные предметы не евхаристические	4 пд. 31 ф. 35 зол.	78,4
4	Утварь храмовая (кадила, лампы, блюда)	2 пд. 39 ф. 37 зол.	49
5	Ризы	55 пд. 24 ф. 18 зол.	910,9
6	Оклады Евангелий и напестольных крестов	4 пд. 42 ф. 33 зол.	82,9
7	Ювелирные украшения	3 пд. 35 ф. 67 зол.	63,8
8	Лом серебра	7 пд. 22 ф. 23 зол.	123,8
9	Золотые украшения, лом золота	1 ф. 42 зол.	0,59
	Всего	98 п. 58 ф. 95 зол.	1629,4

Приведенные в описи ценности выделены по категориям с той целью, чтобы обозначить отдельно те из них, которые можно считать неприкосновенными святынями. Это священные сосуды и утварь престола (потир, диски, ложки, звезды, дарохранительницы), а также обшивка престола (как уже освя-

ценный предмет). В общей сложности они составляют примерно 320 кг серебра.

Другая утварь, не относящаяся к алтарному обиходу (либо какая-то ее часть), – это кадила, ризы, оклады Евангелий и крестов, отдельные ювелирные украшения были посчитаны в сумме около 1308 кг. Всего серебряных изделий в описи было посчитано 1630 кг. Золотых украшений и лома золота – около 600 г.

В качестве вывода относительно приведенных цифр, можно отметить, что священные сосуды, обшивка престола, а также оклады чтимой иконы составляли 20% от общего веса серебряных изделий. Драгоценные камни здесь не учитываются, поскольку их количество в описи не указано. Возможно, при разумной политике советских властей значительная часть храмового имущества, хотя и не без большой сердечной боли верующих людей, могла бы стать предметом добровольных пожертвований для голодающих, без провоцирования противостояния с властями и кровопролития.

Также можно привести другой упоминаемый выше документ, в котором публикуется отчет о суммарном сборе изъятого имущества Шуйской Уездной комиссией помощи голодающим на 10 октября 1922 г.

№	Изъято из шуйских церквей	Вес (ювелир.)	Вес
1	Серебра в изделиях и ломе	104 пд. 31 ф. 29 зол	1716,5 кг
2	Бриллиантов	2 зол. 57 дол.	11 г
3	Золота с бриллиантами в изделиях	37 зол. 55 дол.	160 г
4	Чистого золота в изделиях и ломе	1 ф. 17 зол. 32 дол.	483 г
5	Жемчуга в изделиях	6 ф. 83 зол. 48 дол.	2,8 кг

Как видим, ко времени окончания кампании по изъятию церковных ценностей к общему количеству серебряных, золотых изделий и драгоценных камней из храмов Шуи было добавлено немного. Основная часть храмового имущества была изъята в период с середины марта по начало мая 1922 г.

¹ Архив городского округа Шуя (АГОШ). Ф. 147. Оп. 1. Д. 3. Л. 86-91.

²АГОШ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 12. Л. 103-104 об. (Сводка документов финансового отдела).

³ Каст – оправка камня; общая деталь всех ювелирных изделий с камнями. Существует два типа кастов, различающихся принципом держания камня, – глухие и крапановые.

⁴ Кармезиновая оправка служит для создания композиций, в которых один крупный камень окружается более мелкими. В России подобные закрепки называли «малинкой».

⁵ 1 пуд = 40 фунтов = 3840 золотников 16,3814 кг; 1 фунт = 96 золотников = 409,536 г; 1 золотник = 4,266 г.

⁶ 1 карат = 0,213 г. В данном случае – всего бриллиантов на 10,38 г.

⁷ *Гундобин П.И.* Описание Шуйского Воскресенского собора кон. XIX века. г. Шуя. – Владимир: [б. и.] 1860 г. Описание оклада, приведенное у свящ. Евлампия Правдина (1884), практически полностью заимствовано у Гундобина.

⁸ *Гундобин П.И.* Указ. соч. С. 35.

⁹ Там же.

¹⁰ Дарохранильница – ковчег, где хранятся запасные Св. Дары. Обычно стоит на престоле.

¹¹ *Кривова Н.А.* Власть и церковь в 1922-1925 гг.: политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М.: АИРО-XX, 1997. – С. 78. Следует заметить, что даже алтарникам (помощникам в алтаре) не в священном сане запрещается прикасаться к святому престолу и жертвеннику.

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

ШУЙСКО-СМОЛЕНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ В КОВРОВСКОМ ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКОМ СОБОРЕ

Главным престольным праздником Коврова с давних времен является Рождество Христово. По сохранившимся преданиям Рождественская церковь появилась в поселении на месте Коврова в XII в. В письменных источниках церковь впервые упоминается в Деловой с отводом братьев Ковровых 1532/33 г., в которой они находившийся в совместном владении остров на реке Клязьме со странным названием Ажеврен отдали «рождественному попу и диакону». Как утверждают исследователи церковной истории, наличие диакона в штате церковного причта свидетельствует о богатстве прихода¹. Писцовая книга села Коврово 1628/29 г. позволяет судить о внешнем виде ковровской церкви – «древян верх», что означает ее шатровую конструкцию². В описи вотчин Спасо-Евфимиева монастыря, сделанной в 1701 г. в селе Коврово уже значится «церковь Божия во имя Рождества господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа каменная» с северным левым приделом в честь чудотворца Макария Калязинского. В этой описи впервые встречается полное описание интерьера храма, из которого мы узнаем, что к 1701 г. интересующая нас икона в храме уже была.

«Подле левого клироса образ Пресвятыя Богородицы Смоленской осмии листовой на ней венец с цатою и с коруною медной резной золоче убрбус у Пресвятой Богородицы и ожерелье низано жемчугом и шито золотом с камешки простыми и звесками по червчатому атласу у превечного младенца венец с цатою серебряной резной позолочен ожерельце низано жемчугом и шито золотом по червчатому атласу в прикладе у Пресвятой Богородицы крест вырезан на кости обложен оловом серги лапочки серебряные с жемчугами и камешки простыми разных видов да серги двочатки серебряные с камешки простыми в прикладе денег шесть алтын оплечье и поля обложены серебром позолочен а тот образ в киоте на киоте писан образ Всемилюстивого Спаса с пророки красками гладкие около Пресвятыя Бого-

родицы и пророков киот и столпцы и поля резные позолочены на киоте коруна резная позолочена на коруне крест резной позолочен у того же образа Пресвятые Богородицы вместо пелены тончица писана красками завеса тафта шахматная цветная»³.

Нами установлено, что каменной ковровская Христорожественская церковь стала в промежутке между 1657-1696 годами⁴. Как видим, это практически совпадает со временем появления самой иконы в Шуе, история которой хорошо известна и опубликована. Историю обретения этой святыни описывает литературный памятник XVII в. – «Сказание о иконе Богоматери Шуйской» (или «Сказание о чудесах бывших от Шуйско-Смоленской иконы Божией Матери») ⁵.

Вокруг появления данной иконы в ковровском храме существует предание, озвученное впервые ковровским священником, краеведом А.Г. Радугиным в 1886 г.

«Эта икона по преданию найдена чудесно сохранившеюся и нимало невреждимою на пепелище деревянной дотла сгоревшей церкви села Новоселок, Нестеровки тож, бывшего в 7-и верстах от Коврова и теперь не существующего. Икона Смоленской Божьей Матери в настоящее время находится в Христорожественском соборе г. Коврова в серебряно-позлащенной ризе с жемчужным убрусом венцом из разноцветных камней на главе Богоматери. Пред нею соборным причтом с давних времен совершается торжественное молебное-акафистное пение по дням Воскресным и 28 июля день празднования Смоленской Божьей Матери для ковровитян всегда составляет большой праздник с однодневной ярмаркой»⁶.

Отметим, что предание не лишено документальной основы. Существование села Нестерово достоверно, упоминание о нем встречается в документах XV-XVI вв. Верно и то, что сельская деревянная церковь во имя св. Георгия Победоносца сгорела дотла, по некоторым данным это произошло в середине XVII в. Документально установлено, что в XVIII столетии село именовалось уже селцом Новоселки. Основа *ново* свидетельствует в данном случае об образовании нового поселения, выделившегося из старого сгоревшего. Население Новоселок в 1787 г. насчитывало 50 душ мужского пола. Можно усомниться в чудодейственной силе иконы, но спасенная из сгоревшей церкви села Нестерово икона действительно могла быть передана в ковровскую Христорожественскую церковь. И пожар в церкви села

Нестерово по времени совпал с распространением здесь на территории, близкой к селу Коврово культа иконы Смоленской Божьей Матери.

Длительное время считалось, что придел в честь этой иконы в ковровской церкви появился в конце XVIII в⁷. Нам удалось установить точное время появления южного придела при Христорождественской церкви, к тому времени уже города Коврова.

В Церковно-историческом и статистическом описании Владимирской епархии 1853 г. иеромонаха Иоасафа (Гапонова), хранящемся в Архиве древних актов в Москве, есть такая запись: «Малая копия иконы Божией Матери Шуйской, в просторечии именуемая *Ковровской*, почиталась в соборной Христорождественской церкви Коврова в специально устроенном ради этой святыни приделе. Освящение придельного престола в честь названной иконы произошло в 1805 году»⁸.

Данная запись позволяет нам не только узнать точный год появления придела в честь Смоленской Божией Матери, но и уточнить извод этой иконы – Шуйский.

Многие списки шуйской святыни также прославились чудотворениями и со временем стали местночтимыми иконами. Среди них есть Павловский, Ковровский, Нижегородский и другие образцы иконы Божией Матери Шуйской. География почитания чудотворной иконы из Шуи показывает, что за три с половиной столетия этот образ Божией Матери стал любимой народной иконой Нижнего Поочья и Верхнего Поволжья. Престолы в честь иконы Божией Матери Шуйской в разное время были устроены в трёх крупных поволжских городах: Ярославле, Нижнем Новгороде и Костроме, а общее число престолов в честь Шуйской святыни к началу XX в. было не менее девяти. Чтимые списки богородичных икон шуйского извода можно было увидеть в соборных и приходских церквях Петрограда, Москвы, Козельска, Коврова, Кинешмы, Иваново-Вознесенска, Палеха; а также в храмах ряда монастырей: Вязниковского Благовещенского, Ростовского Спасо-Яковлевского, Свято-Никола-Шартомского близ Шуи, Троице-Николаевской Борковской пустыни близ Холуя, Александровой Чудовой пустыни близ Рыбны и Югской Дорофеевой пустыни.

Такова история появления придела в честь Смоленской Божьей Матери в Коврове, а сама первая икона, по некоторым

данным, которые предстоит уточнить, находится на хранении во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике⁹.

Со времени открытия придела день памяти иконы Смоленской Божией Матери – 28 июля/10 августа – стал вторым по значению после Рождества Христова престольным праздником города Коврова, в честь которого также стала устраиваться летняя однодневная Смоленская ярмарка. Например, в «Подробном описании городу Коврову, учиненному ковровским городничим Сыровацким» 1 сентября 1809 года про нее сказано так: «В городе бывают ярмарки: 1) Рождественская с 23 по 29 декабря, на которой из товаров наиболее продаются ситцы, набойки и пестряди; 2) Смоленская с 27 по 29 июля, на оной продаются наиболее съестные припасы»¹⁰.

Таким образом, с 1805 г. Христорождественский храм в Коврове стал трехпрестольным: главный – в честь Рождества Христова, северный – Макария Калязинского и южный – Смоленско-Шуйской Божией Матери.

В заключении добавим еще один эпизод из истории этой иконы, связанный с именем святителя епископа Афанасия Ковровского (Сергея Сахарова), который, как известно, учился в Шуйском духовном училище. Сохранилось и опубликовано его богатое эпистолярное наследие, в том числе письма в Ковров. В одном из них от 20 марта 1946 г. из Сибирских лагерей он пишет следующее: «Рад, что тропарь и кондак в честь ковровской святыни (имеется в виду икона Шуйско-Смоленской Божией Матери из ковровского Христорождественского собора) понравился вам, только насколько беспристрастен этот ваш отзыв?.. Покажите ковровцам, если и там понравятся, тогда можно будет показать Вл[адыке] Онисиму. Может быть, он благословит их употреблять в нашем соборе. Есть ли у Вас теперь знакомые в Шуе? Ведь наша Ковровская икона – уменьшенная копия Шуйско-Смоленской, и мне было бы очень отраднo, если бы эти тропарь и кондак полюбились и в Шуе»¹¹.

¹ *Монякова О.А.* От деревни Елифановки до уездного города Коврова. – Шуя: ПолиЦентр, 2022. – С. 71-72.

² Там же. С. 72.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 237. Оп. 1. Д. 6570. Л. 334-335.

⁴ *Монякова О.А.* От деревни Елифановки до уездного города Коврова. – С. 75.

⁵ Сказание о чудесах, бывших от Шуйской-Смоленской иконы Божией Матери / рус. пер. Правдина Евлампия, иерея. – Шуя: Изд. И. И. Турушина, 1883.

⁶ Владимирские губернские ведомости (ВГВ). – 1886. – № 42.

⁷ *Фролов Н.В.* История старого собора. – Ковров: БЭСТ-В, 1998. – С. 8.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 834. Оп. 2. Д. 1787. Л. 349об.-350об.

⁹ Материалы по истории почитания Шуйской иконы Божией Матери. Часть IV. Особенности иконологии извода // <http://zolpust.ru/?p=8426>. Дата обращения: 23.06.2024.

¹⁰ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 974. Л. 94об.

¹¹ Собрание писем святителя Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского, исповедника и писемописца. – М.: Правило веры, 2001.

https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Saharov/sobranie-pisem-episkopa-afanasija/

В. Г. ГАВРИЛОВ, Н. А. ГОЛДОБИНА
(г. Москва)

**ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВОТЧИНЫ ВЛАДЕНИЯ ЕГО СИЯТЕЛЬНОСТИ
ГРАФА АЛЕКСАНДРА РОМАНОВИЧА ВОРОНЦОВА**

Доклад выстроен на материалах Российского государственного архива древних актов. В докладе использованы материалы фонда «Воронцовы», а также «Планы дач генерального и специального межевания», Экономические примечания к планам дач генерального межевания и губернские, уездные планы генерального межевания. Речь пойдёт об усадьбах, принадлежащих Александру Романовичу Воронцову и расположенных во Владимирской губернии.

В Родословии графов Воронцовых указано: «Хотя сия фамилия не прежде как в 1744 и 1760 годах Графским достоинством пожалована, однако она столь древняго дворянства, что мало кто фамилий равных явить себя могут. Родоначальником ея в России был Семен Африканович, прибывший из Германии в Киев 1027 году с 3000 человеками к Великому князю Ярославу Владимировичу принял Христианскую веру...»¹. С XV и до конца XVII в. Воронцовы служили воеводами, стряпчими, стольниками, окольничими и боярами. Какой бы период правления русских царей мы ни изучали, обязательно в истории присутствуют представители этого рода.

Золотым веком в истории рода Воронцовых по праву можно считать XVIII столетие. Сыновья тайного советника, сенатора Иллариона (Лариона) Гавриловича Воронцова Михаил, Роман и Иван Илларионовичи в 30-х гг. XVIII столетия поддерживали цесаревну Елизавету Петровну, затем приняли самое активное участие в дворцовом перевороте 25 ноября 1741 г.

В первой половине XVIII столетия братья были возведены в графское достоинство Римской Империи, а указом 1797 г. род Воронцовых был внесен в число графских родов России.

С 1736 г. Роман Илларионович (Ларионович) был женат на дочери купца, а в дальнейшем костромского дворянина Ивана Михайловича Сурмина – Марфе Ивановне Сурминой. В браке было рождено пятеро детей: Мария, Елизавета, Александр, Екатерина и Семён. Однако Марфа Ивановна скончалась в возрасте 26 лет в 1745 г. К вотчинам, принадлежащим Воронцовым издавна, были присоединены вотчины, ей принадлежащие и расположенные на территории Владимирской губернии.

В бывшем Замосковном крае Воронцовы имели вотчины ещё в начале XVII столетия. Старейшим из таких сёл было село Капцево, расположившееся недалеко от Ростова. Здесь у своего деда Иллариона (Лариона) Гавриловича своё детство провёл Семён Романович Воронцов. В материалах РГАДА указано: «Капцево Богородское тож. Село Графа Воронцова. По ревизии душ мужского пола 526. Всего земли – 10016 десятин»².

В сентябре 1774 г. Роман Илларионович (Ларионович) Воронцов просит императрицу Екатерину II о разделе вотчин между сыновьями: «...оба мои сына граф Александр и граф Семен Романовичи в таких уже летах и в такой службе Вашего Величества чинах состоят, что необходимо должно они иметь свое собственное и без зависимости домостроительство... имею я намерение учинить их от себя отделенными...»³. После утверждения раздела Императрицей села и деревни, расположенные на территории Владимирской губернии, отошли к Александру Романовичу Воронцову.

Граф Александр Романович Воронцов родился в сентябре 1741 г. в Санкт-Петербурге. Воспитание и образование он получил «преизряднейшие», «государеву службу» начал 15-ти лет в лейб-гвардии Измайловском полку. Значительная часть его карьеры как государственного деятеля прошла за рубежом. При Екатерине Великой он был президентом Коммерц-коллегии, се-

натором, однако не был принят в Петербурге и стоял в отдалении от двора. Размолвки с Императрицей и неудачи в политической карьере заставляют его искать применение своим силам в частной жизни.

Его главным детищем становится владимирская усадьба «Андреевское». Усадьба, которая досталась его отцу Роману Илларионовичу (Ларионовичу) после смерти супруги, усилиями Александра Романовича достигла наивысшего расцвета.

Усадьба Андреевское располагается во Владимирской губернии в Покровском уезде на живописных берегах реки Пекши. В «Экономических примечаниях» указано: «Село Андреевское с деревнями лежит реки Пекши на левой стороне, а речки Нергили на правой стороне...»⁴. В материалах РГАДА указано что, «Село Андреевское есть из володимерских вотчин главным местом по пребыванию Его Сиятельства в нем...»⁵.

Это одна из лучших провинциальных дворянских усадеб России. По состоянию на начало 90-х гг. XVIII столетия здесь у Воронцовых «10 952 десятины земли. 18 деревень, в которых проживает 2197 душ обоего пола»⁶. По состоянию на октябрь 1801 года «в оных по пятой ревизии душ мужского полу 2545, женского полу 2649, в год собирается оброку 11779 рублей...»⁷.

Наиболее интенсивный период обустройства Андреевского падает на последнюю четверть XVIII в. Был построен роскошный 3-х этажный каменный дом. Руководство всеми архитектурно-строительными работами с 1760-х и вплоть до 1790-х гг. осуществлялось владимирским губернским архитектором Николаем Петровичем фон Берком. Внутренняя отделка дома, проводившаяся при непосредственном участии Александра Романовича, практически не прекращалась в течение двух десятилетий. В плане это был трехэтажный каменный дворец, который соединялся с двухэтажными флигелями, и замыкалось это пространство въездными воротами. В парадных помещениях с паркетными полами были сделаны дубовые панели, «Стены ряда комнат обили тканями – «володимерской пестрядью». Для украшения великолепных изразцовых печей из Гжели привезли свыше 3 тысяч плиток. В главном здании усадьбы насчитывалось около 80 комнат. В доме, как указано в материалах РГАДА, было 200 печей. Особой гордостью была, как и во многих домах Воронцовых, библиотека «в коей около двадцати тысяч книг»⁸, а также портретная и картинная галерея. По состоянию на 1806 г.,

как указано в материалах РГАДА, «...в Андреевском имеется знатный каменный дом, построенный замком о трех этажах с флигелями, а около дому с людскими покоями, сараями, погребами, конными и скотными дворами каменными с регулярными и плодовитыми садами, ранжереями, теплицами изобилующими большим количеством ранжерейных и воздушными деревьями, а особливо редких, крупных и вкусных ананасов...»⁹.

В 1809 г. в соответствии с «Книгой о вещах, имеющихся в домах Андреевском и Неугодовском, принадлежащих Воронцовым различных: образов Божьих – 22; картин разных видов – 56; портретов живописных – 387; бронзовых изображений – 23; столов различных – 111...»¹⁰. В винных погребах хранилось: «...вино: Бочашных: Ренвейну бочонок – 1; Венгерского бочонок – 1; Бутылошных – 2405. Водки разной: Штофов, бутылок и полуштофов – 180...»¹¹.

Из разных мест сюда привозилось ежегодно: «...кофею из Царьграда 7.5 фунтов (*более 3 кг. – прим. автора*), чаю зеленого 16 фунтов (*более 7 кг. – прим. автора*), чаю черного 32 фунта (*14,5 кг. – прим. автора*), чаю китайского 12 фунтов (*более 12 кг. – прим. автора*), табаку нюхательного французского 2 бочонка, нюхательного шпанского 3 бочонка, курительного табаку 61 фунт (*более 27 кг. курительного табака – прим. автора*)»¹².

Престижным, хотя и очень дорогостоящим делом, среди провинциального дворянства являлось устройство садов и парков. Воронцовы тратили огромные средства на необходимые, редкие или модные растения, которые привозились в имение из различных мест.

В Москве они заказывали розовые кусты, во Владимирской губернии – смородину, малину, клубнику, из Португалии им доставляли апельсиновые черенки «...из андреевских ранжерей и садов продано нынешним летом (*1806 г. – прим. автора*) фруктов и ягод: ананасов на 485 руб.; персиков и абрикосов, слив и фиг на 57 руб.; ягод на 50 руб. Всего на 602 рубля...»¹³.

В теплицах всю зиму выращивалась зелень. Причем, начиная с 90-х гг. XVIII столетия, в Андреевском строят не деревянные, а каменные теплицы. Ежегодно «на наем вольных сорока человек садовых работников для взрытия гряд и для содержания чистоты в садах производилось на каждое лето платы около тысячи рублей, а в минувшем 1805 году 1252 рубля 25 копеек...»¹⁴.

В России практически все владельцы усадеб занимались строительством и устройством храмов. В Андреевском были устроены два храма. Один компактный двухсветный храм Андрея Первозванного, выстроенный в духе плоскостного петербургского барокко с редким для владимирской губернии пятиглавием, являлся творением Николая Петровича фон Берка и был домовою церковью Воронцовых. «Церковь с колокольнею каменная во имя апостола Андрея Первозванного с пределом святых мучеников Бориса и Глеба сооруженная иждивением покойного государя графа Романа Ларионовича в 1772 году...»¹⁵.

Но главное место занимала строившаяся в Матренине монументальная Воскресенская церковь – главный храм этой Воронцовской вотчины. «...церковь старинная деревянная с двумя пределами Воздвижения чесного Креста Господня и Чудотворца Николая...сооруженная в 719 году...при ней новая каменная колокольня построенная иждивением Его Сиятельства графа Александра Романовича в 798 году»¹⁶.

Композиционно оба храма – домовый Андреевский и вотчинный Воскресенский – были тесно увязаны между собой «преспективной дорогой» в виде прямой просеки, прорубленной среди леса.

В Покровской округе в период с 1776 г. по 1800 г. А.Р. Воронцовым было приобретено: 1 село, 5 селец и 8 деревень, в которых на 1801 г. проживало 1507 душ обоого пола¹⁷.

Кроме того, на 1801 год в Суздальской, Вязниковской, Гороховской и Владимирской округах ему принадлежат 2 сельца и 4 деревни, в которых по 5-й ревизии числится 308 душ обоого пола¹⁸.

В Шуйском уезде Александру Романовичу Воронцову на период 1801 г. принадлежали 2 села, 2 сельца и 13 деревень, где «...число в селениях дворов 312...в оных по 5-й ревизии душ мужеска полу 918, женска 990. Оброку 5020 рублей 10 копеек»¹⁹.

Центральное место занимало здесь наследственное село Афонасово, которое располагалось «...при пруде и по обе стороны большой нерехтской дороги...на правой стороне речки Уводи...»²⁰. На 1801 г. в селе 28 дворов, в которых проживало 89 душ мужского пола и 103 души женского пола. Оброк собирался из расчета 5 рублей с души мужского пола. Итого 445 рублей в год²¹. Графу А.Р. Воронцову здесь принадлежит 1504 десятины земли. В селе располагался «дом господской деревянный...»²².

«При селе имеется церковь деревянная Воскресения Христова с двумя пределами Казанская Пресвятая Богородицы и Чудотворца Николая, построенная в 1685 году...»²³.

В Шуйской округе граф Воронцов в конце XVIII столетия приобретает несколько сёл и деревень, большинство из которых располагалось вдоль большой нерехтской дороги. У княгини Хованской в 1786 г. было приобретено сельцо и 2 деревни, в которых 82 двора и проживало 500 душ обоего пола. Оброк взимался из расчета 5 рублей с души мужского пола и составлял 1220 рублей в год.

Кроме того, в 1785 и 1796 гг. село Авдотьино и 7 деревень граф Александр Романович Воронцов выкупил у своего сводного брата А.Р. Ронцова. В селе Авдотьино проживало 118 душ мужского пола и 119 душ женского пола. В деревнях проживало 573 души обоего пола. Оброк здесь собирался из расчета не 5, а 6 рублей 10 копеек с души мужского пола в год. В селе Авдотьино сумма оброка составляла 719 рублей 80 копеек, а в деревнях – 1665 рублей 30 копеек²⁴.

В селе Авдотьино располагалась «церковь каменная Пресвятая и Живоначальная Троицы, построенная иждивением графа Романа Ларионовича в 1766 году...»²⁵. (В «Экономических примечаниях» указано, что по состоянию на 70-е гг. XVIII в. церковь деревянная – прим. автора). Всего здесь за Воронцовым около 300 десятин земли.

После кончины графа Александра Романовича Воронцова по завещанию село Авдотьино перешло его племяннику Михаилу Семёновичу Воронцову. В духовном завещании графа А.Р. Воронцова сказано: «...из деревень моих во володимерской губернии отдаю я ему же племяннику моему во владение село Авдотьино купленное мною от Александра Романовича, в коем всего около пяти сот душ и дающее доходу около трех тысяч...»²⁶.

Кроме того, в Шуйской округе имелись вотчины общего владения Александра и Семёна Романовичей Воронцовых. Это село Кочнево и деревни Княжево и Стрелково. В этих населенных пунктах всего 26 дворов, в которых проживало 170 душ обоего пола, а оброка собиралось 430 рублей в год.

Местные шуйские крестьяне, как указано в материалах РГАДА, «...ткут на вольных ивановских и писцовских фабриках простое полотно и пестряди. А иные упражняются в оном ре-

месле семействами, то по большей части имеются станы у себя дома в нарочно построенных светлицах и прилежные вырабатывают довольно денег...»²⁷.

Кроме того, авдотьинские крестьяне «...добывают хорошую горшечную глину, делают из нее горшки, корчаги и плошки и продают сей товар на торгах в ближайших селениях...»²⁸. Но основным занятием всех владимирских крестьян было хлебопашество. Из сельскохозяйственных культур здесь выращивали рожь, овес, гречу, лен.

Скончался граф Александр Романович Воронцов в возрасте 64 лет 3 декабря 1805 года в Андреевском «в одиннадцать часов поутру», и был похоронен здесь же в Андреевском.

Законных наследников граф Александр Романович Воронцов не имел и во владение усадьбами, согласно завещанию, вступил его брат – граф Семён Романович Воронцов.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1261, Оп. 1, Ед.хр. 31. Л.16.

² РГАДА. Ф.1354, Оп.610, Ч.1. Л.40об.

³ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.63. Л.1.

⁴ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.95. Л.1-1об.

⁵ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.6.

⁶ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.6.

⁷ РГАДА. Ф.1354, Оп.1, Д.66. Л.55об

⁸ РГАДА. Ф.1261, Оп.1, Ед.хр.23. Д.11.

⁹ РГАДА. Ф.1261, Оп.1, Ед.хр.23. Д.11.

¹⁰ РГАДА. Ф.1261, Оп.7, Ед.хр.1533. Л. 2-42об.

¹¹ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.569. Л.13об.

¹² РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.178. Л. 6-6об.

¹³ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.178. Л.10.

¹⁴ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.178. Л.11об.

¹⁵ РГАДА. Ф.1261, Оп.2. Ед.хр.985. Л.6.

¹⁶ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.6.

¹⁷ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.7об-11об.

¹⁸ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.18об-20об.

¹⁹ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.17об.

²⁰ РГАДА. Ф.1355, Оп.1, Ед.хр.74. Л.92.

²¹ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.12об.

²² РГАДА. Ф.1355, Оп.1, Ед.хр.74. Л.92.

²³ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.13.

²⁴ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.13об,14об,15 об.

²⁵ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.15.

²⁶ РГАДА. Ф.1261, Оп.1, Ед.хр.23. Л.11.

²⁷ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.13.

²⁸ РГАДА. Ф.1261, Оп.2, Ед.хр.985. Л.16.

С. В. КАСАТКИНА
(г. Заволжск)

СЕМЬЯ БРЕДИХИНЫХ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

Жизнь и деятельность известного ученого-астронома Ф.А. Бредихина связана с усадьбой Погост Кинешемского уезда Костромской губернии. Рядом с Богоявленским храмом (современный город Заволжск) находится семейная усыпальница Бредихиных, в Заволжском музее создана экспозиция, посвященная ученому и его семье. В последнее время появился ряд интересных публикаций, которые связаны с историей семьи Бредихиных¹. Считаю необходимым познакомить научное и краеведческое сообщество с новыми данными, касающимися родословной Бредихиных.

В 1995 г. в журнале «Мир музея» была опубликована статья Варвары Александровны Ракиной «В сердцах чувствительных людей. Восемь фамильных портретов из коллекции Тверьюниверсалбанка»². Большое собрание портретов Тверьюниверсалбанка, сформированное в 1990-е гг. при участии арт-дилера и искусствоведа Г.А. Путникова, включало в себя более 50 произведений. Банк прекратил существование в 1996 г. и остался известен благодаря художественному собранию. Выставки и публикация в 1995 г. альбома-каталога «Русский портрет XVIII-XX веков из собрания Тверьюниверсалбанка»³ стали закономерным итогом формирования коллекции, и сейчас по каталогу можно с точностью определить принадлежность той или иной работы к бывшему собранию.

Статья В.А. Ракиной была посвящена восьми фамильным портретам, имевшим общее происхождение – из семьи Н.Ф. Строкова, наследника родовой коллекции. В результате изысканий стало ясно, что из 8 портретов 5 принадлежат членам семьи Пазухиных. Один портрет, более поздний по времени создания, был овальный погрудный портрет девочки А.И. Бредихиной, с подписью художника и датой: «Иванов А. Портрет Антонины Ивановны Бредихиной. 1875. Холст (дублирован), масло. 48,4x39,7 (овал)».

В 2006 г. (через 11 лет) в журнале «Мономах» была опубликована статья заведующей литературным музеем «Дом Язы-

ковых» Ларисы Юрьевны Ершовой. Она впервые дала характеристику деятелей Пазухиных, изображенных на портретах⁴.

В октябре 2022 г. исследователь Е.В. Соловцова опубликовала в электронном журнале «Новосибирский государственный художественный музей» статью «Родословный клубок дворян Пазухиных»⁵. Она провела исследование, установила имена персонажей на фамильных портретах, родственные связи Пазухиных между собой и с Антониной Ивановной Бредихиной, определила адреса проживания героев в Москве.

Что же получилось в результате? Какие портреты сегодня можно увидеть? Кто на них изображен? И какое отношение портреты имеют к семье Бредихиных? Постараемся суммировать все данные и ответить на эти вопросы.

Портреты Сергея Петровича и Надежды Борисовны Пазухиных. По сообщению Е.В. Соловцовой, С.П. Пазухин в молодости служил в лейб-гвардии Преображенском полку. 1 января 1784 г. он был уволен в отставку из сержантов гвардии прапорщиком и поселился в Симбирской губернии. Точная дата венчания его с Надеждой Борисовной Бестужевой (1766-1848), дочерью Бориса Макаровича Бестужева, неизвестна; их помолвка состоялась в 1785 г.⁶ По мнению Е.В. Соловцовой, портреты можно датировать 1814-1816 гг., когда персонажам было около пятидесяти лет.

Пазухины были очень состоятельными симбирскими дворянами, владельцами поместий в селах Бортсурманы и Свинухе Курмышского уезда. Сергей Петрович Пазухин (1865-1828) был единственным наследником по мужской линии Петра Петровича и стал владельцем большей части пазухинских имений. Господский дом помещиков С.П. и Н.Б. Пазухиных с их портретами находился в центре села Бортсурманы (на межевых планах называемом Николаевское, Босурманы тож) рядом с церковью во имя Успения Пресвятой Богородицы.

У Сергея Петровича и Надежды Борисовны Пазухиных была дочь Варвара Сергеевна, которая вышла замуж за лекаря Федора Даниловича Шнейдера и переехала жить в Москву. Неатрибутированные портреты Шнейдеров исследовали в Ульяновске, где разгадывали загадку сотрудники музея «Дом Языковых», а в Москве – главный хранитель коллекции Г.А. Путников. В результате изысканий, а каждый шел своим путем, все исследователи пришли к одному выводу: на портретах изобра-

жена супружеская чета Шнейдеров⁷. Последнюю точку в изысканиях помог поставить портрет Варвары Сергеевны Шнейдер, хранящийся в Государственном музее А.С. Пушкина в Москве. На московском портрете и портрете из коллекции изображено одно и то же лицо.

Варвара Сергеевна родилась 17 октября 1806 г., умерла в 1842 г., похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве. Один из ее потомков, Владимир Сергеевич Головин, сообщал: «Она была человеком очень общительным и добрым, отзывчивым и большой работницей по всяким рукоделиям, вышитые бисером вещи (...) в большинстве ее работы. Память о себе в нашей семье она оставила самую прекрасную. (...) Вар. Сер. в детстве была проездом со своей матерью у святого Серафима в Сарове. Тот предсказал девочке всю ее судьбу, что полностью исполнилось потом. Тоже сделал и священник села Бортсурманы о. Алексей»⁸.

Федор Данилович Шнейдер (1806-1886) – лютеранин, учился в Московском университете, который окончил в звании лекаря. В 1828-1829 гг. принимал участие в русско-турецкой войне⁹, в 1867 г. – коллежский советник. Кавалер орденов св. Владимира 4 степени и св. Станислава 2 и 3 степеней, имел знак отличия за 40 лет беспорочной службы, серебряную медаль Турецкой компании 1828-1829 гг., бронзовую на Владимирской ленте в память войны 1853-1856 гг.¹⁰ Осенью 1830 г. Федора Даниловича послали в Симбирск для помощи в борьбе с холерой, где он пробыл шесть месяцев. Вероятно, именно в Симбирске Шнейдер познакомился с Варварой Сергеевной Пазухиной. Предположительно, в начале 1831 г. они поженились. Молодые поселились в Москве, где Шнейдер служил штаб-лекарем в полиции, а затем врачом при московской дирекции училищ¹¹.

По мнению Е.В. Соловцовой, портреты Федора Даниловича и Варвары Сергеевны Шнейдер, скорее всего, были заказаны в 1831 г. к их свадьбе; тогда молодоженам было по 25 лет. В первом браке у Федора Даниловича (с Варварой Сергеевной) было шестеро детей, все они приняли православное вероисповедание матери. Старшая дочь Шнейдеров Надежда была замужем за Иваном Александровичем Бредихиным, братом известного астронома Ф.А. Бредихина.

Надежда Федоровна Шнейдер родилась 31 августа 1832 г., крещена 3 сентября¹², умерла в 1891 г.¹³ Иван Александрович

Бредихин (1833-1871) происходил из потомственных дворян. В 1852-1857 гг. учился в Московском университете. Окончив университет и получив звание лекаря, был отправлен в командировку за границу для занятий хирургией. В Париже в особенности изучал мочеполовые болезни. Вернувшись в Москву, защитил диссертацию: «О возрождении кости из надкостницы вообще и в частности после резекции» (1862), получил степень доктора медицины. Утвержден доцентом теоретической хирургии при Московском университете. Командирован за границу (1864) на два года для усовершенствования в теоретической хирургии. По возвращении (1866) определен профессором теоретической хирургии и заведующим госпитальной хирургической клиникой Московского университета. Умер 5 декабря 1871 г.¹⁴

Чета Бредихиных имела дочь Антонину. Эта девочка, Антонина Бредихина, 1866 г. рождения, в девятилетнем возрасте изображена на портрете № 25 альбома-каталога Тверьуниверсалбанка.

После смерти мужа в 1871 году Надежда Федоровна осталась одна с двумя маленькими детьми. В 1887 г. она унаследовала дом отца в Малом Трубном переулке. После нее наследницей стала ее дочь Антонина Ивановна, а к собранию портретов прибавился ее собственный портрет.

Антонина Ивановна Бредихина вышла замуж за врача-офтальмолога Сергея Селивановича Головина (1866-1931). Он – действительный статский советник. В Одессе основал первую в Новороссийском университете глазную клинику и стал ее директором. В 1911 г. он переехал в Москву, где был избран на должность главного врача Московской глазной больницы и ординарным профессором Московского университета по кафедре офтальмологии¹⁵. Он – автор многих разработок по лечению глаукомы, новаторских операций на орбите глаза, учитель академика В.П. Филатова. Его называли легендой российской офтальмологии.

В семье А.И. и С.С. Головиных было пять детей (Антонина, Владимир, Сергей, Александр, Наталья)¹⁶. Поскольку служба С.С. Головина и учеба детей были связаны с Одессой, то большую часть времени они проживали в Одессе или в усадьбе Солониха Одесского уезда. С 1898 г. Антонина Ивановна Головина стала владелицей дома № 146/157 в Малом Трубном переулке в Москве.

Трое сыновей Головиных эмигрировали после революции. Антонина Сергеевна Головина (1891-1967) стала врачом. С начала войны 1914 г. работала в Московской глазной больнице. Во время гражданской войны была начальником главного отделения Варшавского Узяздовского госпиталя в Москве, членом военной комиссии для комсостава. Перед войной работала консультантом в медицинских учреждениях Москвы.

С началом Великой Отечественной войны трудилась в Ижевске, из которого выехала в Ташкент по вызову академика Филатова для работы в его Институте глазных болезней и тканевой терапии, а также в специальном госпитале. Там была ассистентом института, исполняла должность начальника лаборатории культуры тканей и начальником отделения госпиталя. Имела медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «XX лет Победы над Германией»¹⁷.

А.С. Головина с 1961 г. стала постоянной посетительницей музейных вечеров и выставок московского Пушкинского музея. Она скончалась в 1967 г., перед смертью завещала свое семейное собрание Пушкинскому музею. В 1968 г. в залах музея прошла выставка «Дар А.С. Головиной», ставшая первой среди выставок, посвященных музейным дарам и получившая широкий отклик в печати¹⁸.

Наталья Сергеевна (1902 – после 1966) Головина вышла замуж за врача-рентгенолога Федора Яковлевича Строкова. Она оказалась владелицей фамильных портретов Пазухиных, Шнейдеров. От ее сына Н.Ф. Строкова в 1990-е гг. портреты перешли в коллекцию Тверьуниверсалбанка, затем разошлись по разным собраниям¹⁹.

Сегодня нет уже старых домов в Малом Трубном переулке, даже его название было изменено на Серпов переулок. Но исчезнувшее прошлое сохранилось зафиксированным в портретах, в семейных преданиях, переходящих из поколения в поколение. Нынешние владельцы портретов из бывшей коллекции Тверьуниверсалбанка, возможно, не слишком интересовались происхождением своих картин и могут даже не знать, кто на них изображен. Генеалогические разведки позволили с полной уверенностью определить имена людей, послуживших моделями для пяти портретов из бывшего собрания Тверьуниверсалбанка, уточнить время их создания²⁰. Среди этих работ оказались портреты, связанные с родом Пазухиных-Шнейдеров-Бредихиных.

- ¹Ракина В.А. В сердцах чувствительных людей// Мир музея. – 1995. – №5; Ершова Л.Ю. Тайны семейных портретовт //Мономах. – 2006. – № 4. <https://monomax.sisadminov.net/main/view/article/468>; Соловцова Е.В. Родословный клубок дворян Пазухиных// Новосибирский государственный художественный музей. 17 октября 2022 г. <https://www.nsartmuseum.ru/journal/id/337>
- ²Ракина В.А. В сердцах чувствительных людей.
- ³Русский портрет XVIII-XIX веков из собранияТверьуниверсалбанка. Альбом-каталог. Вступительная статья Г. Андреевой. – М.: Авангард, 1995.
- ⁴Там же.
- ⁵Соловцова Е.В. Родословный клубок дворян Пазухиных.
- ⁶Там же.
- ⁷Ершова Л.Ю. Тайны семейных портретов.
- ⁸Письмо (копия) В. Головина члену Комиссии при Музее имени А.С. Пушкина. Е. Фроловой от 23 июня 1969 г. (вх. № 176 от 7 июля 1969). Копия хранится в Заволжском музее // ЗХКМ-1019/6.
- ⁹Ершова Л.Ю. Тайны семейных портретов.
- ¹⁰<https://www.geni.com/people/Фёдор-Данилович-Шнейдер/6000000045475032821?throu>
- ¹¹Ершова Л.Ю. Тайны семейных портретов.
- ¹²<https://www.geni.com/people/Надежда-Бредихина>
- ¹³Иконников Н. Российское дворянство. Музей А.С. Пушкина. Родословная Бредихиных. С. 343.
- ¹⁴Бредихин Иван Александрович https://ru.wikipedia.org/wiki/Бредихин,_Иван_Александрович
- ¹⁵Головин Сергей Селиванович https://ru.wikipedia.org/wiki/Головин,_Сергей_Селиванович
- ¹⁶Головина А.С. Анкета (копия) 1961 г. // Заволжский городской художественно-краеведческий музей. ЗХКМ-1019/4.
- ¹⁷Автобиография А.С. Головиной. 1967 г. // Заволжский городской художественно-краеведческий музей. ЗХКМ-1019/5.
- ¹⁸Дары и дарители С. 48; см. также Письмо (копия) В. Головина члену Комиссии при Музее имени А.С. Пушкина. Е. Фроловой от 23 июня 1969 г. (вх. № 176 от 7 июля 1969) // ЗХКМ-1019/6
- ¹⁹Соловцова Е.В. Родословный клубок дворян Пазухиных.
- ²⁰Там же.

Т. А. КРАСНИЦКАЯ
(г. Шуя)

**«ПРЕДСТАВИТЬ К НАГРАДЕ».
ПООЩРЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Труд учителя в дореволюционной церковной, прежде всего в начальной, школе¹ был сопряжен с немалыми трудностями, главным образом, отсутствием или недостаточным финансовым обеспечением и тяжелыми условиями работы и жизни. Вместе с тем, объем выполняемых работ был достаточно большим и не ограничивался только проведением уроков в школе. Педагоги начальных школ нередко выполняли обязанности сторожа, прислуги. В церковно-учительских школах они руководили практическими занятиями своих учеников в образцовой школе, являлись воспитателями, выполняя другие обязанности: выдача книг, медицинский надзор и помощь. Воскресный день учителя тоже не был выходным. Он должен был присутствовать вместе с детьми на богослужении в церкви, участвовать в различных мероприятиях и т.д. Кроме своих прямых обязанностей педагог выполнял общественные поручения: проводил народные чтения, управлял хором, заведовал библиотекой и т.д. Этот труд в большинстве случаев был безвозмездным. В годы Первой мировой войны учителя вместе с учениками активно участвовали в сборе пожертвований и подарков для беженцев, раненых и семей фронтовиков. Педагоги церковных школ Владимирской епархии в 1914-15 г. отчисляли от 1 до 3 % из своей зарплаты в различные учреждения, «введавшие призрением больных». Учительницы посещали военные лазареты и помогали в уходе за ранеными.

Несмотря на выше обозначенные сложности, в школах работали педагоги, которые на протяжении длительного времени добросовестно исполняли свои обязанности. Пожалуй, самый большой стаж – 55 лет (1843-1898 гг.) и возможно указанный последний год был не последним работы в учебном заведении, согласно архивным данным имела учительница *Дуниловской школы грамоты Ульяна Петровна Кадыкова*².

За продолжительную службу и «усердие» в выполнении своей работы церковно-школьное управление награждало педа-

гогов. Согласно «Правилам о церковно-приходских школах» 1884 г. право поощрения «наиболее ревностных священников и учителей» возлагалось на епархиального архиерея³.

В первое время это делалось хаотично, т.е. ходатайства от наблюдателей, уездного отделения в епархиальный училищный совет поступали в разное время, не по спискам. Впоследствии установился единообразный порядок с определением сроков подачи представлений. Так, в 1898 г. Владимирский епархиальный училищный совет представил на архипастырское благословение список лиц, заслуживающих награды, со строгим разделением на 4 категории: «служащие по церковно-школьном управлению», «заведующие и законоучителя», «учителя и учительницы», «попечители и благодетели». Во второй категории в общей сложности значилось 44 лица, в третьей – 30. Поощрение работающих в церковных школах выражалось в награждении Библией от Святейшего Синода, наперсным крестом, скуфьей, камилавкой, набедренником, орденами, а также в благословении с грамотой от Святейшего Синода, «благословении его Высокопреосвященства», получении благодарности от епархиального училищного совета. Шесть награжденных лиц из второй категории работали в школах Шуйского уезда: священник *Александр Соловьев* (с 1890 г. заведующий Сенниковской школой), священник *Авксентий Рождественский* (законоучитель Пищуговской школы грамоты), священник *Козьма Колтский* (с 1885 г. заведующий Овинновской церковно-приходской школой), священник *Митрофан Саваренский* (с 1896 г. законоучитель Афанасьевской церковно-приходской школы), священник *Антоний Орлов* (с 1893 г. законоучитель Тейковской школы), священник *Михаил Мартиров* (с 1886 г. заведующий Кузнецовской школой)⁴. Стоит отметить, что поощрение работающих в церковных школах имело строгое разграничение по критерию лицо духовное или светское.

Духовным лицам за заслуги, кроме перечисленных выше видов наград, жаловались ордена. Орден Св. Анны 3 степени мог получить тот, кто на протяжении 25 лет осуществлял образовательную деятельность в школе или тот, кто на протяжении 12 лет исполнял должность постоянного члена уездного отделения. Согласно Журналу Владимирского епархиального училищного совета за 1912 г. подобную награду имели 6 человек⁵. Вместе с тем, заведующие школами и законоучителя награждались и другими орденами: Св. Владимира, Св. Станислава.

За долгую службу в арсенале духовных лиц оказывалось множество наград. Вышеупомянутый заведующий Овинновской церковно-приходской школой свящ. *Козьма Колтский* за 12 лет службы израсходовал на школу 1720 руб. и «от благотворителей отыскал 5880 руб.». 9 октября 1880 г. он был награжден камиллавкой, 5 апреля 1887 г. – орденом Св. Анны 3 степени, 20 марта 1895 г. – орденом Св. Владимира 4 степени за «35-летнее оспопрививание»⁶.

Светские учителя, работающие в церковных школах, могли рассчитывать за свой добросовестный труд на награждение медалями, Библией от Св. Синода, благословение с грамотой от Св. Синода, архипастырское благословение, благодарность от епархиального училищного совета. Так, в 1898 г. по решению Владимирского епархиального училищного совета 4 учителя и 3 учительницы были представлены к серебряной медали на Александровской ленте с надписью «За усердие», остальные 23 к другим видам поощрения⁷.

Согласно действующим в конце XIX в. правилам награждения, учителя, выполнявшие не менее 10 лет «полезную деятельность», могли получить звание личного почетного гражданина. Впоследствии, согласно «Положению о церковных школах» 1902 г., на такое звание мог рассчитывать окончивший учительскую школу и проработавший в начальной школе на протяжении 12 лет. Во Владимирской епархии за «усердное и успешное прохождение деятельности» в течение 12 лет в 1899 г. к такому званию был представлен учитель Меленковской фабричной двухклассной церковно-приходской школы Иван Модин, до этого получивший разного рода поощрения: в 1893 г. – архипастырское благословение, в 1897 г. – «Библию» от Св. Синода. Дважды как передовой учитель он направлялся на педагогические курсы: в 1896 г. – в Нижний Новгород, в 1897 г. – в Москву⁸.

Светские и духовные лица, работающие в церковных школах, Определением Св. Синода от 7-30 ноября 1884 г. в качестве поощрения могли получать денежное вознаграждение⁹. Подобное поощрение «за усердные труды по школе» в 1902 г. после многочисленных наград (набедренник, скуфья, медаль «В память царствования императора Александра III») получил заведующий и законоучитель Ореховской церковно-приходской школы Костромской епархии свящ. Николай Юницкий¹⁰.

Важно отметить, что в 1909 г. в год празднования особой даты в жизни церковной школы – ее возрождения императором Александром III 13 июня 1884 г. – была учреждена специальная памятная медаль «В память 25-летия церковно-приходских школ» на Владимирской ленте. Ею были удостоены многие лица, трудившиеся на ниве народного просвещения, в том числе и в Шуйском уезде: *Ф.В. Казанский* (заведующий Ильинской школой), *В.Е. Несмеянов* (заведующий Бильдюхинской школой), *Д.В. Грамматин* (член Шуйского уездного отделения), *Д.В. Нарбеков* (заведующий Овинновской школой), *А.И. Руберовский* (заведующий Взорновской школой), *Ф.А. Надеждин* (заведующий Дуниловской школой при Успенской церкви), *Н.А. Введенский* (заведующий школой села Мельничное, наблюдатель).

Безусловно, награды, в соответствии со строго существующим порядком их соотнесения с положением лица, не решали материальные проблемы работающих в церковных школах учителей, но вместе с тем являлись важным моральным средством оценки их труда.

¹Примечание: имеются ввиду начальные (церковно-приходские, школы грамоты, воскресные) и учительские (второклассные и церковно-учительские) школы.

²Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 869. Оп. 1. Д. 18. Л. 37 об.

³Правила о церковно-приходских школах // Владимирские епархиальные ведомости. – 1884. – № 16. – С. 387.

⁴Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 450. Оп. 1 Д. 51. Л. 320–327.

⁵ГАВО.Ф.450.Оп.1. Д.120. Л. 188.

⁶ГАВО. Ф. 450. Оп. 1 Д. 51. Л. 320–327.

⁷Там же.

⁸ГАВО. Ф. 450. Оп.1. Д.51. Л. 322-323.

⁹*Лотоцкий В., Сендульский Г.* Настольная книга по церковно-школьному образованию. – Одесса: М. Шпенцер, 1903. – С. 498.

¹⁰Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 438. Оп.1. Д. 504. Л. 19-20.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОТДЫХА УЧАЩИХСЯ ЖЕНСКИХ
ГИМНАЗИЙ ВЛАДИМИРСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ
ГУБЕРНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Организация отдыха воспитанников образовательных учреждений на сегодняшний день является одной из значимых задач современного отечественного образования. Учреждениями основного и дополнительного образования сегодня разработан и активно внедряется в практику широкий перечень вариантов времяпрепровождения учащихся в каникулярное время. Система досуговых мероприятий и оздоровления детей является достаточно сформированной на государственном уровне, так как воспитательный процесс на современном этапе призван учитывать личностные особенности, общественные и психологические условия развития школьников.

Стоит отметить, что повышенная забота об организации отдыха и оздоровления учащихся является результатом длительного становления и развития воспитательной системы в России. Более 100 лет назад решение данного вопроса только начинало получать практическое воплощение. Это свидетельствовало о понимании прогрессивными отечественными педагогами и видными общественниками актуальности проблемы достижения целостности учебно-воспитательного процесса. Цель его – не только приобретение глубоких и качественных знаний по соответствующим дисциплинам, но также забота о всестороннем развитии личности воспитанников, их полноценном социальном, психическом, физическом становлении, а также об устранении негативных влияний школы¹.

Женские гимназии XIX столетия являли собой один из примеров учебных заведений, активно занимавшихся вопросами организации отдыха воспитанниц. Особенный интерес представляет период конца XIX – начала XX вв., когда происходило накопление значительного объема знаний относительно влияния учебного процесса на психофизическое здоровье детей, а также расширялись границы научного поиска оптимизации сложившейся ситуации. При этом повышенные нагрузки в период обучения, по мнению специалистов самых различных специальностей,

стей (педагогов, психологов и т.д.), приводили к угнетению здоровья ребенка, в силу чего выходом представлялось увеличение его физической активности. Это определялось тем, что отведение чрезмерного времени учащимися на выполнение домашних заданий лишало их простых детских радостей, в числе которых были прогулки на свежем воздухе, активные и развивающие игры, весьма полезные для здоровья².

Вопросы отдыха в учебных заведениях, в том числе в женских гимназиях, актуализировались ввиду понимания руководителями и педагогами необходимости оздоровления воспитанниц. Однако проблема состояла не только и не столько во вреде повышенных нагрузок для учащихся, сколько в плохом состоянии их здоровья в силу воздействия негативных экологических факторов, в особенности – в крупных промышленных центрах, к числу которых относилась Кострома, во Владимирской губернии – Иваново-Вознесенск. Стремительное индустриальное развитие указанных городов отрицательным образом сказывалось на формировании молодого организма, в силу чего нередкими среди гимназисток были такие заболевания, как чахотка (легочный туберкулез, причина которого заключалась, как считалось тогда, в избыточном попадании пыли в легкие, а также в частом пребывании на воздухе, пропитанном фабричным дымом), и малокровие, развивавшееся у детей вследствие недостаточного и несбалансированного питания. В сложившихся условиях почитательные советы гимназических учебных заведений, а также вспомогательные общества не могли игнорировать вопрос организации отдыха воспитанниц.

В целях организации времяпрепровождения детей в период каникул, позволяющего одновременно поправить здоровье и отдохнуть от учебы, на протяжении XIX столетия и вплоть до начала XX в. организационно оформлялись две основные формы работы с детьми за пределами города – «колония» и «лагерь». При этом о деятельности первой на примере Владимирской и Костромской губернии, как и в целом по России, имеется значительно больше свидетельств, позволяющих оценить результативность данных форм работы с воспитанниками в летнее время. Колония содействовала, в первую очередь, целям оздоровления учащихся, в то время как лагерь призван был сформировать у детей навыки самообслуживания, а также жизни в полевых условиях³.

Устройство колоний до революции в России было делом общественных организаций. Среди учреждений Костромы в их числе следует отметить такие, как попечительное об учащихсЯ общество⁴, «Помощь детям»⁵, отделение Союза для борьбы с детской смертностью в России⁶. На территории Иваново-Вознесенска решение вопросов отдыха и оздоровления гимназисток было сосредоточено в руках общества вспомоществования бедным ученицам, объединявшего крупных предпринимателей провинциального города. На заседании этой организации 8 марта 1912 г. по предложению члена его правления педагога И.И. Смирнова было положено начало устройству летней колонии для бедных и слабых здоровьем учениц⁷.

На первых порах действия данной организации планировалось ограничить набор 20-ю воспитанницами. Пребывание в колонии распределялось на две смены, каждая из которых длилась более месяца – 5 недель. Территориально колония располагалась в усадьбе М.С. Удина в деревне Клинцево, находившейся близ Иваново-Вознесенска. Она размещалась в деревянном доме с мезонином и просторной террасой, которые были защищены от городской пыли лесным массивом⁸. Деятельное участие в обеспечении пребывания воспитанниц в колонии принимали попечители Иваново-Вознесенской женской гимназии: в частности, М.А. Гарелина, внесла 150 р., которыми обеспечивалось содержание 5 гимназисток на протяжении всего лета⁹.

Отдых и оздоровление учениц производилось не только за счет удаленности от промышленного города, но также благодаря правильному распорядку дня и сбалансированному питанию. Так, утренний подъем в колонии был в 8 часов, после чего воспитанницам полагались первый и второй завтрак, а также обед, обязательного состоящий из мясного блюда, каши с маслом и молока. При этом дважды в неделю – в воскресенье и четверг, вместо каши воспитанницам давали жареное мясо. Ежедневно около 5 часов вечера они съедали 2 яйца и чай с хлебом, в 8 часов вечера колонисткам полагался ужин, состоящий из каши с маслом, иногда творога и молока с хлебом.

Несмотря на то, что ученицы жили в колонии, а не в лагере, организация отдыха на ее территории также производилась на началах самообслуживания. Для этой цели из числа воспитанниц по очереди выбирались дежурные для приготовления пищи, уборки столов и мытья посуды. В остальном жизнь гим-

назисток протекала свободно, на лоне природы они могли отдохнуть от душного города и учебных занятий. По воскресным дням колонистки могли видеться со своими родителями, которые приходили навестить их пешком и поблагодарить учредителей колонии¹⁰.

Стоит отметить, что родительская благодарность была оправданной. Согласно отчетам правления общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии, пребывание последних в летней колонии позволило многим из них существенно поправить здоровье. Как следствие, в 1913 г. и 1914 г. колония для гимназисток была организована вновь, однако с большим числом учениц в каждой очереди, достигшим уже 30 человек.

В Костромской губернии для учащихся женских гимназий также был организован отдых, целью которого являлось, в первую очередь, оздоровление воспитанниц. В частности, руководство костромской частной женской гимназии имени Ю.В. Смольяниновой 3 мая 1908 г. учредило общество детской климатической колонии в городе Ялте, действовавшее в летние месяцы¹¹.

Эта колония являлась аналогом детского лагеря и была предназначена «для слабых и болезненных детей обоюбого пола, в возрасте от 6 до 15 лет»¹². Действуя по принципу летней дачи для школьников, она выполняла функции санатория, позволявшего ученицам поправить здоровье. Расположившаяся на берегу Черного моря колония работала в период с 1-го мая по 1-е октября в окрестностях г. Ялты. Ученицы могли не только пребывать на полном содержании, но также получать врачебный и воспитательный уход «... в обстановке, приближающейся к семейной» за 45 р. в месяц¹³. Гимназисткам на отдыхе следовало усиленно питаться, принимать солнечные ванны, купания, заниматься врачебной гимнастикой, играть и прогуливаться на свежем воздухе.

Таким образом, в начале XX в. организация отдыха гимназисток была необходимой мерой поддержки слабых здоровьем учениц, иными словами, тесным образом связывалась с необходимостью их оздоровления. В немалой степени опыт, приобретенный женскими гимназическими учреждениями в этот период, содействовал дальнейшему развитию организации детского летнего отдыха в России.

- ¹ *Шмаковская С.Ю.* Формирование проблемы сохранения здоровья учащихся в отечественной педагогике конца XIX – первой половины XX вв. // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-problemy-sohraneniya-zdorovya-uchaschihsya-v-otechestvennoy-pedagogike-kontsa-xix-pervoy-poloviny-xx-vv> (дата обращения: 26.10.2022).
- ² *Альтиуль Т.* К вопросу о переутомлении школьного юношества с врачебной точки зрения // Русская школа. – 1896. – № 5-6. – С. 128-146.
- ³ *Листопадов Д.Ю., Листопадова Ю.Г.* Предшественники пионерских лагерей на территории Верхневолжья // Борисовский сборник. Вып. 5. – Иваново: Референт, 2014. – С. 263.
- ⁴ Отчет попечительного об учащихся общества, состоящего при костромском попечительном о бедных комитете ведомства императорского человеколюбивого общества за 1902 г. – Кострома, 1903.
- ⁵ Отчет костромского общества «Помощь детям» за 1905 г. – Кострома, 1906.
- ⁶ Отчет костромского отделения Союза для борьбы с детской смертностью в России за 1912 г. – Кострома, 1913.
- ⁷ Отчет правления общества вспомоществования беднейшим ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии за XXX-й год. – Иваново-Вознесенск. – С.17.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Балдин К.Е.* Начало начал: Очерки истории школы № 30 г. Иванова. Иваново: Талка, 2003. – С. 49.
- ¹¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 428. Оп. 1. Д. 40. Л. 18.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.

С. В. КАСАТКИНА
(г. Заволжск)

УСАДЬБА ОРЕХОВО И ПИСАТЕЛЬ А. А. ПОТЕХИН

Усадьба Орехово находилась около села Филисово Юрьевоцкого уезда Костромской губернии (современный Родниковский район Ивановской области). Примечательна усадьба, прежде всего, тем, что с ней связано имя известного писателя-драматурга, академика изящной словесности, управляющего драматическими труппами Александринского и Малого Императорских театров Алексея Антиповича Потехина (1829-1908).

В Российском Государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде краеведа И.И. Власова хранятся документы, связанные с семьей Потехиных и их родовым именем, которые позволяют по-новому рассмотреть вопросы жизни семьи Потехиных в Орехове и связь творчества писателя с костромской землей¹.

В первой половине XIX в. Орехово принадлежало дворянам Кондратьевым. Из этого рода происходила жена писателя Марья Петровна Кондратьева². Родители Марьи Петровны – Петр Петрович и Анна Федоровна Кондратьевы – в соседнем Кинешемском уезде владели также усадьбой Языкино (недалеко от Наволок), где и проживали.

Семья Алексея Антиповича и Марьи Петровны Потехиных была большая. Из десяти родившихся детей до совершенных лет дожили семеро. Как вспоминал сын писателя, Валерий Потехин: «Поднимать такое количество детей при тех условиях оплаты литературного труда, которые тогда существовали, было немислимо, имения, кроме маминого клочка около Филисова (43 десятины) у нас никакого не было (...). Чтобы содержать детей, отец должен был искать работу и, так как по своей специальности был экономистом, то время от времени принимал на себя общее руководство устройством окрестных имений»³.

Семья Потехиных с начала 1860-х гг. жила в Петербурге. Как сообщал В.А. Потехин, лишь «спустя длинный ряд лет, в течение которых никто из нашей семьи не заглядывал на родину, с 1874 года мы снова всей семьей стали приезжать и проводить летние месяцы в нашем небольшом хуторе Орехово. Тяжелый финансовый кризис, который мы переживали в то время, вынуждал мою мать в хозяйственных целях проводить большую часть года в деревне»⁴. Жена Алексея Антиповича занималась хозяйством в усадьбе, она хорошо знала окрестное население, всегда была в курсе «всех злободневных в крестьянской жизни вопросов и происшествий». Она подсказывала Алексею Антиповичу значительную часть тем и сюжетов для его произведений. По словам сына, «встречаясь с интересными, по ее мнению, местными людьми, она умела приручить их к нашему дому и тем давала возможность отцу близко изучить целый ряд персонажей, изображенных впоследствии им в своих сочинениях»⁵.

Марья Петровна Потехина скончалась в 1886 г.⁶ После смерти А.А. Потехина в 1908 г. хозяйством в усадьбе занимался

Валерий Алексеевич Потехин. Он жил в имении до 1914 г. По сообщению О.И. Захаровой, «в 1914-1915 годах Орехово было передано в аренду уроженцу Курляндской губернии Якову Христофоровичу Скуренок и после Октябрьской революции оставлено за ним для ведения трудового хозяйства»⁷.

Хозяйство в усадьбе Потехиных велось традиционно, по старинке, использовался труд окрестных крестьян, которые получали за работу половину урожая. Отсутствие денег, постоянная нужда приводили усадьбное хозяйство Потехиных в упадок.

В тоже время усадьба Потехиных являлась культурным центром округа. Особой гордостью писателя была школа в Орехове, построенная на средства почитателей таланта А.А. Потехина и носившая его имя. По воспоминаниям В.А. Миндовского, в классной комнате висел большой портрет Алексея Антиповича, выполненный в петербургском ателье Здобнова. На наружной стене здания красовалась довольно крупная вывеска «Школа имени А.А. Потехина»⁸.

В 1901 г. земством в эту школу был назначен учитель В.А. Миндовский. Свое первое знакомство с А.А. Потехиным В.А. Миндовский описывал так: «Первым во дворе усадьбы, около крыльца усадьбной постройки, я увидел высокого, слегка сутулившегося старого человека с длинными седыми волосами, с большой бородой, одетого в домашний серый халат, с синими на нем отворотами и толстым шелковым поясом. Человек этот кормил гусей. В нем я без труда узнал писателя Потехина. Я объяснил причину своего прихода и передал Потехину письмо уездной управы. Алексей Антипович пригласил меня в дом. Усевшись в большое глубокое кресло за длинным полукруглым столом, и усадив меня поблизости с собою, он внимательно поговорил со мной, а затем послал посмотреть вновь отстраиваемое, в полуверсте от усадьбы, школьное здание. По возвращении моем, он познакомил меня со своей дочерью Анжелиной Алексеевной и, накормив обедом, отпустил домой, давши полное согласие на мое назначение. С того времени и в продолжение десяти лет я был как бы постоянным домочадцем Ореховской усадьбы, свидетелем и участником различных ее переживаний»⁹.

В.А. Миндовский написал биографию А.А. Потехина. Сохранилось одно его письмо краеведу И.И. Власову, в котором он рассказывал о себе и семье Потехиных¹⁰. Он оставил описа-

ние усадьбы, которое относилось к этому времени. В.А. Миндовский сообщал: «Потехинская усадьба расположена на берегу небольшой речки Галочки, по соседству с двумя деревеньками – Большим и Малым Ореховым. Усадебные постройки не отличались особым устройством, были они деревянные, простой плотницкой работы. Сквозь редкие березки виднелся жилой дом. Вплотную к нему примыкала кухня с комнатой для прислуги, как называли по-старому «людская». Правее дома и кухни небольшой скотный двор. Далее находились сараи, амбар, небольшой флигель и еще в некотором отдалении – овины и ветряная мельница.

В жилом доме имелось пять просторных комнат с двумя прихожими. Стены и пол некрашенные. В комнатах все было просто. Украшали их только большие зеркала да красивые изразцовые печи с каминами. Имелась обширная терраса, выходящая в сад. Сад окружен белоствольными высокими березами, кедрами. Тут были и ореховые деревья, выращенные самим Алексеем Антиповичем. От усадьбы шла тропинка к речке Галочка, поблизости от которой был вырыт маленький колодчик с чудесной ключевой водой»¹¹.

В своих воспоминаниях сын А.А. Потехина, Валерий Алексеевич, упоминал, что в усадьбе находилась часовня. За ней ухаживала богомольная старуха, которая послужила прототипом героини романа «Около денег» – Степаниды¹².

Сохранились воспоминания В.А. Потехина о пребывании в усадьбе его бабки по матери Анны Федоровны Кондратьевой. Внук сообщал, что она «имела особое пристрастие ко всему духовному клиру, водила знакомства, переписывалась и состояла в дружеских отношениях не только с местным духовным начальством, но и со многими иерархами, заседавшими в Синоде, и даже пользовалась в этом кругу большим влиянием и авторитетом.

Естественно, благодаря этому к ней стремилось с разными своими нуждами и ходатайствами местное духовенство всех рангов. (...) Стоило иногда бабушке приехать гостить к нам, а это случалось довольно часто, и жила она у нас иногда подолгу, как паломничество духовенства направлялось и к нашему дому. Вот вся эта обстановка и давала пищу наблюдательной способности отца и, естественно, накопленный в этом отношении материал получал полное отражение в его произведениях»¹³.

Среди обитателей усадьбы В.А. Потехин отмечал «субъекта, фигурирующего в нескольких произведениях отца, охотника-рыболова и лошаdnика Владимира Моисеича или просто «Володю»¹⁴. Среди лета он иногда ездил с отцом в большие поездки: в имение теток или в усадьбу Щелыково к А.Н. Островскому.

Следует сказать, что, несмотря на то, что Володя был действительно идеальным кучером, особенно по ужасным местным дорогам, отец очень тяготился необходимостью брать его с собой, так как Володя напивался при первой возможности. Однако по мягкости своего характера и из уважения к годам старика отец не находил в себе мужества отказать ему в этой установившейся его прерогативе. Для характеристики надежности Володи как кучера приведу такой анекдотический случай: однажды отец ехал с ним из гостей от А.Н. Островского, где он провёл два или три дня. Все это время Володя был пьян с утра и до ночи. Выехали из усадьбы поздно вечером. Отец дорогой задремал. Случайно открыв глаза, он видит, что лошади стоят и на козлах никого нет. Он начал звать Владимира, и вдруг из-под ног лошадей поднимается фигура Володи. Отец спрашивает: «Володя, да что с тобой?». А тот отвечает: «Чему быть-то... Вздремнул да и сверзился. А ты вот скажи мне, барин, куда мы едем, от Островского или к Островскому?»

(...) Владимир Моисеич впервые был выведен в повести «Хворая» в лице бобыля Арсентия. Более точно и детально портрет его изображен в другой повести отца «Иван да Марья», где сохранено даже его настоящее имя. Упоминается о нем вскользь и в повести «На миру»¹⁵.

Много лет, обычно в конце мая Алексей Антипович приезжал в усадьбу вместе с дочерью Анжелиной, которая выполняла и обязанности его секретаря. Летом в усадьбе А.А. Потехин с дочерью ходили в березовую рощу за грибами. С гостями он совершал прогулки на богатую рыбой речку Возополь¹⁶. В часы, когда старого писателя не особенно донимали недуги, он любил пошутить, посмеяться, читал переводные романы, преимущественно английские. Удовольствием для него было кормление домашней птицы.

Не богата была Ореховская усадьба ни своими строениями, ни обстановкой, ни материальным достатком, но отличалась она радушием и хлебосольством своих обитателей. Многочис-

ленные друзья и знакомые нередко задерживались в гостеприимной усадьбе не на один день. Подолгу гостили родственники, они обычно приезжали, с детьми.¹⁷ По сообщению местных краеведов, здесь писателя навещали его московские и петербургские друзья – писатели и артисты – В.Ф. Грибунин, Н.Г. Александров, М.М. Климов¹⁸.

Последний раз писатель посетил свою усадьбу Орехово летом 1904 года¹⁹. Как вспоминал сын А.А. Потехина Валерий Алексеевич: «В преклонном возрасте, из-за болезней и общего упадка сил отец вынужден был по совету врачей ездить на наши южные или заграничные курорты. (...) Из своих путешествий за границу он вынес убеждение, что лучше, сердечнее и шире русских людей нет. Эта необходимость ежегодных поездок на юг или за пределы родины была для отца тяжелым бременем; его всегда неудержимо тянуло в наш скромный Ореховский уголок; простые неоштукатуренные стены старенького дома-ящика для него были неизмеримо милей лучших отелей заграничных курортов. Если его поражали и восхищали красота южного моря и гор, и внешняя культура западных стран, то впечатления от них быстро приедались. Он начинал тосковать о своем милом Орехове»²⁰. Как писал Валерий Алексеевич: «Отец страдал недугом необъяснимого тяготения к своей местности»²¹.

Усадьба Орехово была тем местом отдохновения, где писатель черпал сюжеты и образы для своих произведений. Здесь он отдавался творчеству и написал большинство своих произведений. Усадьба была культурным центром округа. Здесь была построена школа его имени, сюда приезжали многочисленные гости, среди которых были писатели и актеры. Орехово было самым любимым местом жизни для А.А. Потехина.

¹Власов Иван Иванович // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1884. Оп. 1.

²Аристова Н.Н. К истории рода Потехиных// Историко-культурный и природный потенциал кинешемского края. Развитие регионального туризма. Материалы III (27 сентября 2005 г.) и IV (18-19 апреля 2006 г.) региональных краеведческих конференций. – Кинешма: Кинешемская типография, 2006. – С.25.

³Письмо от 27.02.1938 // РГАЛИ. Ф. 1884. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 13.

⁴Воспоминания Потехина Валерия Алексеевича «Краевые мотивы в творчестве А.А. Потехина» // РГАЛИ. Ф. 1884. Оп. 1.Ед. хр. 108. Л. 2-3.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1884. Оп. 1.Ед. хр. 108. Л. 3.

⁶Письмо от 26.02.1938 // РГАЛИ. Ф. 1884. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 11.

⁷ Захарова О.И. К вопросу о документальном наследии Потехина // Историко-культурный и природный потенциал кинешемского края и развитие регионального туризма. Материалы региональной краеведческой конференции // Кинешма: Кинешемская типография, 2003. – С.81.

⁸ Горбунов С.В., Шутов Г.К. Узник «Святого монастыря». Краеведческие очерки. – Иваново: Областное книжное издательство Талка, 1994. – С.220.

⁹ Горбунов С.В., Шутов Г.К. Указ. соч. С. 211-212.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1884. Оп. 1. Ед. хр. 107; 234.

¹¹ Горбунов С.В., Шутов Г.К. Указ. соч. С. 218.

¹² Воспоминания Потехина Валерия Алексеевича «Краевые мотивы в творчестве А.А. Потехина» // РГАЛИ. Ф. 1884. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁵ Там же. Л. 12-14.

¹⁶ Горбунов С.В., Шутов Г.К. Указ соч. С. 220.

¹⁷ Там же. С.219.

¹⁸ Сафонов В. Вернуть из забвенья // Родниковский рабочий. – 1990. – 4 декабря.

¹⁹ Горбунов С.В., Шутов Г.К. Указ соч. С. 220.

²⁰ Воспоминания Потехина Валерия Алексеевича «Краевые мотивы в творчестве А.А. Потехина» // РГАЛИ. Ф. 1884. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 17.

²¹ Там же.

К. Е. БАЛДИН, А. М. СЕМЕНЕНКО
(г. Иваново)

КИНЕМАТОГРАФ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ. ФИЛЬМ-ХРОНИКА О ПРАЗДНИКЕ ИКОНЫ КАЗАНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В ИЮЛЕ 1913 г.

Лавры изобретения кинематографа принадлежат французам, братьям Люмьерам – Огюсту (1862-1954) и Луи (1864-1948). Первый киносеанс состоялся в Париже после Рождества 1895 года в Гран-кафе на бульваре Капуцинов. В Россию «движущаяся фотография» (cinematographe) пришла год спустя. Первый в России кинопоказ произошел в Петербурге 16 (4) мая 1896 г., в Москве – 7 июня (26 мая) того же года.

Термин «кинематограф», или, как говаривали в старину, синематограф, синема, от греческих слов kinema – «движение» и grapho – «пишу», имел несколько значений: 1. Первоначальное название аппарата для съёмки на киноплёнку движущихся объектов и для последующего воспроизведения получаемых снимков путём проецирования их на экран. 2. Устаревшее название

кинотеатра. 3. Само зрелище, основанное на использовании кинотехнической аппаратуры. 4. Кино как жанр искусств.

Благодаря изысканиям Почётного архивиста Ивановской области, члена Российского общества историков-архивистов, бывшего начальника отдела публикации и использования документов Государственного архива Ивановской области О.И. Захаровой (1951–2021) известна и дата появления синемаатографа в Иваново-Вознесенске. Афиша 1897 г. передвижного цирка братьев Никитиных гласила: *«Цирк Бр. Никитиных. ПРОГРАММА. В Среду 17-го Сентября. Отделение 1-е. Летящий человек под кумолом цирка... Отделение 3-е. Представление знаменитого физика К.О. Краузе с его художественными диорамическими туманными картинами фата-моргано. В заключение всемирная великая новость СИНЕМАТОГРАФЪ ЛЮМБЕРА – это великое изобретение XIX столетия живая движущаяся фотография. Начало 8 ½ часов вечера. Директоры А. и П. Никитины»*. И мелким шрифтом внизу фамилии ивановцев, проложивших путь в историю этому документу: *«Печатать разрешается 1897 г. Сентября 17 дня. Ив.-Возн. Полицмейстер Декаполитов. Типо-литография А.И. Дилигенского»*¹.

Поэтому, в первое время зрителям приходилось идти на цирковые представления, чтобы под занавес программы увидеть изобретение братьев Люмьеров. «Движущиеся картины» демонстрировали в 1899 г. в Летнем театре Демидова в местечке «Ямы» (там, где, по данным историка ивановского кино, доцента ИГЭУ А.М. Дёмина, был построен Дом специалистов). С 1902 г. в течение четырёх лет подряд на лето в Иваново-Вознесенск наведывался предприниматель Конрад Тихлер, устраивая в своём балагане кинопросмотры. Как вспоминал И.А. Волков, ещё один господин по фамилии Кноблех промышлял тем же самым способом в нашем городе².

1906-й год стал годом появления первых маленьких стационарных синемаатографов. Например, на современной улице Смирнова (тогда Часовенной) в здании, где после революции размещался Дом крестьянина, заработал синемаатограф «Родина». В 1908 г. кино разрешено показывать в домах обывателей. Через год в Иваново-Вознесенске насчитывалось 5 электротеатров (так тогда называли кинотеатры, а в народе ходило словечко «электрички» применительно к ним). Это были: «Образцовый» (в доме Кулакова его устроил Кузнецов после закрытия на ярма-

рочной площади зала, разрешенного 29 августа 1908 г.), «Буфф» содержателя городских бань Козлова (вмещал в себя 400 зрителей и располагался у моста на нынешней площади Пушкина), «Заря», «Первый» Благотворительного общества (открылся в 1906 г.) и «Мир» табачных торговцев Симанчука и Кефели (стоял на современной площади Ленина близ будущего Дворца Труда). Первым из них был открыт соответственно «Первый» в здании, которое сохранилось, – сейчас это улица Степанова, дом 7, он принадлежал И.Г. Генералову³.

Со временем кинотеатров в городе стало 8. Так, 1 января 1912 г. Г.Е. Варзин открыл стационарный электротئاتр «Аванс» (работал в здании теперь уже бывшего кинотеатра в 1956–1994 гг. «Мир» у Соковского моста), работавший ежедневно. Сеансы в нём начинались с 18.00 (по праздничным дням – с 12.00) и заканчивались в полночь. «Аванс» размещался в здании, специально выстроенным в 1910 г. предпринимателем Полтевым для показа фильмов. Вместе с входным билетом зрителю бесплатно вручали журнал «Иваново-Вознесенская жизнь» и программу электротئاتра. На каждом этаже (их всего было два) были залы, рассчитанные на 300 посетителей. Перед революцией 1917 г. «Аванс» переименовали в «Родину»⁴.

Затем появился электротئاتр «Яр». Он также был специально построен для демонстрации кинолент. Позже кинотеатру поменяли имя на «Арс», пока он не был снесён в 1971 г. в ходе реконструкции проспекта Энгельса (ныне – Шереметевский проспект). Располагался этот любимый ивановцами кинотеатр напротив 1-й стоматологической поликлиники.

Большая часть кинозаведений принадлежала частным лицам. Программу фильмов заранее утверждали в полицейском управлении, цены были от 25 до 40 копеек, на скамейках – 15 копеек, для учащихся – 10 копеек⁵.

Предприниматель Алексей Яковлевич Антропов открыл электротئاتр «Вечерний отдых» на улице Георгиевской (начало нынешнего проспекта Ленина) в 1910 г. Он же стал первым ивановским кинооператором, запечатлев на плёнку детский праздник 24 (12) июля 1915 года⁶.

После того, как в Иваново-Вознесенске в 1909 г. сгорел кинематограф «Образцовый», владимирский губернатор разослал циркуляр, который стал регламентировать работу нового аттракциона. Полицейское управление выделило кинематографы

в отдельное «дело», и в этой «летописи» стали фиксироваться их проверки, репертуар и пр., собираться деловые автографы кинопредпринимателей. Но пожары не обходили стороной электротеатры. Например, 23 (10) июня 1911 г. вспыхнула лента в «Буфф» (в просторечии – не «Буфф», а «Бух»). Посетители с воплями покидали зал...⁷

Среди предпринимателей на кинорынке со временем то и дело происходили перемены собственников. Так, Дмитриев купил «Мир» и переименовал его в «Модерн». Уже упоминавшийся А.Я. Антропов в 1913 г. купил «Яр». В том же году Козлов продал «Буфф» Варзину, переименовавшего его в «Гигант». Гавриила Ерастовича Варзина в начале первой мировой войны призвали в армию. Его преемник загубил дело – «Аванс» и «Гигант» закрылись. Вернувшийся из армии в 1916 г. Г.Е. Варзин открыл небольшой кинозал «Колибри» на углу современных Шереметевского проспекта и улицы Рыбинской⁸.

Себя иваново-вознесенцы увидели в первый раз на экране в июле 1913 г. в синематографе «Аванс». Это была хроника «Крестный ход в Иваново-Вознесенске» о праздновании дня иконы Казанской Божьей Матери в Иваново-Вознесенске 21 (8) июля 1913 г. (Ивановский листок. 1913, 19 июля). Этот фильм легко найти в Интернете. Длится он 2 минуты 54 секунды. На кадрах видно, как люди собираются на крестный ход в Иваново-Вознесенске по случаю празднования Казанской. Далее идут кадры городских улиц Иваново-Вознесенска, массы людей присоединяются к движущемуся по ним крестному ходу; хоругвеносцы возглавляют шествие; крестный ход движется через площадь; видны казаки верхом в оцеплении на Часовенной улице; люди ожидают прохождения крестного хода, стоя по краям улицы.

Показ фильма вызвал огромный ажиотаж, зрители занимали все наличные в зале места и стояли в проходах. С началом просмотра, с самых первых кадров, зал оживлялся, люди узнавали своих знакомых и друзей:

- Смотри, Петр Петрович идет!
- Вон, вон, налево, Иван Клементьич...
- Дмитрий Кузьмич... Вон порядки наводит!⁹

На кадрах мы видим исчезнувший Иваново-Вознесенск: уже не существующую Троицкую церковь на Покровском холме, до сих пор существующие дома на Георгиевской ул. (ныне –

часть пр. Ленина), хорошо запечатлены лица, одежда жителей и т.п. Это вызывает у зрителей-современников чувство определенной ностальгии.

Тем временем в уездных центрах будущей Ивановской области тоже появляются стационарные кинозалы. В Кинешме – «Модерн» (1903) Николая Николаевича Свистунова и его зятя Кудрявцева, затем, в 1909 году они открыли ещё один кинотеатр – «Иллюзион-Чары», а вскоре у Кудрявцева появился собственный салон – «Амур». В Шуе в 1906 г. открылся «Орион» на Костромской улице, а в Юрьевце – «Ампир» купца В.Н. Демидова¹⁰.

¹ Демин А. Здесь жизнь кипит, в луче мерца. История кино Ивановской области. – Иваново: ПресСто, 2017. – С. 9 – 10.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.420. Оп.1. Д.7. Л.11.

³ Там же. Ф.4. Оп.1. Д. 758. Л. 3,4,15,81,204,253.

⁴ Там же. Л. 6, 27, 93.

⁵ Ивановская копейка. – 1913. – 14 ноября; Ивановский листок. – 1915. – 26 июля.

⁶ Старый владимирец. – 1911. – 26 апреля.

⁷ ГАИО. Ф.2.Оп.1. Д.4511. Л. 1; Старый владимирец. – 1911. – 15 июня.

⁸ Тихомиров А.М. Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. – Иваново: Референт, 2022. – С. 50, 84 – 85, 97.

⁹ Ивановский листок 1913, 19 июля.

¹⁰ Демин А. Энциклопедия Ивановского кино. – Иваново: ИГЭУ, 2002. – С. 14, 41, 55, 58

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

ИВАНОВСКИЕ И ШУЙСКИЕ КОРНИ КОВРОВСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ

Географическое соседство и тесные исторические связи наших современных территорий позволили мне предложить эту тему. Правда, специфика конференции «Уездная старина», которая ограничивается определенным историческим периодом, несколько сузила подачу материала. Но никоим образом не умалила вклад современной иваново-шуйской земли в развитие ковровской оружейной школы тем, что несколько ее выдающихся представителей родились на ней.

Мы расскажем только о тех, кто родился до 1917 г., хотя выше отмечали, что есть известные ковровские оружейники, появившиеся на свет уже при советской власти.

Но все же одного из них должны назвать – это **Черногубов Михаил Иванович** (1928-2021), заслуженный изобретатель РСФСР, кавалер орденов Октябрьской революции и Дружбы народов, инженер-конструктор и затем начальник конструкторского отдела КБ «Арматура» – филиала НПЦ им. М.В. Хруничева (г. Ковров) до ухода на пенсию. На пенсии он стал своего рода биографом ковровской оружейной школы. Благодаря ему мы смогли выявить тех оружейников, которые родились на ивановской и шуйской земле и внесли значительный вклад в развитие оружейного дела. Сам М.И. Черногубов родился в г. Юрьевец современной Ивановской области в семье служащих. С 1936 по 1946 гг. он учился в средней школе № 2 г. Юрьевца, а с 1946 по 1952 гг. – в Ленинградском военно-механическом институте, по окончании которого был направлен на работу в Ковров. После окончания основной деятельности он занялся систематизацией и цифровизацией архива проектно-конструкторского бюро по разработке стрелкового автоматического оружия, созданного первым в стране в 1921 г. В.Г. Федоровым. Итогом работы стало издание «Энциклопедии ковровского оружия» в 2012 г.¹

Сегодня мы расскажем о трех уроженцах Ивановской области в ковровской оружейной школе.

Самой известной личностью среди них является **Вячеслав Васильевич Бахирев**, который родился 17 сентября 1916 г. в деревне Дудорово современного Савинского района Ивановской области в крестьянской семье.

Свою трудовую деятельность начал в 1932 г. фрезеровщиком на ковровском заводе № 2 им. К.О. Киркиж, ныне ОАО «Завод им. В.А. Дегтярева». После окончания школы ФЗУ в 1933-1934 гг. Вячеслав Васильевич учился в Московском железнодорожном техникуме, а с 1934 по 1936 гг. учился на дневном отделении Ковровского рабфака, после окончания которого, поступил в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Окончив в 1941 г. МГУ, В.В. Бахирев возвратился на ковровский завод № 2, где начал работу инженером-конструктором, затем стал ведущим конструктором, заместителем и главным конструктором завода. В 1952 г. В.В. Бахирева назначают начальником и главным конструктором ОКБ-2 (до

1949 г. бюро руководил В.А. Дегтярев), где он работал до конца 1954 г. По сохранившимся материалам В.В. Бахирев принимал непосредственное участие в разработке сорока образцов вооружения.

В конце 1954 г. В.В. Бахирев назначается главным инженером, а в 1960 г. директором завода им. В.А. Дегтярева и работает в этой должности до 1965 г. Это были годы бурного технического перевооружения и социально-экономического развития завода. В 1965 г. В.В. Бахирев выдвигается на пост первого заместителя министра оборонной промышленности СССР. В 1968 г. ему поручается создание министерства машиностроения СССР, которое он возглавлял до ухода на пенсию в мае 1987 г. В.В. Бахирев внес большой вклад в развитие оборонной промышленности, в решение сложных научно-технических проблем по созданию новых образцов современной военной техники и обеспечения ими Вооруженных сил страны.

За большие заслуги перед Родиной В.В. Бахирев в 1976 г. был удостоен звания Героя Социалистического труда, награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской революции и Знак Почета, медалями СССР, а также иностранными орденами. Ему присуждены Ленинская (1964) и Государственная (1978) премии СССР. В.В. Бахирев неоднократно избирался членом ЦК КПСС, являлся депутатом Верховного Совета СССР с 6-го по 11-й созыв².

После смерти В.А. Дегтярева в январе 1949 г. его КБ возглавил **Бугров Николай Андреевич** (1905-?), уроженец с. Никольского Кинешемского уезда Владимирской губернии, из семьи механика ткацкой фабрики. Окончив Ковровский техникум НКПС, Н.А. Бугров с 1926 по 1928 гг. работал помощником машиниста в депо Люблино Московско-Курской железной дороги. С 1928 по 1929 гг. Н.А. Бугров служил в армии, после чего вернулся в Ковров, где поступил на работу техником на завод. В 1930 г. его направляют на учебу в Ленинград, где он в 1935 г. оканчивает Ленинградский военно-механический институт и работает на Ковровском заводе инженером, начальником отделения, заместителем начальника цеха, начальником цеха. С октября 1937 г. по июль 1938 г. он по направлению Наркомата находится в служебной командировке во Франции, где производит приемку закупленных там авиационных пушек «Гочкис».

В 1928 г. его назначают главным инженером Тульского оружейного завода, а в октябре 1939-го – главным конструктором ковровского завода. В октябре 1940 г. он главный инженер КБ-2. В этой должности Н.А. Бугров работал все годы войны, являясь ближайшим помощником В.А. Дегтярева, во многом способствуя выполнению стоявших перед КБ-2 задач по созданию новых образцов оружия. В годы войны Н.А. Бугров награждается орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов». В 1949 г. ему присваивается звание лауреата Сталинской (Государственной) премии.

9 ноября 1950 г. Н.А. Бугров утверждается в должности начальника и главного конструктора ОКБ-2, приказом министра от 10 мая 1952 г. переводится на работу в аппарат министерства³.

В г. Пучеж Ивановской области 8 сентября 1901 г. в семье рабочих родился **Сергей Михайлович Крекин**. Отец плавал по Волге на пароходе, мать – домохозяйка. В дальнейшем семья переезжает в г. Выксу Горьковской области. Сергей Михайлович после окончания начальной школы поступает в 1915 г. учеником слесаря на Нижне-Выксинский завод, где и работал до 1922 г. С 1922 г. по 1925 г. учится на рабфаке при университете в г. Горький, затем с 1925 по 1930 гг. возвращается в г. Выкса, где работает слесарем на том же заводе.

В 1930 г. Сергей Михайлович поступает в Ленинградский военно-механический институт, который заканчивает в 1936 г. и по распределению уезжает в г. Ковров в ПКБ завода № 2 им. К.О. Киркижа. В конструкторском (проектном) отделе ПКБ проработал с 1936 по 1961 гг. до ухода на пенсию. Несмотря на то, что он был инвалидом 1-й группы (у него не было обеих ног), он принимал активное участие в создании образцов оружия. Так за 10 лет работы в отделе с 1936 по 1946 гг. им было разработано более десяти проектов различного вида оружия, начиная от пистолета до многоствольного автомата калибра 14,5-мм. Некоторые проекты он разрабатывал с другими конструкторами. Значительный вклад был внесен им в проектирование противотанкового ружья Дегтярева. По архивным данным С.М. Крекин принимал участие в разработке 28 образцов вооружения⁴.

В приведенных выше примерах просматривается два наиболее распространенных пути появления этих личностей в Коврове. Первый – это распределение на оружейный завод в Коврове после Ленинградского военно-механического института. Второй – это сам Ковров, превратившийся в крупный промышленный центр и притягивавший на свои предприятия рабочую силу с окружающих его территорий.

¹ Энциклопедия ковровского оружия. 1918-1966. По материалам архива КБ «Арматура». – Сост. М.И. Черногубов. Под общей ред. доктора технических наук Ю.Л. Арзуманова. – М.: Художественная литература, 2012.

² Черногубов М.И. Краткий биографический справочник конструкторов и рабочих, упомянутых в 1-й и 2-й книгах «Ковровское оружие». Рукопись // Научный архив Ковровского историко-мемориального музея.

³ Там же.

⁴ Там же.

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

И. С. СБИТНЕВА
(г. Владимир)

КАК ТРИ ЕПИСКОПА И ОДИН МИТРОПОЛИТ МОНАСТЫРСКУЮ РИЗНИЦУ ОГРАБИЛИ (детектив 1920-х годов)

Эта история – из моей серии «Владимир 100 лет назад». К столетию революции я написала и издала книгу примерно с таким названием¹. Книгой дело не ограничилось. Я продолжала читать в архиве газеты, журналы, объявления тех времен. Я удивлялась (и сейчас удивляюсь), что ни писатели, ни сценаристы с конца 1990-х годов не обращают внимания на ту эпоху. А там встречались удивительные судьбы и сюжеты, весьма хитро сплетенные. Фрагмент такого сюжета мелькнул в серьезной книге – учебнике по религиоведению, недавно составленном ВлГУ.

«Весной 1922 года во Владимире начинается следствие, связанное с хищением из ризницы Спасо-Евфимиева Суздальского монастыря. Причем «так называемое суздальское дело» состояло в том, что в 1918 году при взятии на учет группой верующих имущества Спасо-Евфимиева монастыря в г. Суздале была обнаружена кража из ризницы. Настоятель монастыря епископ Павел (Борисовский) назначил комиссию по проверке, которая выявила, что расхищено 48 золотых и серебряных предметов. Возможно, что ценности были спрятаны от властей. Несколько епископов были объявлены укрывателями, и в марте 1922 года арестованы. После показательного суда во Владимире, епископ был приговорен к годичному заключению, но по амнистии на другой день освобожден [1].»

Ограбление монастырской ризницы – любопытные детали

Этот текст состоит из сплошных загадок. Оставим пока в стороне главный вопрос – зачем «нескольким епископам» понадобилось грабить свое собственное (церковное) имущество. Далее – кто в этом деле участвовал? «Несколько епископов» – это не юридическое определение. Если было уголовное дело, значит, были и конкретные обвиняемые.

Непонятно также, почему виновников кражи 1918 г. судили в 1922 г. – четыре года спустя. И совсем непонятно, почему осужденных на следующий день амнистировали (то есть, простили и отпустили). В таком случае, стоило ли их вообще судить?

Я люблю исторические загадки, потому попыталась ответить на эти вопросы. Для начала, решила уточнить биографию единственного епископа, чье пребывание в то время во Владимире не вызывает никаких сомнений. Это Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский, викарий Владимирской епархии. Стоит заглянуть в его жизнеописание.

«12 апреля (1922 года) епископ Афанасий, а также митрополит Сергей (Страгородский), епископ Павел (Борисовский), бывший епископ Суздальский Василий (Зуммер) были арестованы по так называемому «Суздальскому церковному делу». В одном из храмов была разворована ризница, и власти использовали это для обвинения архиереев в противодействии изъятию церковных ценностей. 9 июня епископ Афанасий приговорен к одному году заключения (на следующий день после приговора освобожден по амнистии). Митрополит Сергей (Страгородский) был сослан в Нижний Новгород и поручил епископу Афанасию церковное управление во Владимире и Владимирском уезде [2]...»

Теперь, по крайней мере, ясно, кто обвинялся. Епископ Афанасий (Сахаров), епископ Павел (Борисовский), епископ Василий (Зуммер) и митрополит Сергей (Страгородский).

Правда, есть путаница в должностях – епископ Василий (Зуммер) в тот момент не бывший, а правящий епископ Суздаля [3]. А вот епископ Павел (Борисовский) после 1919 г. – это бывший епископ Суздаля. На тот момент он епископ Оренбурга, с мая 1922 г. – епископ Вятки [4].

Что свело их вместе? Что происходило в Суздале в марте 1922 года?

Действия комиссии Помгол, Политбюро и патриарха Тихона

В Суздале, Владимире и многих других городах в это время работала комиссия по изъятию церковных ценностей на нужды голодающих Поволжья (по сокращениям того времени, «комиссия Помгол»). В старинных городах вроде Суздаля (точнее, в их монастырях), за шесть-семь веков накопилось немало ценно-

стей. Здесь было что взять. Комиссию Помгол интересовали драгметаллы (то есть, золото и серебро).

Так что, обвинения в адрес суздальских и владимирских епископов в тот момент выглядят логично. Они действительно были заинтересованы в том, чтобы скрыть вековые накопления церкви от новой (грабительской) власти. Но неужели судьба голодающих Поволжья не волновала церковных иерархов?

Волновала, конечно. Но к весне 1922 г. стало ясно, что Церкви просто не позволят оказать самостоятельную помощь голодающим.

«Засуха 1920-1921 года привела к небывалому голоду по всей стране, который продолжался от лета 1921 до лета 1922 г. В августе 1921 г. патриарх Тихон обратился с призывом о помощи к главам разных христианских церквей за пределами России. В то же время был создан Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. Во всех церквях стали собираться пожертвования. По распоряжению правительства этот комитет был закрыт, а собранные средства переданы правительственному комитету [5]...» (Дмитрий Поспеловский, церковный историк).

Какая часть из конфискованных церковных ценностей дойдет до голодающих – тоже было не ясно. Доверия к новой власти не было. Золотой запас России к тому времени исчез. Конфискованные у населения ценности (ценности Гохрана) без счета тратились «на нужды мировой революции».

Обстановка, в которой разворачивалось «суздальское дело»

... 6/19 февраля (по старому и новому стилю) 1922 г. патриарх Тихон обращается к церковному народу с воззванием, в котором призвал жертвовать на помощь голодающим «...находящиеся в храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного значения» [5, стр. 104 - 105].

10/23 февраля ВЦИК издает постановление о принудительном изъятии церковных ценностей [6]. Тогда же председатель комиссии Помгол Винокуров обрушивается с печатной критикой на патриарха, обвиняя его в намерении утаить часть церковных ценностей [5, стр. 104 - 105].

С конца февраля начинаются изъятия ценностей из храмов.

28 февраля /13 марта происходит столкновение верующих с комиссией по изъятию в Шуе. Среди верующих четверо убитых, десять раненых [6].

2/15 марта. Видя неизбежность столкновений, патриарх Тихон в газете снова разъясняет позицию Церкви. Он призывает уполномоченных отнестись к изъятию ценностей из храмов «с должной осторожностью...»

6/19 марта – председатель ВЦИК В.И. Ленин диктует знаменитое секретное письмо членам Политбюро, по поводу событий в Шуе. *«Именно теперь... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления [6]...»*

То есть, осторожность новые власти проявить не намерены. Почему?

9/22 марта на заседании Политбюро постановили:

«1. Арест Синода и патриарха признать необходимым, но не сейчас, а примерно через 10-15 дней. Данные по Шуе опубликовать, виновных шуйских попов и мирян – Трибуналу в недельный срок (коноводов – расстрелять) (Так в оригинале).

*3. В течение той же недели **поставить процесс попов за расхищение церковных ценностей (фактов таких немало)...** [7, стр. 189] (курсив мой)».*

...Через месяц после этого постановления (и за месяц до ареста патриарха) и возникает «Суздальское дело».

Сфабриковано ли это дело, или речь шла о действительном хищении? Нам пока не известно. Чтобы понять это, разберемся – почему в процессе 1922 г. упоминается год 1918.

Некоторые события 1918 года

20 января 1918 г. Совнарком опубликовал «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах». По этому декрету, русская церковь лишилась прав юридического лица и всей собственности, включая церковные здания.

28 февраля 1918 г. патриарх Тихон и Священный Синод выступают с ответным постановлением. Там они указывают, что надо делать верующим: *«...при всех... церквях надлежит организовать из прихожан союза (коллективы), которые должны защищать святыни и церковное добро от посягательств».*

«...насильственное удаление священников... из прихода или монашествующих из монастырей отнюдь не должно быть допустимо...»

«...священные сосуды и прочие принадлежности богослужения должно всеми мерами оберегать от поругания и расхищения, а для сего – без нужды не вынимать их из церковных хранилищ, а таковые устроить так, чтобы они не могли быть легко открыты грабителями [7] (курсив мой)»

Речь идет о создании тайных хранилищ, где нужно скрыть от безбожной власти церковные сокровища, до лучших времен. Можем ли мы думать, чтобы это распоряжение патриарха не исполнялось его приверженцами, скажем, во Владимире?

Думать так нет оснований. Иеромонах Афанасий (Сахаров), с 1918 г. – наместник Рождественского монастыря, с 1922 г. – викарный епископ Владимира и Коврова. До того момента он четко выполнял все указания патриарха Тихона и Синода [8]. Так что, сокрытие богослужебных предметов из ризницы, по всей вероятности, действительно было. Вскрылось оно, по всей вероятности, при сличении описи имущества храма и ризницы² – с тем имуществом, что имелось в наличии. Но в каком именно году исчезли ценности, и кто в этом участвовал – известно не было. Поэтому привлекли к ответственности и бывшего суздальского епископа, и нынешнего.

Кто же они были – суздальские епископы?

Епископ Суздальский Павел (Борисовский), 1867-1938³

В феврале 1918 г. он организовал крестный ход в Суздале. Тогда на главной площади зачитали новое послание патриарха. Послание содержало анафему тем, кто разжигает в стране гражданскую войну (*проще говоря, коммунистам*). Поэтому крестный ход на площади сразу перешел в открытый бунт против новой власти. Бунт чуть не закончился убийством Михаила Иренина – местного коммуниста, одного из новых градоначальников.

Бунт был подавлен подоспевшим местным отрядом Красной гвардии⁴ [9]. Епископ Павел тогда попал в тюрьму Губчека во Владимире. Но серьезно его наказать не рискнули. Его вскоре отпустили «на поруки» родственника (протоиерея Касаткина). Обстановка была взрывоопасной.

Вскоре патриарх перевел суздальского епископа на новое место служения – в Оренбург [4]. Как говорится, «от греха подальше».

Епископ Василий (Зуммер), 1885-1923

Он родился в Волынской губернии, в семье священника – чеха. Там же закончил семинарию. Там служил на церковных и монастырских должностях – после окончания духовной академии и принятия монашества.

С 20 августа 1920 г. находился при русских войсках, отступавших из Польши. С войсками иеромонах Василий пересек русскую границу, после чего был арестован, и заключен в Орловский концлагерь № 1 [3]. Из концлагеря в марте 1921 г. был освобожден по амнистии. Недолгое время был настоятелем монастыря – уже в чине архимандрита. В конце 1921 г. Зуммер хиротонисан во епископа Суздальского. Хиротонию возглавил митрополит Сергей (Страгородский).

Весной 1922 г. епископ Василий был привлечен к уголовной ответственности, за кражу ценностей из ризницы Спасо-Евфимиева монастыря. 1 июня судебное дело прекращено «за недоказанностью преступления». В том же году суздальского епископа снова арестовывают; на сей раз за «возмущение народных масс». В поддержку его прихожане пишут письма с сотнями подписей. Соответственно, судить его здесь опасаются, а потому отправляют это дело в Москву, в комиссию НКВД. Там епископ Василий был приговорен к административной ссылке в Хиву (по другим данным, в Ходжент). В 1923 г. умер от туберкулеза. В том же году он успел посвятить в епископский сан Валентина Войно-Ясенецкого (будущий знаменитый епископ Лука) [3].

Обстановка на местах

Итак, обстановка во Владимирской епархии с 1918 г. была весьма накаленной. В марте 1918 г. произошло нападение крестьян на владимирский губисполком. Среди красногвардейцев оказались убитые и раненые. В мае 1918 г. произошло восстание в поселке Южа – оно было подавлено, а его зачинщики расстреляны. Было также восстание в Муроме. Были восстания и в других местах. Вокруг города Юрьев-Польской до 1920 г. действовал «зеленая армия» – дезертиры из Красной армии.

В этих условиях осудить трех епископов и митрополита без достаточных оснований местные власти не рискнули. Вот и

объяснение странного суда. «Сегодня осудили, назавтра амнистировали».

Да и суд в 1922 г. еще сохранял видимость законности. Там были не только обвинители, но и защитники – прежние, еще дореволюционной выучки адвокаты, отлично знавшие свое дело.

Кремлевским правителям в мае – июне 1922 г. так и не удалось обвинить патриарха Тихона – хотя обвинительный процесс против него готовился более месяца, и готовился очень основательно [6, стр. 190 - 224]. Вот и местных, владимиро-суздальских епископов тогда пришлось отпустить. Но это было последним «ослаблением». Власти пошли другим путем – через административные высылки. Так к концу 1930-х годов удалось изолировать большую часть епископов⁵.

Заключение

Единственным уцелевшим участником «Суздальского дела» был митрополит Сергей (Страгородский). Участвовал ли он в сокрытии ценностей? Достаточно и того, что участвовали его ближайшие помощники и заместители (викарии⁶). В 1926-1927 гг. митрополит Сергей, во время ареста, пошел на компромисс с «богоборческой властью». Он опубликовал так называемую «Декларацию о лояльности...» от 29 июня 1927 г.

Эту декларацию тогда не признали 2/3 священников [10]. Но таким образом митрополит Сергей избежал ссылки, тюрьмы и, вероятно, расстрела. Суздальский епископ Павел (Борисовский в 1938 г. был расстрелян).

Оставаясь на свободе, митрополит Сергей смог с лета 1941 г. наладить контакт с государственной властью. В 1943 г. состоялся первый за четверть века Собор епископов. Сергей был избран русским патриархом [5, стр. 190].

Но здесь интересно другое. В январе 1943 г. митрополит Сергей (тогда Патриарший местоблюститель) послал телеграмму Верховному Главнокомандующему, Иосифу Сталину, с просьбой разрешить Русской Православной Церкви иметь банковский счет для пожертвований «в фонд обороны». Сталин такое согласие дал.

Но уже два года, с зимы 1941 г., в русских храмах собирались средства «в фонд обороны». И средства эти были иногда очень значительны. Так, во Владимире зимой 1941-1942 гг. собрали средства на танковую колонну.

Каким образом среди обнищавших прихожан при закрытых храмах и отсутствии авторитетных священников⁷ удалось собрать такие средства – не известно. Внятных объяснений, за последние тридцать лет не появилось.

Остается предположить, что в основу первых сборов «на оборону» во Владимире, Ленинграде, Москве и других местах – легли те самые «сокровища монастырских ризниц», припрятанные от властей в 1918 и 1922 гг. Митрополит Сергей, да и другие (немногие) уцелевшие иерархи о скрытых ценностях, конечно, знали. Сами ранее участвовали в их сокрытии.

Ценности, спасенные от разграбления и продажи на нужды «мировой революции», были пожертвованы уцелевшими церковными иерархами на Великую Отечественную войну – «священную войну». Эти средства и помогли в нужный момент легализовать русскую православную Церковь.

¹ *Сбитнева И.И.* Владимир сто лет назад: войны, революции, военный коммунизм. – Владимир: Транзит-Икс, 2015.

² Такие документы должны были с февраля 1918 года составлять все общины верующих; без них власти не заключали договор об аренде церковного здания. При отсутствии такого договора храм немедленно закрывали [1].

³ Полную биографию всех выше упомянутых можно прочесть по сноскам в конце статьи. Меня здесь интересует только конкретный период времени.

⁴ Давно меня интересует: как отряд Красной гвардии так вовремя оказался в Суздале? Базировался он тогда в селе Троица-Берег – за шесть верст от центра города. Раций для связи тогда еще не было, сотовых телефонов – тем более. Однако красногвардейцы появились на суздальской площади сразу после того, как разъяренная толпа начала бить Михаила Иренина. И до того, как ему нанесли серьезные увечья... Местный коммунист остался жив-здоров [2]. А вот местных жителей во главе со священниками можно было теперь на законном основании хватать и сажать... Все это похоже на заранее подготовленную провокацию. И осведомители в церковной среде у новых властей явно имелись.

⁵ Летом 1935 года на свободе и «при должности» оставались всего три епископа и патриарший местоблюститель. То есть, четыре человека на всю огромную страну. Это в полтора раза меньше, чем было в одной только Владимирской епархии в 1917 году [3].

⁶ Будучи в 1917 году назначен на обширную Владимирскую епархию, митрополит Сергей сразу поделил ее на пять округов, и назначил для их управления пятерых епископов, с правами замещать митрополита (викариев). Таковыми были Павел (Борисовский), Афанасий (Сахаров), позже Василий (Зуммер) [3]. Имена остальных мне пока не известны.

⁷ «Обновленцы» авторитетными священниками не были, других на свободе тогда не было.

Библиография в тексте

1. История религии во Владимирском крае. Советский период. Монография. / Под ред. Е.И. Аринина. – Владимир: Шерлок-пресс, 2018. – С. 18-19.
2. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Афанасий_\(Сахаров\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Афанасий_(Сахаров))
3. <https://drevno-info.ru/> Василий (Зуммер)
4. <https://nkvd.tomsk.ru/researchves/bassijnail/Borisovski-Pavel-Borisjvich/>
5. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке – М.: Республика, 1995. – С. 103.
6. *Вострышев М.* Патриарх Тихон. – М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2004. – С. 179-184.
7. Русская православная церковь и атеистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Библейско-богословский институт святого апостола Андрея, 1996. – С. 30-35.
8. *Кравецкий А.* Святитель Афанасий Ковровский. – Владимир:Транзит- Икс, 2007. – С. 20-41.
9. *Белов Ю.* Суздаль. Путеводитель. – Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 1986. – С. 26- 27.
10. *Васильева О.Ю.* Митрополит Сергей (Страгородский) Штрихи к портрету // Альфа и омега. – 2001. –№ 31.

Библиография в сносках

1. *Кравецкий А.* Святитель Афанасий Ковровский. – Владимир: Транзит-Икс, 2007. – С. 20-41.
2. *Белов Ю.* Суздаль. Путеводитель. – Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 1986. – С. 26- 27.
3. *Васильева О.Ю.* Митрополит Сергей (Страгородский) Штрихи к портрету // Альфа и омега. – 2001. – № 31.
4. Русская православная церковь и атеистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы // М.: Библейско-богословский институт святого апостола Андрея, 1996. – С. 69-146.

О. В. КУРАТОВ
(г. Москва)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ШУЙСКОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕТСТВА. КАРТИНКИ К ОНТОГЕНЕЗУ СОВЕТСКОЙ ПСИХИКИ

Слово «заневоливание» употребляется довольно редко, в основном в качестве технического термина при описании технологии изготовления пружин. Сущность этого процесса заключается в применении внешних физических воздействий (давление, нагрев, выдержка и т.п.) для принудительного формирования

задуманных форм и свойств. Однако содержащийся в слове «заневеливание» смысл как нельзя более точно может быть использован для описания особенностей формирования психики гомо советикуса. В этом контексте в качестве жёстких внешних воздействий выступают неуловимая, но стойкая атмосфера вражеской опасности, воспитание чувств перманентной вины и рабской покорности перед властями и бесчисленные общественные обязанности: наставляющие лозунги, назойливые напоминания о моральном долге, призывы к обязательным явкам на выборы, укоры в недостаточной памяти об исторических жертвах и т.п. За всем этим маячат угрожающие тени смутного страха и мрачной, неотвратимой ответственности. Под их угрозой человеческое подсознание вырабатывает целый спектр путей выживания, – от аполитичности до криминала и терроризма.

Происхождение психического заневеливания имеет глубокие исторические и ментальные корни, растущие со времён зарождения религии и частной собственности. По мере развития этих институтов методы и средства начального экономического принуждения обогащались правовыми и политическими приёмами. Большевицкая власть развивала и использовала их «на всю катушку», так что, по мнению маститых специалистов, гомо советикус продолжает успешно плодиться и в наше время. В результате чувства опасности и тревоги становятся первыми, к которым обращается «наш человек» при выборе жизненных позиций и принятии решений. Эти опасения исподволь влияют на его поведение и межличностные отношения и на его статус в постсоветском социуме.

«Картинки...» – это во многом воспоминания. Поэтому описание событий и мыслей исходит одновременно из двух источников: меня тогдашнего и меня теперешнего, более чем восьмидесятилетнего.

Я люблю баню

Когда волна «вакуированных» (в моём родном городе Шуе слово «эвакуированные» употреблялось разве что в документах) хлынула с началом войны затоплять убогое шуйское жильё, в основном коммунальное, всего лишь двадцать лет назад экспропрированное, она принесла в себе не только толпы измученных, с изуродованной психикой новых жильцов, но и мощное стихийное бедствие – тифозных вшей.

Так сложилось, что «вакуированы» в Шую были в основном беженцы из Ленинграда. Местные, родные, незаразные вши распространились ещё до этой волны нового, сверхтугого жилищного уплотнения, а вот питерцы принесли с собой в Шую вшей тифозных. Как и по всей воюющей России, были приняты срочные, жёсткие меры по профилактике тифа. Эти меры включали прежде всего «государственные бани», т.е. санпропускники – гигиенические конвейеры.

Когда настала очередь нашего перенаселённого коммунального дома № 6/6 по Стрелецкой улице, раздалась команда всем выйти во двор. Команду отдали двое – участковый и управдом. Женщины и дети сбились в чёрную кучу. Командиры кое-как сформировали построение и даже скомандовали: «Марш!» Получился скорбный, разноликий отряд из женщин и детей всех возрастов. Участковый для порядка дунул в свисток. Все тронулись с чувством опасности и тревоги. Шли к милиции на Советской улице, где и располагался санпропускник. Нас патрулировал управдом. Всеми владел страх. Дети спрашивали мам: «А нас оттуда отпустят?» Мамы в смятении, скорее себе, отвечали: «Должны, конечно! Чего такого мы сделали?»

Это была настоящая преисподняя. Пускали небольшими партиями. Попавший в это казённое, между прочим, бесплатное заведение, оказывался сначала в маленькой комнатке, где жутко пахло палёной шерстью. Здесь грозная, мужеподобная парикмахерша с ручной, больно выдёргивающей волосы машинкой, стригла наголо и женщин, и детей – всех подряд из длинной очереди. Остриженные волосы тут же сжигались в буржуйке, стоящей рядом с табуретом для стрижки и распространявшей дикую вонь. Чтобы вши из состриженных волос не убежали, ножки табурета и буржуйки стояли в противнях с дезраствором. Зеркал, дабы женщины не пугались своего вида, не было ни в этом, ни в последующих помещениях. Рядом страшная, как баба-яга, старуха-медсестра с большой банкой йода смазывала ватным тампоном на простой лучинке ссадины от машинки и колтуны на стриженных головах. Далее шла раздевалка, где остриженные и прижжённые йодом раздевались догола, складывая одежду в горячие жестяные ящики-противни. Противни задвигались в отсеки громадной дровяной печи. Установка каждого нового противня с одеждой выталкивала с другой стороны печи такой же ящик с «обработанной» (температурой) одеждой.

Знатоки призывали нас, детей, прислушаться – им слышно было, как в противнях трещали, лопаясь от жара, мириады вшей. Из раздевалки все мы, стриженные, попадали в мойку, где следующая свирепая медсестра, нимало не церемонясь, сначала большой малярной кистью, макая её в ведро, обмазывала обнажённые тела, особо головы и паховые области, жидким мылом с растворённым дустом, а затем этой же кистью подталкивала намазанных к ржавым раструбам, изрыгавшим пульсирующие струи тёплой воды. Все покорялись этим безмолвным тычкам, всё было без слов ясно и понятно. В казённых застенках госбани тёплая вода и своя, «обработанная», горячая одежда вселяли надежду на освобождение. На выходе всех охватывало чувство спасения, словно их выпустили из тюрьмы.

Если что-то подобное при эпидемиях было в средние века, то, несомненно оно и подтолкнуло Великого Босха к деталям изображения ада на правых частях знаменитых его триптихов. Медсёстры были бесами-эксекуторами, а мы – виноватыми грешниками.

Немецкие парашюты и волшебная страна Хотимль

Мама работала счетоводом в шуйской конторе Военторга. Однажды вечером она шёпотом выдала нам с братом и бабушкой военную тайну: армейский эшелон отцепил на шуйской станции товарный вагон для местного Военторга. Весь вагон от пола до потолка был забит трофейными немецкими парашютами. Командование провело спешную разгрузку вагона силами пехоты с гужевым транспортом. Парашюты были переброшены на склады военного городка.

Было получено задание провести передел трофейного военного имущества силами личного состава так, чтобы парашюты были переработаны в отдельные отрезки формы клиньев и отдельные мотки шёлковых шнуров. К переработке большого количества парашютов разрешили привлечь вольнонаёмных работников, в том числе штатских военторговцев. Так в наш дом попали немецкие парашюты.

Каждый парашют был упакован в добротный ранец из изумрудного цвета брезента, лёгкого и прочного. Особо хороши были блестящие кнопки ранца, громко щёлкающие при застёгивании. Купол немецкого парашюта диаметром около семи метров надо было расчленивать на образующие его сшитые клинья.

Это достигалось аккуратным подрезанием безопасными лезвиями прочных шёлковых нитей, сшивающих шёлковые клинья через продёрнутые в их проточках шёлковые шнуры. Другими словами, каждый парашют надо было распороть на составляющие. Надрезы материала клиньев и шнуров считались браком. Швов там было миллион. За разделку одного парашюта платили натурой: три клина добротного, прочного парашютного шёлка и десять метров крепчайшего шнура. Из одного клина можно было сшить шикарное шёлковое платье или две женских блузки, а шнуры, которым сносу не было, очень даже годились в любом хозяйстве.

Вся семья до позднего вечера при тусклом свете фигасиков (горящий фитиль с концом, опущенным в склянку с керосином) без устали порола немецкие парашюты. В будни удавалось распороть один парашют за два вечера, а за выходной день – целых два. Когда было заработано достаточно шёлка и шнуров, Мама объявила, что в ближайший выходной отправится в Хотимль.

– Какое чудное слово! Что такое Хотимль? – спрашивали мы с братом.

– Это волшебная страна с молочными реками и кисельными берегами, – отвечала нам Мама.

Несколько вольнонаёмных служащих работали в подразделении Военторга, называемом мастерской. По существу это было миниателье, занимающееся ремонтом и пошивом шинелей, кителей, гимнастёрок, галифе, исподнего, сапогов, вещмешков, портянок и прочего обмундирования. Мастерскую возглавлял старик Павел Иванович – закройщик-портной, слывший искусным перелицовщиком. В его ведении были сапожник инвалид дядя Коля, вернувшийся с фронта без ноги, и две швеи. Одна из швей была родом из Хотимля – древнерусского села Южского района в сорока километрах от Шуи, тогда это была совершенная тьмутаракань. Тем не менее, задолго до войны значительная часть этой верхневолжской торфяной глуши (примыкающие районы Ивановской, Костромской, Владимирской и Нижегородской областей) была покрыта густой сетью узкоколейных железных дорог. Развитие этой сети началось ещё в царские времена (1901) и интенсивно продолжалось советской властью. Основной задачей сети было обеспечение добычи и доставки торфа на местные электростанции и котельные. Вспомогательной

функцией сети было региональное товарное и пассажирское сообщение. Село Хотимль стояло на основной ветви узкоколейки Шуя – Южа. Время в пути длиной сорок километров, включая пересадки (!), составляло восемь часов. Пассажирский поезд шёл только ночью. С обеих сторон дороги лежали глухие леса и болота, по которым кроме зверья рыскали дезертиры из военных подвижных госпиталей и беглые эски из близлежащих Талицких лагерей. По жутким слухам, эти персонажи шастали по узкоколеечным путям на краденых дрезинах, запрыгивали в вагоны, грабили и насиловали пассажиров. Эти края были подобны страшным владениям нечисти из знаменитого тогда фильма «Кашей Бессмертный». И вот две отважные женщины – Мама и швея, также участвовавшая в парашютном бизнесе, – решились ехать в Хотимль для обмена мануфактуры (так назывались любуе ткани и одежды) на пропитание своих семей.

Они вернулись уставшими, целыми и невредимыми. Пережитые страхи и волнения были позади. Описать их невозможно. В глазах Мама светились радость и гордость, когда она показывала нам добычу: старая полуторалитровая кастрюлька с самодельным топлёным маслом, мешочек с семью килограммами пшеничного зерна и дюралевый бидончик с творогом.

– Теперь мы долго будем есть настоящую кашу с настоящим маслом из волшебной страны Хотимль! – не говорила, а торжественно пела моя Мама.

Моё первое 1-ое сентября

Первое сентября 1944 года. Большой двор старой дореволюционной школы, недавно освобождённой от передвижного военного госпиталя. Мы с Толей пришли сюда нарядными: наши мамы справили к празднику белые рубахи (правда, нижние, зато подкрахмаленные) и чёрные блестящие сатиновые шорты с чёрными же проймами. На ногах скрипящие сандалии. В руках сшитые дома из мешковины сумки.

Обстановка строевая, военно-полевая. Директор школы, списанный с фронта из-за ранений, обходит строй будущих первоклассников. Должно быть, вспоминает, как обходил свою роту. Ниже среднего роста, коренастый, в защитного цвета полувоенной робе: сапоги, утрированные галифе, френч с накладными карманами. Смотрит исподлобья, – стоячий воротник френча упирается в покрытый коростой шрам на рыжем затылке, не да-

ёт поднять голову. Выражение лица пугающе неистовое, свирепое. Наверно, до конца ещё не вылечился после последнего ранения и контузии. Глаз не видно, они только дико просвечивают сквозь свисающие рыжие с сединой брови. Очень похоже на картинку морды тигра из «Жизни животных» Брэма. Всем – детям, родителям, учителям – страшно.

Звучат речи-наставления, и малых детей разводят по классам. Мы с Толей, хотя и живём по одному коммунальному адресу, оказываемся почему-то в разных параллельных классах. Ветхая дореволюционная учительница, добрейшая Ольга Дементьевна, старомодно представляется, вытирает слёзы умиления, просит показать каждого инвентарь: пенал с карандашами, тетрадки, счётные палочки.

На первой перемене, не успев я выйти в коридор, как на меня налетел возбуждённый Толя:

– Где твоя парта? Давай, доставай сумку! Чево да чево – пенал давай! Там не найдут! Я у одной девчонки спёр целый коробок новых спичек, понял? Она их вместо счётных палочек, дура! Меня обыщут, не найдут, а мы с тобой после уроков устроим п-щщ! – и он радостно взмахнул по сторонам обеими руками, изображая яркую вспышку. Действительно, мы часто использовали спичечные головки как порох для громовых ключей, самопалов и прочих взрывных поделок. Обычные спички тех времён имели форму хилого гребешка из дешёвого шпона; эти же были красивыми отдельными палочками с красными головками.

Всю перемену я мучился и тайком озирался: хотелось найти Толю и отдать коробок обратно. Вскоре после начала второго урока дверь в класс широко распахнулась. Влетела завуч, Анфиса Андреевна Марычева, засл. учит. РСФСР. Она крепко держала за руку выше локтя горько ревущего Толю. Сердце моё мгновенно упало в далёкую ледяную бездну. Откуда-то взявшиеся внутри бутылки вдруг опрокинулись, и из них с судорожным горловым бульканьем хлынули слёзы. Я сам встал ещё до того, как успела подняться указующая в мою сторону рука Толи, икающего от отчаянных рыданий.

– Вот! – завизжала, заблажила на всю школу Анфиса, – Смотрите, дети! Вы все, все посмотрите на этих бессовестных воров, на этих малолетних преступников! Один в первый же день, самый ответственный день в его жизни, на первом же уро-

ке украл у бедной девочки спички, а другой утаил эту кражу, вместо того чтобы сразу сообщить куда следует о воровстве! Позор! Срамота!

Весь класс уставился на меня. Жгучий стыд охватил всё моё тело от маленькой чёлки до вдруг больно поджавшихся пальцев на ногах. Жуткая дрожь охватила горло. Вдруг почувствовалась неминуемая близость мочеиспускания. Руки судорожно соединились и сжались в паху.

Старая добрая Ольга Дементьевна кротко попыталась разрядить обстановку:

– Анфиса Андреевна, успокойтесь, ну, вы уж слишком...

– Это я слишком? Я? Я!? А они? Дети, вы только подумайте, что будет со всеми нами, если мы будем в школе воровать друг у друга всё что ни попало? Что об этом вам скажет вся страна? Какой позор! Это же несмываемое пятно на нашей школе! Несмываемое, да! Ведь подумать страшно, что сказал бы, если бы узнал, сам товарищ Ворошилов! А Чкалов? А Будённый? Что сказали бы все наши герои гражданской войны? Нет, я не слишком! Как твоя фамилия?

Я замер, не поднимая головы.

– Ну, где? Где твой пенал, тебя спрашивают? – с новой силой начала орать Анфиса. Руки мои от страха онемели, не слушались. Наконец, в них затрясся пенал со злополучным коробком. Анфиса схватила его и подняла высоко вверх:

– Дети, все смотрите сюда! Вот она, улика! Будем их судить, судить немедленно! Марш со мной оба!

Не отпуская Толю, она цепко схватила меня другой рукой повыше локтя и повела нас к директору.

Приговор тигроподобного директора был краток и свиреп: Толю отвести в милицию, прямо к начальнику, а меня поставить до окончания первой смены в угол в учительской и ждать матери. Вечером Толя рассказал мне, что его отвела в милицию дежурная пионервожатая. Начальник наорал на обоих, вожатую прогнал, Толе дал хорошего леца и отправил в дежурку. Оттуда его сразу же пинком выпроводили на свободу, и он побежал домой рассказать всё моей бабушке.

Тем временем я томился в углу учительской рядом с веником. Ростом я был чуть выше веника. Появлявшимся вновь учителям поясняли:

– Этот стоит за кражу.

Каждое повторение этих слов было подобно удару плёткой. Постепенно всё внешнее менялось: я чувствовал, что многие учителя жалеют меня, но боятся директора и завуча. Внутри напряжение всё возрастало. Слезы кончились, они перешли в судорожное икотное всхлипывание. Анфиса, накинувшая на меня петлю вины перед Всем и Вся, ушла в Гороно. А петля эта неумолимо и зловеще затягивалась. Дикий подбровный зырк навечно контуженного директора. Истеричный визг и злобный оскал Анфисы, исполняющей педагогический долг. Невыносимое принужденное раскаяние. Лютый укор во взглядах героев и вождей с портретов на стенах. Страх перед всей этой жутью проникал в мою душу и поселялся там навечно. Интересно, что через десять лет та же Анфиса Андреевна сделала всё, чтобы я закончил школу с медалью.

Когда прибежала бабушка, заступила уже вторая смена, более милостивая, – мне дали попить и отпустили домой. Вечером пришедшая с работы Мама гладила мою голову и шептала:

– Как много зла на свете, как много! Привыкай. Надо терпеть, терпеть...

А я новыми глазами смотрел на те же, что и в школе, портреты на стенах нашего дома.

Юные добытчики

Тёплый день в Шуе. Мы с Толей идём к военному городку. У него в руках тряпочный узелок, у меня детская лопаточка. В узелке два куска хлеба, две варёных картошины и две сырых морковины. Картошки принёс из дома я, морковь он. Хлеба по куску – каждый. Хлеб тех времён запомнился навсегда: землистого цвета, снаружи нижняя сторона корки отдаёт керосином (противни на хлебозаводе смазывали солидолом); внутри саму хлебную плоть по всей длине отделяет от корки какая-то густая бурая слизь. Тряпочку для узелка стырили с сушильной верёвки в соседнем дворе, лопатку отобрали у мальчика по дороге. Обещали отдать на обратном пути. Сколько мне лет, сейчас я не знаю (не помню). Наверное, это было летом 1947 года – одного из самых голодных лет в наших средней полосы краях. Значит, мне десять лет. Босые ноги с каждым шагом радостно окунаются в тёплую, похожую на жидкость пыль. В небе невысоко снуют вверх-вниз жаворонки, выше их ласточки, ещё выше стрижи.

Как настоящая мелкая шпана по дороге развлекаемся:

- Тётенька, вы здешняя?
- Здешняя.
- А где поспать, сердешная?
- Ах вы...!

Злорадно свистим, отбегаем. Вот он, военный городок. Огибаем его слева по пыльной дороге, подходим к ограде со стороны Марьиной Рощи. Идём между заросших окопов и колючей проволоки оградой. Вот он, пост, а за ним сразу брезентом крытый ангар. На посту пыльный часовой с винтарём, с примкнутым штыком. Новый какой-то, его мы не знаем. Но он нас поджидает, – наверное, подменил Сергея, с которым у блатных был вчера договор. Настороженно оглядывается, хватается узелок, сразу начинает жадно есть.

– Ну, чего стоите? Быстро только, буду на шухере. Шнуров не перебирайте, десять на десять, договор дороже денег. Быстро, ну!

Бежим в тень ангара, лопаткой и руками роём лаз под проволоку. Земля песчаная, роется ладно и скоро. Пролезаем через лаз вплотную к ангару. Второй лаз рыть ещё легче, кромка брезента высоко. Нырём туда – всё по-старому. Вот «наш» ящик с толовыми шашками, вот упаковки с бикфордовыми шнурами. Рядом, в коробках, аккуратные свёртки капсюлей, мы зовём их запалами. Пролезаем обратно. Часовой всё съел, Сергею, значит, не оставил. Не наше дело. Проверяет:

– Покажь! Вроде, всё верно, не перебрали. Вот ваша тряпка, заворачивайте. Если спросят, знаете что отвечать?

– Да знаем, знаем – мыло!

– Ага. А ну, дуйте отсюда быстрее. Сергею скажу, до скорого.

С виду 200-граммовая толовая шашка, действительно, похожа на кусок мыла. А запалов мы всё-таки перебрали. Шесть шашек надо отдать блатным, четыре наши. Четыре сбоку – ваших нет! На душе беспокойно от удачной кражи, но боимся мы только блатных и мусоров. Зато завтра – в дальний путь, будем глушить рыбу на нашей Тезе, далеко выше Небурчиловской дачи.

Смерть Юры Калинина

Сначала всех младшекласников построили в полутёмном коридоре. Сказали, что действительно очень холодно, что топить

уже начали, но школа каменная и нагреется только через несколько дней. Но если прививку не сделать, то сразу тяжело заболешь, а главное – заразишь других, а потом и весь город. Сказали, что после укола может закружиться голова, но что это от голода. Поэтому сейчас надо получить и съесть прямо на месте картофельное пюре, а потом пройти в свой класс, и когда по журналу вызовут, сразу же быстро снять всё до пояса, сделать укол и мигом одеться, чтобы не простудиться. Как только прозвучало слово «укол», ученик нашего 4Б класса Юра Калинин побледнел, прижал руки к ушам на стриженной, белой как мел голове, и так опустился на корточки.

Тут же раздали еду в козых ножках, свёрнутых из газеты, как сигарки у курильщиков. В каждой была столовая ложка холодного, серого, но очень вкусного пюре. В классе, как только разнёсся запах йода, Юра Калинин вдруг забился в страхе перед уколом.

– Я не буду! Не буду! – жалобно закричал он.

– Будешь! – ответила завуч, – Иван Иванович, помогите ему!

Учитель истории Иван Иванович Кашинцев, инвалид, кое-как раздел его, и, прижав к себе, сам чуть не плача, подставил сестре со шприцем его узкую дёргающуюся спину. При уколе Юра отчаянно вскрикнул и затих. Иван Иванович унёс его в учительскую. Там Юра сразу и умер. Всем долго было страшно.

Ю. А. ИВАНОВ
(г. Шуя)

1952 год: ПЕРВЫЕ ПРОФЕССОРА В ШУЕ

В эпоху позднего сталинизма в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 11 августа 1952 г. 14 учительских институтов РСФСР одновременно были реорганизованы в педагогические институты с четырехлетним сроком обучения. Большинство из них находились в райцентрах Европейской части России: Арзамасе, Ельце, Мичуринске, Орехово-Зуеве, Шадринске и др. Такую реорганизацию прошел существовавший в Шуе с 1939 г. учительский институт. В результате в не-

большой Ивановской области с учетом открытого еще в 1918 г. Ивановского пединститута стало два педагогических вуза.

Первый набор на два факультета нового вуза – физико-математический и русского языка и литературы – прошел 1 сентября 1952 г. В наследство новому вузу досталась вся материальная база учительского института, бывшие учебные корпуса духовного училища, функционировавшего с 1816 по 1918 гг. и с 1880-х гг. готовившего в том числе и учителей церковно-приходских школ. В педвуз автоматически перешли все 46 преподавателей, 12 лаборантов и завкабинетами учительского института¹.

Из них только последний директор учительского института И.М. Телегин (1946-1951) и Т.Н. Вострухина были кандидатами наук. И.М. Телегин в 1913 г. закончил Киржачскую учительскую гимназию, в 1925 г. начал публиковаться в журнале «Вопросы просвещения», в 1936-1941 гг. был директором Яснополянской школы им. Л.Н. Толстого – опытной школы Наркомпроса. Кандидатскую диссертацию по педагогике защитил в феврале 1941 г.²

Очевидно, одна из главных проблем, которая встала перед первым ректором (до 1956 г. – директором) шуйского вуза И.В. Ильиным, – острая нехватка научно-педагогических кадров высшей квалификации.

В отличие от И.М. Телегина, ученого-педагога, И.В. Ильин был прежде всего организатором – «сталинским выдвиженцем» второй половины 1930-х гг. Не имея высшего образования (заочно окончил Ивановский пединститут только в 1940 г.), с 1935 по 1942 гг. работал директором педучилища в Вичуге, а с марта 1942 г. по сентябрь 1951 г. был секретарем Вичугского ВКП (б), откуда переведен в Шую в учительский институт накануне его реорганизации³.

На то, как проблема кадров будет решаться в шуйском вузе в 1952-1953 гг., огромное влияние оказали идеологические кампании второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. с их отчетливо выраженным и легатимизированным антисемитским дискурсом, апофеозом которых станет «дело врачей» в начале 1953 г.⁴

Первое пополнение кадров произойдет в сентябре 1952 г. и сразу двумя профессорами. Один – Александр Васильевич Козырев (1896-1957), член партии с 1918 г., будет переведен из

Ульяновского педагогического института для «укрепления» на должность зам. директора по учебной и научной работе. Это был классический пример партийного подхода к решению кадрового вопроса в новых вузах. До этого А.В. Козырев – известный специалист по истории педагогики. Его труды были посвящены педагогическим воззрениям К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого. Также он писал о взглядах А.С. Пушкина на воспитание, работал над монографией о русской школе в период революции 1905-1907 гг. и в первые годы советской власти. В должности профессора был утвержден в 1931 г., будучи замнаркома просвещения Узбекской ССР. В 1935 г. стал одним из первых в СССР кандидатом педагогических наук (в этом же году Н.К. Крупская стала первым доктором педагогики). А.В. Козырев был автором 85 научных работ по истории педагогики, в том числе опубликованных в 1951 г. «Очерков по истории советской школы»⁵.

А.В. Козырев активно участвовал в создании системы высшего образования в СССР. В 1929-1950 гг. был замнаркома просвещения Узбекской ССР, директором педагогических вузов в Перми, Ленинграде, Свердловске, Ставрополе и Ульяновске⁶. Однако далеко не все в его биографии было безоблачно. Когда А.В. Козырев был директором Свердловского пединститута, был арестован по ложному обвинению в августе 1938 г. После 4-месячного пребывания под арестом дело было прекращено. В 1939 г. он был освобожден, и продолжил работу профессором в том же пединституте. А уже в 1940 г. стал директором Ставропольского пединститута, с которым был эвакуирован в годы войны в Хабаровск. В 1944 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Полностью реабилитирован только в 2004 г. По состоянию здоровья в начале 1956 г. А.В. Козырев завершит работу в институте, но продолжит активную деятельность как редактор «Ученых записок ШГПИ» и руководитель школьной секции городского совета общества «Знание». Умрет в 1957 г. от острой сердечной недостаточности и будет похоронен в Шуе. В некрологе «Достойный пример для молодежи», его коллеги писали: «Двери дома этого внимательного к людям человека были открыты для всех его товарищей, для студентов-учеников. Здесь в тяжелую минуту всегда можно было найти совет, настоящую живую помощь»⁷.

Ю.Ю. Козырев, племянник, вице-президент Союза строителей Владимирской области, заслуженный строитель РСФСР,

вспоминал: «Александр Васильевич не был баловнем судьбы. Только труд, способности, высокий профессионализм неуклонно двигали его по жизни, создавали ему авторитет. Он твёрдо верил в справедливость того общественного строя, в котором долгие десятилетия жил и работал. Высокая культура, честность и порядочность, искренность в поступках, доброта к людям, беспредельная вера в силу добра – таков был Александр Васильевич Козырев в жизни!»).

Сын А.В. Козырева – Л.А. Козырев пойдет по стопам отца, в 1960-1970-е гг. будет трудиться на кафедре педагогики ШГПИ. Он был страстным филателистом и собрал лучшую для того времени в СССР коллекцию, посвященную советскому освоению космоса, которую безвозмездно передал в шуйский музей М.В. Фрунзе.

Второй профессор – Дмитрий Абрамович Райков (1905-1980), известный математик, специалист в области функционального анализа, теории вероятностей и общей типологии. Автор известных вузовских учебников, переводчик ряда классических книг по математике на русский язык.

Доктором физико-математических наук стал в 1941 г, когда работал в Математическом институте АН СССР. Ранее в 1933 г. Д.А. Райков был исключен из партии «за троцкизм» и выслан в Воронеж, где преподавал в Воронежском университете. Через 4 года был оправдан, вернулся в Москву и был восстановлен в партии.

В годы Великой Отечественной войны Д.А. Райков служил в ополчении, был ранен и демобилизован. Имел боевые награды. Профессором стал в 1950 г.

Но в 1949 г. был выдвинут с должности заведующего кафедрой математики Московского транспортно-экономического института сначала в Кострому, а затем в Шую по «пятому пункту» («национальность»), его жена также была уволена с работы и в конце 1951 г. выслана из Москвы на вольное поселение в Красноярский край⁸. Чтобы сохранить квартиру в Москве, ему пришлось развестись с женой. Но два его сына продолжили учебу в МГУ. В Москве, по его словам, он мог бывать только наездами⁹.

Еще в 1948 г. в столичных вузах началась кампания по фильтрации вузовских кадров, которая с 1951 г. приобрела жесткий и систематический характер. Этому способствовала и

введенная с середины 1950 г. ежегодная кадровая отчетность всех ведомств перед ЦК партии, по сути замаскированная «процентная норма», которая тем не менее не означала изгнания из науки и образования представителей еврейской национальности. Это было прежде всего их смещение с руководящих постов и вытеснение из столиц в другие вузы¹⁰. Узаконенным «перетеканием», но сохранением научных кадров высшей квалификации и воспользуются руководители провинциальных вузов, решая свои кадровые проблемы. Кадровый голод во вновь открытых провинциальных педвузах заставлял местные партийные власти закрывать глаза на национальный фактор.

Так будет не только в Шуе. Аналогичным образом складывалась ситуация и в Ивановском пединституте. К.Е. Балдин отмечал, что «как это не дико звучит, но послевоенные репрессии сыграли для Ивановского педагогического института положительную роль. Сюда из Москвы, Ленинграда и других крупных городов приехали видные ученые, уволенные по политическим мотивам из различных вузов¹¹. В силу большого числа вакансий в небольшом вузе эта ситуация в Шуе была заметнее, чем в Иванове.

Впрочем, разумеется, картина была далека от идиллической. В ивановском вузе проводились идеологические кампании в 1949-1952 гг., в том числе увольнения за «политическую незрелость», исключения из партии с последующим увольнением. Исключенный из партии по абсурдному обвинению, что он скрыл членство в партии эсеров, заведующий кафедрой литературы доцент А.И. Орлов смог устроиться в 1953 г. только в шуйский вуз, где и работал до конца жизни¹².

В Шуе профессор Д.А. Райков стал первым заведующим кафедрой математики молодого вуза. Тем не менее в заявлениях на имя директора И.В. Ильина сообщал о чинимых препятствиях в научной работе, что его посылают на полтора месяца бригадиром студенческой бригады по уборке картофеля или «представителем облоно» на выпускные экзамены в школе... по литературе. В сентябре 1954 г. он с болью писал: «ни в одном учебном заведении кроме нашего института не посылали профессора бригадиром по уборке урожая – не боязни попачкать их ученые ризы, а просто потому, что это не государственный подход к использованию ученых высокой квалификации»¹³.

Хотя Д.А. Райков работал в Шуе всего 4 года, он оставил о себе у студентов добрую память как ученый и человек. По воспоминаниям выпускницы физмата ШГПИ 1956 г. З.Ф. Бабаевой: «С 1 курса у нас читал лекции по матанализу, потом вёл проективную геометрию Дмитрий Абрамович Райков, зав. кафедрой математики. Он был очень вежливый. Вот, например, мы идем в дверь, смотрим, преподаватель идет. Мы, конечно, преподавателю уступим место, но он никогда не пройдет сам первый, всегда нас пропустит. Он читал лекции очень интересно, как-то с юмором, и у него уж на лекциях не заснешь. Вызовет к доске, нарисуешь какой-нибудь график, а он скажет: «Что это за график? Да у моего кота дома хвост лучше, чем ваш график!» Все смеются. У нас Макс Непомнящий учился, был сильный в математике. Придем на занятие: «Дмитрий Абрамович, вот этот интеграл не знаем, как взять!». «Так, Непомнящий! Непомнящий знает, один из всех знает. Так и знал: Непомнящий один помнит! Все помнящие не помнят!» Всё время что-нибудь такое скажет. Он 4 года у нас вел занятия»¹⁴.

В июне 1956 г. Д.А. Райков вернется в Москву, где блестяще продолжит научную карьеру. Будет успешно работать до конца жизни в Московском пединституте им. В.И. Ленина и МГУ, редакциях математических журналов. Опубликует учебники и монографии, в том числе «Векторные пространства», «Одномерный математический анализ», «Многомерный математический анализ», опубликованные в издательстве «Высшая школа».

Так случилось, что с 1956 г. после отъезда Д.А. Райкова и ухода по состоянию здоровья А.В. Козырева в Шуе не останется профессоров. Вновь профессора появятся в Шуе только в конце 1970-гг.

В дальнейшем, как и в 1952 г., Шуйский вуз еще не раз примет ученых, в силу разных причин (политических, национальных и бытовых) вынужденных сменить место работы. В последний раз это произойдет после распада СССР, когда шуйский вуз станет родным для ученых, вытесненных из бывших союзных республик, где расцветали клановость и национализм. Но это уже другая история...

¹⁴Паспорт Шуйского Государственного Учительского института //Архив ШФ ИвГУ. Л.35; 40.

² *Иванов Ю.А.* Последний и первый: два директора (из истории педагогического образования в Шуе 1940-1950-х гг.) // Наука и образование в современном мире: вектор развития. Материалы научно-практической конференции 19 мая 2022 г. – Шуя: ШФ ИвГУ, 2022. – С.83-84.

³ Там же. С.85-86.

⁴ *Добренко Е.А.* Поздний сталинизм: эстетика политики. Т.2. – М.: НЛЮ, 2020. – С.281.

⁵ Архив ШФ ИвГУ. Д.118. Л.12.

⁶ Паспорт Шуйского Государственного Учительского института // Архив ШФ ИвГУ. Л. 4 об; Л. 29.

⁷ Архив ШФ ИвГУ. Д.118. Л.22.

⁸ Паспорт Шуйского Государственного Учительского института // Архив ШФ ИвГУ. Л.32; Д.131 (207). Л.8-8 об, 5 об].

⁹ Архив ШФ ИвГУ. Д. 131 (207). Л.4, 9 об.

¹⁰ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм: в 2 ч. – М.: Международные отношения, 2021. – Часть II. С. 374-376; Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938-1953 / Сост. Г.В. Костырченко. – М.: МФ «Демократия», 2005. – С.353-357.

¹¹ *Балдин К.Е.* Ивановский государственный университет, 1918-2003 годы: Очерки истории. – Иваново: Иван.ун-т, 2004. – С.251.

¹² Там же. С.248-249.

¹³ Архив ШФ ИвГУ. Д. 131 (207). Л.15-15 об.

¹⁴ *Бабеева З.Ф.*, студентка физмата 1952-1956, сотрудник ШГПИ-ШГПУ 1963-2007. <http://sspu.ru/museum/p/stories/babaeva.html>

Н. Ю. НОВИЧКОВА
(г. Иваново)

ГОРДОСТЬ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ ИВАНОВСКОЙ ЗЕМЛИ – АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ПОЛОЗОВ

В любой профессии есть свои тайны и профессиональные секреты, глубоко постичь которые могут только люди целеустремленные, стремящиеся к вершинам истинного мастерства. Высокая мера ответственности и знание всех особенностей пожарного дела – эти слова в полной мере характеризуют человека, всю жизнь посвятившего борьбе с огнем, – начальника Ивановского пожарно-технического училища МВД СССР с 1994 по 2000 гг., с 2000 по 2002 гг. – начальника Ивановского филиала Академии ГПС МВД России полковника внутренней службы Александра Ивановича Полозова.

Пожарная служба во все времена не была легкой. Каждый пожар – это проверка на прочность, выдержать которую под силу далеко не всем. Пожарное братство – это особое единение людей, закаленных в трудных ситуациях, равнодушных к чужой беде и готовых рисковать собой ради спасения людей.

Выбрать пожарную службу делом всей жизни – достойный и очень непростой выбор. И сделал его Александр Иванович Полозов благодаря своему отцу, участнику Великой Отечественной войны, танкисту, чей ратный труд был отмечен многими наградами Родины.

Александр Иванович родился в г. Тейково в семье, где царили уважение и взаимопонимание. Отец, Иван Кузьмич, вернувшись с фронта, работал на Тейковском текстильном комбинате, но и в мирной жизни он фактически оставался на передовой – был командиром пожарного отряда при комбинате, заложив этим начало пожарной династии Полозовых.

Семейные устои помогли Александру Ивановичу сделать осознанный выбор жизненного пути – быть полезным Родине, народу. Еще в школе он начал готовить себя к трудностям службы – занимался спортом: тяжелой атлетикой, атлетической гимнастикой, чтобы быть физически крепким и выносливым. Спортивные занятия закаляли характер, помогали учиться организовывать свое время, которого хватало даже на учебу в музыкальной школе.

В 1966 г. он окончил школу с золотой медалью и вместе с друзьями поехал поступать в Тамбовское авиационное училище. Александр Иванович успешно сдал вступительные экзамены, но, узнав, что товарищи не прошли по конкурсу, забрал документы. Он не нарушил данного друзьям слова учиться всем вместе, превыше всего ценя мужскую дружбу.

Это событие в жизни Александра Ивановича оказалось судьбоносным. По возвращении домой его призвали в армию, и в военкомате начальник отдела кадров, увидев его отличный аттестат, предложил ему поступать в Ленинградское пожарнотехническое училище МВД СССР. Пример отца, для которого работа в пожарной охране стала не просто увлечением, а серьезным делом, помог сделать выбор. Так сама жизнь привела Александра Ивановича в ряды пожарных. За все годы службы в пожарной охране он ни разу не пожалел о своем решении.

В училище сразу отметили его дисциплинированность и ответственное отношение к учебе. Он был назначен командиром группы. Три года учебы пролетели быстро, оставив в памяти первые выезды на пожар, боевые дежурства, а главное – придав чувство уверенности в правильности выбранной профессии.

В 1969 г. Александр Иванович Полозов с отличием окончил Ленинградское пожарно-техническое училище МВД СССР и получил звание лейтенанта внутренней службы.

Высокие показатели в учебе давали Александру Ивановичу возможность выбирать место службы, и он решил вернуться в родные места, где начал службу начальником караула 3 пожарной части Октябрьского района г. Иваново. Александр Иванович делом доказал свою компетентность и талант руководителя. Его караул был признан лучшим в области.

Чтобы добиться такого высокого результата, необходимо было завоевать доверие коллектива, добиться слаженности и четкости действий в любых критических ситуациях. Александр Иванович всегда осознавал, что от его профессионализма зависит жизнь и здоровье личного состава караула, и первым шел на разведку в опасную зону. Так было и при тушении пожара на фабрике игрушек, который произошел в 1970 году в г. Иваново. Когда пожарные прибыли к месту пожара, огнем был охвачен весь подвал здания фабрики. Александр Иванович принял решение самому спуститься в подвал и осмотреть зону бедствия. Выгоревший пол сразу ушел под его ногами, и с огромным трудом ему удалось выбраться наружу, но, если бы вместе с ним спустились в подвал его товарищи, жертв было бы не избежать.

Уже в начале своей службы Александр Иванович определил для себя жизненное правило руководителя – быть честным и справедливым, беречь и уважать своих подчиненных. Этому правилу он следовал все годы своей службы в пожарной охране.

В 1970 г. А.И. Полозов был направлен на учебу в Высшую инженерную пожарно-техническую школу МВД СССР. Занятия со слушателями вели опытные специалисты в области пожарной безопасности, обладавшие высокой профессиональной квалификацией, и вновь Александр Иванович в числе лучших выпускников получил диплом с отличием. Во время учебы за трудолюбие и дисциплинированность его не раз ставили в пример сокурсникам.

В 1974 г. после окончания высшей школы МВД старший лейтенант А.И. Полозов вернулся в Иваново, где продолжил службу в Управлении пожарной охраны УВД Ивановской области.

Начались рабочие будни, требовавшие постоянной собранности и самоотдачи. Послужной список пополнялся новыми записями: старший инспектор, заместитель начальника отдела службы подготовки, начальник отдела службы подготовки УПО МВД СССР. Однако какую бы должность не занимал Александр Иванович, он с уважением и заботой относился к своим сослуживцам, никогда не отказывал в помощи, оставаясь при этом требовательным и принципиальным руководителем.

В 1981 г. в Ивановской области произошло значительное количество лесных пожаров. Они бушевали с середины июля до середины августа. На борьбу с огнем были направлены практически все пожарные подразделения области, формирования гражданской обороны. Александр Иванович принимал активное участие в организации пожаротушения в лесных массивах, ежедневно проводил оценку сложившейся обстановки. За самоотверженные действия он был награжден медалью «За отвагу на пожаре».

В 1982 г. Александр Иванович начал учебу в Академии МВД СССР на факультете руководящих работников. 2 года напряженной учебы завершились получением диплома с отличием. Отличная профессиональная подготовка и организаторские способности А.И. Полозова были высоко оценены руководством УВД по Ивановской области. Он был назначен заместителем начальника Управления пожарной охраны и занимал эту должность с 1984 по 1988 гг.

Одним из самых крупных пожаров в тот период, произошедших в городе Иваново, стал пожар во Дворце искусств, который в 1986 г. должен был открыться после реконструкции. Пожар начался ночью. Пламя быстро охватило зрительный зал театра музыкальной комедии, уничтожая бархатную обивку кресел, нарядную отделку стен, парадный театральный занавес. Главной задачей пожарных было не допустить обрушения конструкции здания. 12 часов боевые расчеты боролись с огнем, и огромный театральный комплекс удалось отстоять. Он стал единственным объектом в России, уцелевшим после такого

масштабного пожара. В этом есть и несомненная заслуга Александра Ивановича Полозова.

В начале 90-х гг. XX в. Александр Иванович работал заместителем начальника УВД Ивановской области по тылу. Работа всегда была напряженной, но для полковника Полозова любое порученное ему дело было превыше всего. И все же основное свое призвание он видел в службе в пожарной охране. За плечами уже был немалый бесценный опыт и стремление передать его молодым пожарным, уберечь их от ошибок, цена которых в пожарном деле очень высока, и цена эта – жизнь человека.

В октябре 1994 г. Александр Иванович Полозов был назначен начальником Ивановского пожарно-технического училища МВД СССР. Нелегко было возглавлять коллектив с уже сложившимися традициями, но трудолюбие, богатый практический опыт Александра Ивановича, знание дела, активная жизненная позиция, личная скромность и заботливое отношение к людям снискали уважение всего коллектива училища.

Сегодня ветераны академии с большой теплотой отзываются об Александре Ивановиче, высоко ценя его профессионализм, доброжелательность и трудолюбие. Несмотря на нестабильность и различные проблемы тех лет, Александр Иванович стремился не только сохранить, но и приумножить достигнутые высокие показатели деятельности командно-преподавательского состава училища.

Александр Иванович глубоко вникал во все проблемные вопросы, стремился к их оперативному решению. Все его решения носили продуманный характер, были направлены на развитие и укрепление материально-технической и учебной базы образовательного учреждения, улучшение качества подготовки молодого поколения пожарных. Он стремился создать такую рабочую атмосферу, в которой каждый понимал, что выполнение той или иной задачи – насущная необходимость.

Под руководством А.И. Полозова командно-преподавательский состав учебного заведения стремился к повышению эффективности учебно-воспитательного процесса, служебной и хозяйственной деятельности, благодаря чему в конце 90-х гг. XX в. стало возможным вывести учебное заведение на качественно новый уровень.

7 декабря 1999 г. приказом МВД России № 1002 на базе Ивановского пожарно-технического училища был создан Ива-

новский филиал Академии ГПС МВД России. Главные усилия всех сотрудников филиала во главе с полковником внутренней службы Александром Ивановичем Полозовым были направлены на то, чтобы создать комфортную, творческую обстановку для реализации новых проектов, привлечь специалистов с новыми идеями в области совершенствования образовательного процесса, как того требовал статус высшего учебного заведения.

С 2000 по 2002 г. Александр Иванович был начальником Ивановского филиала Академии ГПС МЧС России. За это время была проведена большая работа по совершенствованию учебно-материальной базы учебного заведения, укреплению кадров, повышению научно-теоретического уровня преподавания учебных дисциплин.

В 2002 г. полковник внутренней службы А.И. Полозов ушел на заслуженный отдых. Многие годы Александр Иванович принимал самое активное участие в жизни вуза, являясь заместителем председателя Совета ветеранов. На протяжении нескольких лет вел преподавательскую деятельность, обучая курсантов и слушателей профессиональному мастерству.

Государство по достоинству оценило его заслуги перед Отечеством. Полковник внутренней службы Александр Иванович Полозов за отличную службу награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями «За доблесть в службе», «200 лет МВД России», «За отвагу на пожаре». Он был удостоен звания «Заслуженный работник органов внутренних дел РФ», награжден знаком отличия «Лучшему работнику пожарной охраны МВД России».

Весь жизненный путь Александра Ивановича являет собой пример настоящего служения Отечеству и служит образцом для подражания молодым пожарным России.

Литература

1. На рубеже веков и поколений: очерки и материалы по истории Ивановского института ГПС МЧС России. – Иваново: Ивановская областная типография, 2006. – 245 с.
2. 55 лет на службе Отечеству. – Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2021. – 300 с.

Н. В. ЦИКУЛИНА
(г. Кохма)

КОХОМСКИЙ КРАЙ В РАССКАЗАХ С. Г. КОКУРИНОЙ

В 2021 г. исполнилось 130 лет со дня рождения учителя-краеведа С.Г. Кокуриной. Софью Гавриловну Кокурину по праву можно считать легендой Кохмы. В историю города она вошла не только как прекрасный педагог, завоевавший сердца разных поколений учеников, но как краевед, собиравший воедино все сведения о Кохме.

Софья Гавриловна Кокурина родилась 29 июля 1891 г. в с. Кохма. Её отец работал гравером на фабриках Ясунинских. Семья была большой и дружной. После окончания кохомского женского училища, поступила в Иваново-Вознесенскую женскую гимназию.

В 1911 г. пришла работать учительницей начальных классов во вновь открытое Кохомское земское смешанное училище (пос. Звезда). Про молодую учительницу говорили, что она учила «до звёзд». Вместе с ребятами она устраивала спектакли, даже организовала поездку-экскурсию по Волге.

После 1917 г. земское смешанное училище стало начальной школой № 1, причём, образцовой школой. Софья Гавриловна окончила институт, стала учителем русского языка и литературы, преподавала с 1937 г. в новой средней школе № 7, где и работала до ухода на пенсию.

Среди ее учеников было немало выдающихся личностей, среди них: М.Ф. Росин, А.И. Блохин, С.И. Обжерина, Б.Н. Кокурин и многие другие.

Всю жизнь Софья Гавриловна занималась краеведением (с 1920-х гг.). Активно приобщала к этому и ребят. Написала рукописную книгу по истории Кохмы. Её очерки публиковались на страницах газет, к ней не раз обращались с разными вопросами краеведы и историки.

Замуж не вышла, детей не было. Её семьёй были не только родные, но и её ученики. Она не хотела переезжать из старого родительского дома на улице Первомайской, когда ей давали квартиру. Боялась, что придут или приедут её бывшие ученики и не найдут её. Воспитанию подрастающего поколения она посвятила 46 лет жизни.

Будучи на пенсии, приходила в школы, в Дом пионеров, в училища и в техникум, рассказывая об истории Кохмы, передавала тетрадки, исписанные красивым ровным почерком – об истории образования, истории деревень...

Родина высоко оценила ее труд. Она была награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», знаком «Отличник народного образования».

Софья Гавриловна скончалась 25 декабря 1983 г., оставив о себе добрую память в сердцах кохомчан.

В 1969 г. ее бывший ученик, профессор Московского авиационного института, М.Ф. Росин на пишущей машинке отпечатал материалы, собранные С.Г. Кокуриной. Издание он сопроводил такими словами – вступлением:

Автор записок об истории Кохмы – Кокурина Софья Гавриловна, является учительницей и коренной жительницей этого старинного русского городка, любящей его историческое прошлое, революционные свершения.

Софья Гавриловна принадлежит к тому кругу народной интеллигенции, который любит и ценит свое Отечество, для которого жизнь неразрывно связана с воспитанием молодого поколения.

Мне, работающему ныне профессором в МАИ, приятно вспомнить, что начальные основы образования дала Софья Гавриловна. На всю жизнь память хранит большое педагогическое искусство своей учительницы, умевшей заставить учеников не только изучать предмет, но и полюбить свою Родину, свой родной край – Кохму.

В Москве немало земляков-кохомцев, и все мы гордимся своим городком, его окрестностями, учителями. Хотя Кохма и потеряла тот архитектурный облик, который был так нам мил в детстве; все же нас тянет к ней неведомая сила чего-то близкого, родного...

Записки Софьи Гавриловны – это не исторические исследования. Порой они содержат легенды, сказания, но воспитующее действие их велико. Они вызывают чувство гордости и любви к своему родному краю.

Кохомцы с интересом прочтут их и будут благодарны автору.

Москва апрель 1969 года М. Росин

Чем интересен материал Кокуриной? Она постаралась собрать воедино свои исследования, записи других краеведов (А.С. Долгова, А.А. Киселева), публикации о Кохме в различных изданиях. К этим запискам обращается и нынешнее поколение. Вот некоторые записи из ее тетрадей:

«В 1698 г. по приглашению русского царя из Амстердама на четырех кораблях прибыли в Россию более тысячи голландцев. В числе их была семья Тамеса. Иван Тамес завел в Кохме первую во всем Ивановском текстильном районе полотняную фабрику.

Петр I хотел развить в стране свою промышленность, и с этой целью пригласил голландцев. Указом Сената от 15 февраля 1719 г. село Кохма с деревнями были отданы на концессию иностранцу Тамесу «со товарищами». И с него повелели брать все налоги, а не с села. 10 мая 1720 г. Тамес был назначен директором этой фабрики. Кохомские жители издавна занимались изготовлением полотен и достигли в этом деле больших успехов.

В тяжелые далекие времена Ивана Грозного жители Кохмы занимались еще выработкой льняных тканей. Тонкие полотна, какие выпускала кохомская фабрика, по качеству не уступали лучшим, известным в то время голландским полотнам.

Условия труда на Тамесовской фабрике были тяжелые, и рабочие убегали с фабрики. Рабочий день длился 14-18 часов, на фабрике работали и дети 6-7 лет.

Тамес надеялся найти в Кохме рабочую силу и для Московской полотняной фабрики, хотел перевести туда бедных девок и баб, но встретил резкий отпор со стороны кохомских крестьян. «Крестьяне работать не хотят, спорят и бранятся, баб и девок не высылают, а в отпуску ребят много», – жаловался фабрикант в своем письме в обер-коллегию, которая ведала работными людьми. Кроме того, Суздальский монастырь не хотел уступать Кохму Тамесу».

«Это место называлось починок Жданный или Жданов, называвшийся также «Старые Любишки». В Починке проживали ранее малоземельные, переселенные крестьяне графа Шереметьева: Кокурины и Морковкины. Им принадлежала вся земля, находящаяся в настоящее время под Ситцевой фабрикой, зданием дома Ивана Арсеньевича Ясунинского (в настоящее время здание интерната, завода «Эмальпосуда» и садом хлопчатобумажного комбината) [здание Детской школы искусств, Кохом-

ской школы-интерната. – *Н.Ц.*] Барин сначала заложил землю: и пахотную, и луговую и лесную Ясюнинскому, а потом и совсем ее продал, а крестьян выселил в село Кохму, обещал приписать их к какому-нибудь обществу, но не приписал. Работали эти крестьяне на фабрике у Ясюнинского и превратились в безземельных мещан Шуйского уезда.

С постройкой новой фабрики в Починке обе работные в Кохме были закрыты. С 1852 г. на фабрике Ясюнинского начинает производиться замена ручного труда набойщиков механическим производством. Пар окончательно наносит удар конкурентам Ясюнинского, и они закрывают свои предприятия».

Совместно с МБУ «Централизованная библиотечная система» была выпущена брошюра – сборник статей С.Г. Кокуриной «Записки об истории Кохмы»¹.

Но она не ограничивалась только сухими фактами, записывала воспоминания старожилков, своих родных, да и собственные тоже. Как жили, как отмечали праздники, как лечились. Много воспоминаний она слышала от своих бабушек, коренных жителей Кохомской волости:

«В большие праздники старик Ясюнинский в богатой енотовой шубе, приехав из церкви, хотя от церкви до его дома не более 50 метров, раздавал с парадного крыльца или с балкона всем приходящим его поздравить крестьянам по гривеннику (10 коп.), а в храмовые праздники по пятиалтынному (15 коп.). И вся округа, крестьяне из окрестных деревень, вставали в живую изгородь за этой дачкой, некоторые крестьяне из дальних деревень приезжали даже на лошадях.

Рассказывают, что особенно щедры были Ясюнинские в те дни, когда умирал кто-то из их фамилии. Когда умирали Евтихий Никитич и Арсений Васильевич Ясюнинские, раздавали в каждый дом радиусом на 10 км от Кохмы на каждого члена в семье ситцу мужикам на рубашки, женщинам на сарафаны, ребятишкам на платья. Получали эти милостыни и крестьяне деревень Иваново, Вятчинки в 10 километрах от Кохмы по Шуйской дороге, и жители Рылихи, Сластихи (пригороды Иванова), и крестьяне Якимова, Палмыцина по Лежневскому тракту, и крестьяне Новой деревни – по направлению к селу Никольскому, Введенью. Кроме того раздавали в каждый дом муку, крупу, пшено. Это на помин души по умершим. В поминки в третий раз

столы накрывали для ребятишек, которых кормили кутьей (рисовая каша с изюмом и мармеладом, залитая медом и зварцем (компотом)).

Говорят, что обеды были настолько вкусны и обильны, что они запоминались на всю жизнь. Хозяева в шутку спрашивали ребятишек, хорошо ли у них готовят грибы (чернослив, шептала, винные ягоды, финики, урюк, изюм, груши в компоте ребята принимали за грибы)».

Эти воспоминания тоже интересны как отражение быта земляков, констатация любопытных фактов из истории края, как художественные очерки, поэтому сотрудники музея выпустили в 2021 году «самиздатом» еще одну брошюру с рассказами учительницы-краеведа².

Большой праздник

Вспоминаются дни больших праздников, когда мы, дети, все спим в своих кроватках. В спальне горят лампадки: зеленые, синие, красные... Они кажутся звёздочками сквозь слипающиеся глаза.

Мама что-то делает в кухне, и по стуку определяешь, что же делает мама. Или месит тесто, или сбивает масло, или стирает сахар, или печёт пирожки.

Пахнет маслом, мясом с луком, шипит сковородка, кипит самовар.

Мама накрывает на стол, звенит посудой.

Папы нет. Он в церкви. Мама готовит всё к его приходу. Сейчас она придёт к нам и станет будить нас пить чай и завтракать.

На ёлку

Хотя я и не училась, но на ёлку меня взяли. Учительница увидела маму в магазине и сказала, чтоб на ёлку я приходила.

Ёлка для школьников была устроена в ткацком корпусе, только что отстроенном. Помню, там стояла большая ёлка, и очень нарядная.

На этой ёлке я получила пакет гостинцев. Там было яблоко, конфеты, пряники, печенье, узловая большая конфета, драже, орехи и хлопушка.

Эти подарки запомнились на всю жизнь.

Софье Гавриловне Кокуриной было 8 лет. Наступил Новый 1900 год.

Жили-были...

Кохомские жители ловили рыбу в реке Уводи, собирали грибы, ягоды, много сажали свеклы, за что и прозывались «свёкольниками».

По праздникам мужики играли в казны, в городки, в лодыжки, в лапту.

Зимой катались с гор на ледянках, на лукошках, скамейках.

Ходили на кулачные бои на ближайшие деревни: Кохма на Любишку, на Иваново, на Шую и выходили всегда победителями.

На святках гадали, рядились, ходили по домам с песнями и прибаутками.

На масленице пекли блины, катались на лошадях и ходили на «полозёнок» (на площадь).

Катание на лошадях на масленицу сохранилось до самой Октябрьской революции и даже дольше, пока крестьяне имели своих лошадей.

Как раньше чай распивали

В старину, – рассказывала бабушка, – самоваров в Кохме не было. Чай не распивали. Водили квасы, брагу, пили зверобой, иван-чай, мяту и разные другие травы. Заваривали их в глиняном горшке или чугунке.

Когда моему отцу исполнилось 18 лет, в семье решили купить самовар. За самоваром мой дядя Алексей Платонович и мой отец ходили в Иваново. Новый самовар несли в мешке, задворками, чтоб никто не видел и не осудил: «самовар, мол, купили, богатыми становятся».

Труба на самовар была одна на всю Любишку. Самовар ставили только по большим праздникам: в Троицу, в Пасху, в Рождество и по храмовым: в Успенье, в Преображенье и другим. Трубой пользовались в очередь всей деревней.

Сначала долго ломали головы и спорили, как греть самовар, куда наливать воду и сколько кому ставить.

Самовар грелся, а вся семья стояла вокруг и наблюдала, как он кипел.

Когда садились пить чай, окно в доме завешивали или закрывали закроями, чтобы проходящие по улице люди не увидели и не осудили за то, что «чай распивают».

Заваривали зверобой, иван-чай. Пили чай с мёдом, с узловыми конфетами, с вяземскими пряниками, с вареньем паточным, с вареньем медовым, с черносливом, с баранками или с парскими сайками.

В порциях не стеснялись. Варенье накладывали в блюдо или в горшок и брали столовыми ложками.

Как лечились в старину...

Лекарей не было. Лечились сами. В мае собирали лекарственные травы: трефоль, брусничник, валерианов корень, колчан, дикую рябинку – сорокопрытку (от 40 прытков – болезни), спорынью, очанку, ромашку, в июле собирали липовый цвет, сушили малину.

Пили огуречный и капустный рассол при желудочных заболеваниях.

Дедушка мой, Платон Якимович, так и умер от капустного рассола, за которым баба Фёкла нарочно ходила к Щербаковым (кохомским фабрикантам). Говорят, они многим давали его по просьбе.

Балдина Мария Николаевна, жена другого фабриканта, хорошо лечила глаза. Давала какой-то воды. Составляла её сама. За этой водой приходили к ней издалека и получали помощь.

¹ Записки об истории Кохмы: сборник статей кохомского краеведа С.Г. Кокуриной / Сост. Н.В. Цикулина; ред.: А.А. Базунова, М.Р. Емельянова, Н.В. Цикулина. – Кохма: МБУ Музей истории городского округа Кохма; МБУ ЦБС городского округа Кохма, 2021. – 50 с.

² Кохомский край в рассказах С.Г. Кокуриной / Ред.: Н.В. Цикулина. – Кохма: МБУ Музей истории городского округа Кохма; МБУ ЦБС городского округа Кохма, 2020. – 18 с.

Л. П. БАТЫРЕВА
(г. Шуя)

СЛОВО И ВРЕМЯ:

сбирать, насбирать, сбирун, сбирунья, сбирушка

Говорам Ивановской области известно слово *сбѣраѣть* ‘нищенствовать, просить милостыню, подаяние’ и его производные – *сбирун* ‘тот, кто просит милостыню’, *сбирунья* и *сби-*

рушка ‘женщина, которая просит милостыню¹, *насбирать* ‘собрать милостыню’.

См., например, записи устной речи местных жителей²:

*По воскресеньям, только по воскресеньям, одинокие старушки, у которых никого нет, вот ни детей, никого, они с корзиночкой, с палочкой ходили по домам, и кто что подаст. Палочкой они постучат по окошечку. У нас вот была Анна Пешная, вот она постоянно ходила **сбирала**, ей вот дадут пирожок, пару яичек вот. И эти люди не пьяницы, ничего. Они просто ходили **сбирали** – кушать было нечего. Из соседней деревни также ходили. Помню женщину, ой господи, как её? Матрёна Корявая мы её звали. Да-да, Матрена Корявая. Та тоже приходила **сбирала**. Кинешемский р-н;*

*А раньше чуни носили, это стёганые, что ли, как сапоги, внутри них – вата. Делали их сами, а то и на базаре тут вот покупали. У нас раньше в них всё бедная ходила, которая **сбирала**. Палехский р-н;*

*У меня два брата **сбирали**, у церкви стояли. Южский р-н;
Я помню, Александра Антонычева, она **сбирала**. Пучежский р-н;*

*Дед **сбирал**, а его сестра с корзиночкой рядом ходила, клала туда всё. Комсомольский р-н;*

*Люди **сбирали** – просили подаяние: «Подайте милостыньку ради Христа!» – говорили тягучим голосом. Комсомольский р-н;*

***Сбируны** – это бедные люди, которые с мешками или корзинами ходили по домам, стучали в окно, собирали запасы: еду, шабонки³Ивановский р-н;*

*Их ходило полно, ходили милости⁴ просили нищие, совсем уже нищие люди, у которых совсем ничего не было, то слепые, то калеки, вот оне ходили, побиралиса, **сбируны** ходили, всё время ходили. Много было их, очень даже, но кусок, если есть чё, всё время падали, их не обижали. Были которы постоянно ходили. Вот оне обойдут несколько деревень, вот оне, и вот так кружили и кружили. Тейковский р-н;*

*Шла с базара – **сбирунья** навстречу. Палехский р-н;*

*Да, ходили, **сбирали**. **Сбируньи**, **сбирушки**. Ходили всякие по деревне. Вичугский р-н;*

*Вот она и выкладыват пять кусочков нам – нате, я **насбирала**. Пучежский р-н.*

Названные лексемы известны не только говорам Ивановской обл. Слово *сбирать* представлено, например, в СРНГ с территориальными пометами Вят., Костром., Горьк., Влад., Моск., Пск., КАССР, Среднеобск. [СРНГ, вып. 36, с. 174]; отмечено в разных лексикографических трудах [СВГ, вып. 9, с. 196; СГП, с. 459; СРГК, вып. 5, с. 640; СРГТМ, с. 1114; Климова и др., с. 242]. Фиксируются словарями другие лексические единицы с этим значением: *сбира́ться* [СРГК, вып. 5, с. 640; СРГБ, 2005, с. 21; СРГА, т. 4, с. 55], *сбира́шничать* (Твер., Пск.), *сб́ироваться* (Астрах.) [СРНГ, вып. 36, с. 174]; *сбирать по́ миру* [СРГТМ, с. 1114].

Слово *сбирун* дается в СРНГ с пометами *Иван.*, Ярослав., Влад., Южн., Горьк., Моск., Сев.-Зап., отмечено в СГП, в ЯОС, в ЯОСД. Того, кто просит подаяние, милостыню называют также *сбирашкой*, *сбирушей*, *сбирушкой*, *сбирущим* [СРНГ, вып. 36, с. 175].

Женщину, живущую подаянием, именуют не только *сбируней* [СРНГ, вып. 36, с. 175; СГП, с. 459; ЯОСД, т. 2, с. 256] и *сбирушкой*, но и *сбирухой* [СРНГ, вып. 36, с. 175; ЯОС, вып. 9, с. 12].

Сбируха, в свою очередь, – это также наименование милостыни [СРНГ, вып. 36, с. 175], равно как и *насбируха* [СРНГ, вып. 20, с. 152].

Слово же *насбирать* ‘нищенствуя, насобирать’ обнаруживаем СРГТМ [СРГТМ, с. 625].

Объемное словообразовательное гнездо с вершиной *сбирать* в русских говорах свидетельствует о распространенности данного явления. О его массовом характере говорит также факт существования коллективного прозвища *Филлиповские сбируны*: *Степаши дрались, Лосевские цыганы, Павловские братаны, Филлиповские сбируны, Ефросинские тананái. Вот такие прозвища; Филлиповские сбируны, навыгреб в Павлово гулять!* (Комсомольский р-н).

И диалектоносители, и диалектологи характеризуют попрошайничество как явление прошлого. См., например, толкование слова *сбирун* в ЯОС: ‘в старой деревне – нищий’. Информативными в этом плане является и представленные записи речи местных жителей, и иллюстративный материал соответствующих словарных статей в разных лексикографических трудах: *Раньше ходили сбирали, под окнами встанут: дайте Христа*

ради; Раньше по дорогам и сбируны нередко хаживали; Сбирунов было много при барах; Шчас уж никто не собирает, а после войны были нишчы-то. В качестве причины попрошайничества люди называют бедность, связанную с войной, с отсутствием пенсии у деревенских жителей (*Как стали давать пенсию, так и собирать перестали*), голод (*Рабочие собирали по деревням. Их дразнили: «Писцовщина, голодовщина!» Голод был страшный. Отец умер, мы тоже собирали, но не так*).

Можно констатировать, таким образом, что обращение к диалектному слову позволяет представить жизнь русской провинции, её прошлое, а также фиксировать происходящие изменения, поскольку эти изменения находят отражение в лексическом составе и системе говоров.

¹ У слов *сбирун, сбирунья, сбирушка* в говорах появляется новое значение – ‘оборванец’, ‘оборванка’, и это закономерно – связано с соответствующим внешним обликом просящих подаяние.

² Фактический материал собран во время диалектологических экспедиций 1991–2022 гг. Материалы, касающиеся Комсомольского р-на, взяты из книги В.И. Майоровой [Майорова].

³ *Шабонки* – старая одежда.

⁴ *Милость* – милостыня.

Литература

Майорова В.И. Слово о былом. – Лондон: LuluEnterprisesUKLtd., 2011. – 414 с.

Список сокращений

Климкова и др. – «Речи родимой бескрайняя даль...». Говоры Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья: хрестоматия / Сост.: Л.А. Климкова, Е.Ю. Любова, Л.Г. Мачалова, О.В. Никифорова, Г.Н. Тюрина; науч ред. Л.А. Климкова. – Арзамас: АГПИ, 2009. – 264 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров в 12-ти вып. / Под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ, ВГПУ, 1983–2007.

СПП – Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. – М.: МГПИ, 1969. – 597 с.

СРГА – Словарь русских говоров Алтая. Т. 1–4. – Барнаул: АлтГУ, 1993–1998.

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии / АН Республики Башкортостан; Министерство общего профессионального образования РФ; Башкирский государственный университет / Под ред. З.П. Здобновой. – Уфа: Гилем, 1997–2005.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. / Гл. ред. А.С. Герд; Отв. ред. О.А. Черепанова. – СПб.: СПбГУ, 1995–2005.

СРГТМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. – СПб.: Наука, 2012.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–50. – М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2017.

ЯОС – Ярославский областной словарь: В 10 вып. / Под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль: РИО ЯГПИ, 1981–1991.

ЯОСД – Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т.К. Ховриной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

СЛОВО И ВРЕМЯ: *торфушка*

Современный местный лингвистический ландшафт – результат пространственно-временной и социокультурной динамики, при этом наиболее значительны и очевидны трансформации лексического состава говоров, главное из которых – утрата диалектных слов.

И всё же некоторые лексемы продолжают жить, «приспосабливаясь» к новым реалиям, актуализируя новые значения. Одно из таких слов – *торфушка*.

Появление его связано с торфоразработками, которые в первой половине XX в. велись в разных регионах страны, в том числе на территории Ивановской области. «Вокруг этого явления сложился собственный мир, со своими нормами, распорядком и лексикой. Эта субкультура, кажется, совсем ушла в прошлое, однако оставила глубокий след в судьбе и личной жизни ее участниц» [Торфушки или русалки], а лексикон жителей разных регионов страны, в том Ивановской обл., пополнился словами, именующими реалии этого рода деятельности. См., например, фрагмент рассказ жительницы д. Морозово Тейковского р-на Ф.Н. Мичёвой:

– Они торф *размывали* и *разливали* по полям, потом приезжали мордва. Мордва... Это вот торф, который разольют, машина пройдет, его делали как кирпичики, как кирпичики его резали. Потом они его (торф) *клали в змейку*, потом *в столбик*, сушили и потом уже *в караван клали*. Потом приезжали чувашки и мордва, оне уже собирали торф сухой, ходила машина такая *флэзерна* уборочная, вот *фрезеровали*, всё сушили, и вот оне на *тачанках* всё собирали и *клали в караван*. *Тачанка* – как вот теперь тележки с двумя ручками и одно колесо. Вот оне на такой вот *приедут*, и был *гребёк* такой, одна едет с этой *тачанкой*, а другой *валики* наделает, и вот она едет, и их *гребут* в *тачанку*. И *свájживали* вручную, возили *в караван*, чтоб было всё в одном *караване*. (Запись Митрофановой Е., Яковлевой Н., 2020 г.).

Мы видим здесь и названия трудовых действий (*размывать, разливать по полям, фрезеровать, грести, свájживать*),

и названия различных приспособлений для уборки торфа (*флэзерна машина, тачанка, гребёк*), и наименования способов укладки торфа (*в змейку, в столбик, в караван*).

На торфопредприятиях трудились, как правило, деревенские девушки, которые вербовались в разных регионах страны. Т. Сергеева в статье «Крупницы истории: торфопредприятие «Марково-сборное», опубликованной в газете «Новая заря», сообщает, например, что в Комсомольский р-н Ивановской обл. «были призваны несколько тысяч человек. В основном девушки 16–17 лет» [Сергеева].

Работа на торфопредприятии была непростой. Жительница д. Павлуково Шуйского р-на А.М. Сергеева рассказывает:

– *Меня мобилизовали как трудовой фронт, на торфболото, на Тепляковское. Заготавливали торф для фабрик. Вот там и кисла, ноги вот там я и попортила. Там погода всякая была: и холодная, и теплая. А ноги-то все в мокóre. Надевали нам бахилы брезентовые на ноги, а они промокали. Ноги-то вот я и испортила на болоте. Много делянок-то мы тогда прошли. Четыре года работала на болоте летом, а зимой пилили дрова в лесу.*

Тружениц торфоразработок называли *торфушками*. Слово в этом значении известно на разных территориях. В СРНГ, например, оно дается с пометами Ленингр., Моск., Яросл., Иван. Прочитируем также местных жителей:

– *Торфушка – это так называли сезонных у нас. Вот торфушка-то, что торф убирала. Вот: «Торфушки приехали». В первый раз в конце марта приезжали воронежские, их вербовали на рóзлив торфа. Тейковский р-н;*

– *Селезнево расположено около двух болот, которые разрабатывались для добычи торфа. Работали здесь приезжие, мы их звали торфушками. Комсомольский р-н;*

– *Народ стали набирать, торфушки стали приезжать. Стали командировать. Привозили торфуш[о]к. Сколько было! Комсомольский р-н.*

Сейчас люди высказывают недовольство тем, что разработки торфа нарушили экологическую систему (см., например: *Сосняк. Заводи. Там были такие продухи с дом [величиной]. Как стали разрабатывать [болота], так всё и нарушили. Комсомольский р-н*). Однако в свое время для жителей деревень торфоразработки были благом. Торфушкам продавали продукты

питания и др., пополняя таким образом скудный бюджет семьи. См., например, записи рассказов местных жителей:

– *Всё продавали. Яйца продавали, на базар носили, если что оставалось от этого, ну, что государству – носили на базар. Молоко. Две четверти молока утром надоят, и я две четверти на плечо в мешках в этих, во льняных. Не баллоны, а четверти, вы представляете, оне такие высокие, тонкие, бутылки большие. Вот эти две четверти принесу на болото, к торфушкам. Там торфоразрабатывающее болото было. Десять километров от нас. И вот по баракам, оне в бараках жили, все одинокие, оне – кто кружку нам налей, кто поллитрову банку. Мне гор[с'] – получалось у меня мелочи. Ну, деньги-то тогда были какие, э[шишó] до хрущевских-то, были деньги-то какие? С мелочью пойдём, за хлебом пойду, в очередь встану, ну, мы все девочки так бегали, вся деревня, все так, изо всех деревень. Мы пораспродали это молоко, поразнесли по этим, по баночкам, стоим в очереди, очередь подходит, нам отвечают: “И[шишо] не все взяли торфушки, вот работают кто, вот останется, и вам продадим”. Мы опять в хвост заходим. Опять стоим, а потом купим хлеба, и четверти-то мешали пустые-то, мешали. И[шишо] с молоком-то мы несли, знали, что надо их продать, да деньги чтобы были, а потом пустые-то тоже мешали. Хлеба-то несёшь, да э[шишó] эти пустые четверти. (Приволжский р-н, 2020 г., запись Серова А.);*

– *Денег не имели. Жили своим трудом. Продадим четверть молока, а торфушки (с торфоболота) хлеб нам дадут. (Комсомольский р-н) [Майорова, с. 19];*

– *Жене моей давали браковочный утóк (нитки). Мы перематывали его в клубки и продавали торфушкам. Они вязали кружева. (Комсомольский р-н) [Майорова, с. 158].*

Слово фиксируется и в других значениях. Торфушкой называют телегу для перевозки торфа [СРНГ, вып. 44, с. 291], корзину [СРНГ, вып. 44, с. 291], в том числе в ивановских говорах. Ср.: *Картошку когда копаем, то сразу в торфушку складываем, чтоб корове сразу али свинье. Приволжский р-н; А е[шиш]о надо было в торфушку [класть], а эки (эти) торфушки в вагоны по трапу. А мы сами-то по пятнадцать годов. Нас соплёй перешибёшь. Приволжский р-н.*

Широко известно метафорическое значение – ‘грязный, запачканный человек’ [СРНГ, вып. 44, с. 291], а также ‘плохо

одетый человек' (Торфушкой у нас в деревне называли плохой наряд. Часто у нас говорили: «Одета как торфушка». Т.е. одета очень плохо. Ивановский р-н; Это больше назовёшь деревенскую женщину. Торфушка. Ну вот, как меня, бабушку, можешь обзвать как-нибудь. Клуха. Клуха идёт, правильно. Ну вот, то же самое почти как торфушка. Идёт, подол до полу, да полушубок надела. Ну, в общем, наряжусь вот я по-деревенски и буду торфушкой. Южский р-н). Причём это бранное слово, так называемая «обзывалка», может уже вовсе не соотносится с первичным значением слова: Торфушка – это скорее воспринималось как обзывалка такая. Не знаю, от чего произошло слово и что значило, но было такое, да. Слышала, что девчушек так называли, но они, наверно, тоже не понимали значение. Ивановский р-н.

Итак, с закрытием торфоразработок слово **торфушка** не закончило жизнь, оно оказалось востребованным в говорах в одном из своих значений, эмоционально-экспрессивном.

Литература

Майорова В.И. Слово о былом. – Лондон: LuluenterprisesUKLtd., 2011. – 414 с.

Сергеева Т. Крупицы истории: торфопредприятие «Марково-сборное»[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gazeta-zarya.ru/2017/08/14/%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5-%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE-%C2%AD-%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B5/>

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–52. – М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2023.

Торфушки или русалки. Забытая субкультура торфоразработок. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://korotkoedetstvo.bm.digital/article/585731452676629314/torfushki-ili-rusalki>

Д. С. МАРКОВ
(г. Шуя)

ШУЙСКИЕ ГОРКИ

*И слышал дух мой про край холмов,
Где есть рождение в посеве слов.*

С.А. Есенин

Неровности земной поверхности издавна играли важную роль в изменении городской планировки и формировании городской среды исторических поселений¹. Традиционно принято считать, что для городов, которые возникали на холмистой равнине верхневолжского региона, важнейшим фактором развития являлись реки². Увеличиваясь в размерах на равнинной территории, каждый город стремился к сохранению компактной и эффективной формы. Однако речные притоки, излуцины и старицы образовывали естественные преграды. Преодолевая такую преграду, переходя на противоположный берег реки или притока, историческое поселение вступало в новую фазу своего существования, которая находила отражение в его планировке и фиксировалась в исторически обусловленной асимметрии первичного плана.

В свою очередь реки также являются ведомым компонентом ландшафта. В нашей местности они протекают по понижениям, образованным совокупностью холмисто-грядовых, равнинных и западных поверхностей. На важную роль рельефа в складывании системы населенных пунктов косвенно указывает и обилие топонимов ландшафтного происхождения (Горицы, Новые Горки, Горкино и др.)³.

Важной природной особенностью окрестностей города Шуя является наличие обширных избыточно увлажненных понижений, слабо связанных с речной сетью и формирующих обширные заболоченные пустоши (например, Вангирь). Эти особенности рельефа обусловлены геологической историей местности и непосредственно связаны с древними ледниками, трижды покрывавшими окрестности Шуи. Московское оледенение (190-150 тысяч лет назад) сформировало систему моренных холмов, оставшихся после вытаивания массивов льда, а также сложную сеть водных потоков, озер и болот⁴. При этом до сих пор возни-

кают терминологические несогласия, связанные с местной топонимикой, а также отсутствуют систематические описания ряда элементов природного ландшафта окрестностей города Шуи, сыгравших значительную роль в истории развития территории, что актуализирует проведение настоящей работы. Целью исследования является систематизация историко-географической информации о генезисе, эволюции и современном состоянии доминирующих форм рельефа в окрестностях города Шуи для выявления их роли и влияния на формирование пространственно-планировочного каркаса исторического поселения на разных временных этапах его развития.

Исследовательская работа выполнена по материалам камеральных и полевых исследований, проведенных в 2005-2024 гг. В качестве исходной информации использовались крупномасштабные топографические карты масштаба 1:10 000, а также актуальные космоснимки системы Landsat. Историко-географический блок информации представлен разновременными топографическими картами Владимирской губернии и Европейской России (с указанием широт и долгот), составленных под руководством А.И. Менде (1855 г.) и И.А. Стрельбицкого (1871 г.). Пространственный анализ топографических карт проводился с использованием функций ГИС ArcGIS 10.2 на основе базы данных ГИС «Качество урбозкосистемы городского округа Шуя Ивановской области» (свидетельство о государственной регистрации №2011620729). При выполнении исследования использовались материалы Ивановского геологического фонда, а также натурные экспонаты МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта» г.о. Шуя.

В научной терминологии распространенные ландшафтные топонимы трактуются однозначно и непротиворечиво, хотя в обыденном представлении граница между ними достаточно размыта. Так, согласно Толковому словарю русского языка *«холм – это округлая возвышенность с пологими склонами, небольшая отлогая горка»*, а *«гора – это значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью»*⁵. Важное уточнение содержится в словаре В.И. Даля, в котором, в частности, указывается, что *«гора – это значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью»*, а также *«на Волге, гора, высокий или горный, т. е. правый берег, а левый луговой»*, при этом *«холм – это горка, большой бугор, округлое и*

*пологое возвышенье, вроде шелома; курган»*⁶. В научной геоморфологической литературе определяется, что при прочих сходных элементах гора имеет относительную высоту выше 200 метров, а холмы – ниже. Таким образом, гора и холм являются очень близкими по значению понятиями, различающиеся лишь формой и высотой, однако в народной традиции верхневолжского региона их часто рассматривают как синонимы (например, Гора Левитана в Плесе или Глазова Гора в Юрьевце, являющиеся склонами коренного берега реки Волги).

Современный рельеф окрестностей города Шуя представлен пологоволнистой равниной равномерно и неглубоко расчлененной долинами реки Тезы и ее притоков (Сехи, Мотовилихи, Мардаса, Зиновки и др.), оврагами, холмами, озёрными котловинами и заболоченными понижениями. Среди наиболее крупных холмов (которые в местном диалекте часто именуется «горами»), оказавшими наибольшее влияние на историю развития города, можно выделить Осиновую гору, Танковые горы, Взоровскую гору, Китовскую гору, а также Кочневскую гору и Тезянскую гору. Также в местной топонимике встречаются сопряженные названия Нагорные и Высокие улицы, Крутиха.

Осиновая гора является настоящим форпостом города Шуя, она доминирует над окружающим ландшафтом и имеет наибольшую высоту в 132,7 метра над уровнем моря. В геологическом отношении она представляет собой морену напора – структуру, образованную относительно быстрым и мощным ледниковым языком, который как бульдозер срезал осадочные породы и переотлагал их при своем постепенном вытаивании. Это подтверждается наличием отторженцев древних пестроцветных триасовых глин, традиционно использовавшихся для изготовления кирпичей.

Танковые горы генетически связаны с Осиновой горой, они представляют собой систему моренных холмов с высотами около 130 метров. Благодаря активным заготовкам песка на карьерах ландшафт Танковых гор нарушен и производит впечатление искусственного. Однако генетически он представлял собой единую гряду, окаймлявшую древнее болото Вангирь, останцем которого является современная заболоченная озерноледниковая равнина, окружающая Яскинское озеро. Танковые горы интересны наличием выраженных чешуйчатых морен, отражающих «складчатый» характер данного ландшафта, а также

обилием принесенного древним ледником валунного материала, размером до 3 метров, очевидно, послужившего основанием для названия деревни Камешково, расположенной на южном склоне данного холма.

Одним из наиболее известных, хотя и редко используемых в современной топонимике Шуи холмов, является *Взорновская гора*. В основополагающей работе по местному краеведению в середине XIX в. при описании территории В.А. Борисов указывает, что город Шуя «отъ запада со Взорновской горы, а съ востока съ Холодной горы, представляется въ живописномъ виде»⁷. Этот холм имеет абсолютную высоту 120,2 метра и интересен тем, что здесь, рядом с рекой Зиновка и многочисленными выходами подземных вод, издавна существовала деревня Взорново, позже вошедшая в городскую черту. Именно здесь располагается один из наиболее эстетичных ландшафтов в окрестностях Шуи, с перспективной смотровой площадки открывается панорама на долину реки Тезы и комплекс ключевых достопримечательностей города.

Китовская гора (на исторических картах XIX в. она обозначена как *Скитовская*) – это один из наиболее известных холмов в городе и его своеобразная «визитная карточка», так как именно с неё открывается одна из наиболее широких перспектив при подъезде из областного центра, а также на ней расположена смотровая площадка, обозначенная на популярных картографических сервисах. В геологическом отношении Китовская гора известна тем, что карьер, расположенный на ней, был детально исследован учёными и по результатам этой работы была выделена целая группа отторженцев раннетриасовых пестроцветных глин, описанных в центральных научных публикациях⁸. В топонимике особенности рельефа данной местности отражены в названии д. Высоково, расположенной на берегу реки Сехи, оконтуривающей Китовскую гору с юга и востока.

Относительно местоположения вышеупомянутой *Холодной горы* имеется ряд неоднозначных трактовок. С одной стороны, в геоморфологическом отношении она соотносится с *Кочневской горой*, расположенной на территории деревни Кочнево (ныне Кочневских улиц). С другой – она может ассоциироваться как с Танковыми горами, так и с Осиновой горой (исходя из того, что в отношении форм рельефа и геологической основы они очень близки). Кочневский холм является отрогом древнеледни-

ковой гряды с максимальной высотой 115,5 метра, именно его склоны традиционно формировали естественный рубеж, отделяющий историческое поселение от комплекса заболоченных понижений Яскинского болота.

Описанные выше моренные холмы, называемые шуянами «горами», по своей геологической основе очень близки. Все они являются останцами древних ледниковых глыб, длительное время вытаивающих на местности и отлагающих принесённый обломочный материал. Однако также нужно остановиться на ряде топонимов, имеющих иное происхождение, на крутых склонах на берегах реки, среди которых в действующем генеральном плане выделяется *Тезинская гора (Посылинская гора)*, по своему происхождению являющаяся оврагом, естественным образом ограничивающим историческую часть Шуи.

Одним из наиболее интересных шуйских топонимов является «Крутиха», которая В.А. Борисовым характеризуется как *«самое пленительное место из окрестностей, куда собираются жители любоваться природой»* и которое *«красотою своею привлекает шуйскую публику во всё продолжение лета для прогулок»*.

Таким образом, Шую с определенными оговорками можно называть *«городом на шести холмах»*, хотя при проведении дальнейших историко-географических исследований и реконструкций количество «холмов» может увеличиться. Среди сохранившихся в народной памяти, но недостаточно изученных, также нужно упомянуть Размазину гору, местоположение которой точно не установлено, а также одно из наиболее живописных мест с красивым видом на Шую – Яковлевскую гору около д. Кошеево.

Описанные в данной статье «шуйские горы» (или холмы) как формы рельефа, сыгравшие значительную роль в складывании структуры городского ландшафта Шуи как исторического поселения, представляют интерес с точки зрения науки, образования и сферы туризма. Уникальные аспекты местной топонимики являются эффективной основой для создания туристско-экскурсионных маршрутов, разработки местных территориальных брендов и развития туристских дестинаций.

¹ Рельеф среды жизни человека (экологическая геоморфология) / Отв. ред. Э.А. Лихачёва. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2002. – 640 с.

- ²Ценные природные объекты города Шуи: Путеводитель. Авторы-составители М.П. Шилов, Д.С. Марков, А.В. Рябов / Отв. ред. В.В. Возилов. – Шуя: ШГПУ, 2010. – 120 с.
- ³*Тяпков Н.Н.* Топонимический словарь Ивановской области: Географические названия: сёла и города. – Иваново: Издательский дом «Референт», 2018. – 308 с.
- ⁴Город Шуя и Шуйский округ: географическое, историческое и экономической описание / Сост. В. Рыжов. – Шуя: тип.им. М. В. Фрунзе Ивполиграфтреста, 1930. – 327 с.
- ⁵*Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «А-Темп», 2010. – 994 с.
- ⁶*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Цитадель, 1998. – 2030 с.
- ⁷*Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов): В 3 Т. Т. 1 / Ред.-сост. Е.Г. Воплин, В.И. Баделин. – Иваново: МИК, 2001. – С. 71.
- ⁸*Малкин Б.В., Миледин А.К.* О гляциотектонических деформациях в Ивановской области // Геологический вестник Центральных районов России. – 2001. – №1. – С. 23-34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балдин Кирилл Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета

Батырева Лариса Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Бутрин Егор Сергеевич – кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела публикации и использования документов государственного архива Ивановской области

Гаврилов Вадим Геннадиевич – военный историк Историко-патриотического объединения «Багратион», член Общества изучения русской усадьбы

Голдобина Наталья Анатольевна – независимый исследователь Историко-патриотического объединения «Багратион», член Общества изучения русской усадьбы

Иванов Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Иеромонах Тихон (Захаров) – ключарь Воскресенского кафедрального собора г. Шуи

Касаткина Светлана Вадимовна – кандидат исторических наук, директор Заволжского городского художественно-краеведческого музея

Красницкая Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории, географии и экологии Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Куратов Олег Валерьевич – писатель, краевед

Макарьянц Борис Леонидович – научный сотрудник Ивановского областного художественного музея

Марков Дмитрий Сергеевич – кандидат географических наук, доцент Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Монякова Ольга Альбертовна – доктор исторических наук, директор Ковровского историко-мемориального музея

Мохонова Ольга Николаевна – краевед

Новичкова Наталья Юрьевна – доктор культурологии, доцент Ивановской Пожарно-Спасательной Академии ГПС МЧС России

Петрова Елена Геннадиевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; прямой потомок Шуйского купца А.И. Посылина

Сбитнева Инна Станиславовна – учитель коррекционных дисциплин школы-интерната для слабовидящих и слепых детей г. Владимира

Семененко Александр Михайлович – кандидат исторических наук, директор Государственного архива Ивановской области

Ставровский Евгений Сергеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и организации предприятия Ивановского государственного энергетического университета

Удалова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук

Цикулина Наталья Валерьевна – замдиректора МБУ «Музей истории городского округа Кохма»

Черниховский Дмитрий Михайлович – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета

СОДЕРЖАНИЕ

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

- **Макарьянц Б. Л.** Похвала на икону Одигитрии Шуйскую: Опыт реставрации памятника словесности XVII в. 3
- **Макарьянц Б. Л.** Воскресенская церковь Шуи в Писцовых книгах XVII в. 9
- **Бутрин Е. С.** Обывательские книги г. Шуи и учет городского населения в конце XVIII – первой половине XIX вв. 14
- **Бутрин Е. С.** Покушения на помещиков в Шуйском уезде в конце XVIII – первой половине XIX в. 31
- **Петрова Е. Г.** Шуйский купец Алексей Иванович Посылин и его потомки 45
- **Петрова Е. Г.** Материалы к истории купцов Посылиных в музейных коллекциях 50
- **Цикулина Н. В.** Есть и ситец, и муслин... 54
- **Ставровский Е. С.** Трагедия маленького человека – ученика Шуйской мужской гимназии 59
- **Черниховский Д. М.** Шуйские постройки епархиального архитектора Николая Корицкого . . . 63
- **Мохонова О. Н.** Братья Звездины: известные и неизвестные 69
- **и/м Тихон (Захаров)** Святыни на весах. Описание изъятых ценностей из Воскресенского собора 73

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

- **Монякова О. А.** Шуйско-Смоленская икона Божией Матери в Ковровском Христорождественском соборе 81
- **Гаврилов В. Г.,
Голдобина Н. А.** Владимирской губернии вотчины владения Его Сиятельства графа Александра Романовича Воронцова 85

- Касаткина С. В. Семья Бредихиных: новые данные . . . 92
- Красницкая Т. А. «Представить к награде». Поощрения учителей церковных школ в дореволюционной России 98
- Удалова О. С. Организация отдыха учащихся женских гимназий Владимирской и Костромской губерний в начале XX в. . . 102
- Касаткина С. В. Усадьба Орехово и писатель А.А. Потехин 106
- Балдин К. Е., Семененко А. М. Кинематограф в дореволюционном Иваново-Вознесенске. Фильм-хроника о празднике иконы Казанской Божией Матери в июле 1913 г. . 112
- Монякова О. А. Ивановские и шуйские корни ковровских оружейников 116

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

- Сбитнева И. С. Как три епископа и один митрополит монастырскую ризницу ограбили (*детектив 1920-х годов*). 121
- Куратов О. В. Из воспоминаний шуйского послевоенного детства. Картинки к онтогенезу советской психики 129
- Иванов Ю. А. 1952 год: первые профессора в Шуе 139
- Новичкова Н. Ю. Гордость пожарной охраны Ивановской земли: Александр Иванович Полозов 145
- Цикулина Н. В. Кохомский край в рассказах С.Г. Кокуриной 151
- Батырева Л. П. Слово и время: *сбирать, насбирать, сбирун, сбирунья, сбирушка* . . 157
- Батырева Л. П. Слово и время: *торфушка* 161
- Марков Д. С. Шуйские горки 165

- Сведения об авторах. 171

НАШ АНОНС

Уважаемые коллеги!

Шуйский филиал Ивановского государственного университета и Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта приглашают Вас принять участие в Чтениях по региональной казуальной истории «Уездная старина».

Мы ждем от Вас материалов, связанных с историей Шуи и Шуйского уезда как в границах Владимирской губернии, так и в границах Шуйского района Ивановской области в период с конца XVIII века до 20-х годов XX века. Нас интересуют сообщения о любопытных фактах, случаях, событиях (возможно, анекдотических, но достоверных), биографические материалы о забытых незаурядных людях.

Нам интересны аналогичные материалы об уездной жизни во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях в указанный период.

Ждем от шуян документальных свидетельств о жизни в городе в прошедшем XX веке.

Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. XIV. – Шуя, 2024. – 176 с.

Технические редакторы: Е.В. Ставровская, Е.Ю. Фаркова

Подписано к печати 05.10.2024 Формат 60x84/16
Бумага ксероксная. Печать ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. листов 10,23 Тираж 300 экз.

Издательство ФГОУ ВО Шуйский филиал «ИвГУ»

Отпечатано в ИП Пряслов А.А («ПолиЦентр»)
155900 г. Шуя ул. Ленина д. 30, тел. (49351) 4-44-04.